Поль
ШАКОРНАК

ВЕЛИКИЕ ТАЙНЫ ИСТОРИИ

ГРАФ СЕН-ЖЕРМЕН
ХРАНИТЕЛЬ ВСЕХ ТАЙН

АРГУМЕНТЫ И ФАКТЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Одни считали его аферистом и лгуном, который дурачит простофиль по всей Европе Другие верили, что он — адепт алхимии и мудрый маг, посвященный в древние мистерии. Поль Шакорнак (1884–1964), французский библиограф, взялся за трудную задачу написать о таком человеке объективную книгу, не впадая ни в презрительный критицизм, ни в восторженный экстаз адепта. В биографии загадочного графа Сен-Жермена, «друга Екатерины Великой и Понтия Пилата», Поль Шакорнак избежал крайностей и сделал множество открытий, которые не раз порадуют читателя своей неожиданностью и исторической интригой.

Знак информационной продукции 16 +

-
- ОТ ИЗДАТЕЛЯ
- ПРЕДИСЛОВИЕ
- Часть первая
  - Первая глава
  - Вторая глава
  - Третья глава
  - Четвертая глава
  - Пятая глава
- Часть вторая
  - Первая глава
  - Вторая глава
  - Третья глава
  - Четвертая глава
  - Пятая глава
  - Шестая глава
  - Седьмая глава
  - Восьмая глава
  - Девятая глава
  - Десятая глава
  - Одиннадцатая глава
  - Двенадцатая глава
  - Тринадцатая глава
  - Четырнадцатая глава
  - Пятнадцатая глава
  - Шестнадцатая глава
- Часть третья
  - Первая глава

    - Вторая глава
- Часть четвертая
    - Единственная глава
- Часть пятая
    - Единственная глава
- Примечания

В 1948 г. Общество писателей вручило автору этой книги Полю Шакорнаку Премию им. Марии Стар за его работу о графе Сен-Жермене.

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Поль был старшим из двух братьев Шакорнак, стоявших в течение долгих лет у руля «Книжного магазина» на набережной Св. Михаила (Librairie du quai Saint Michel, 11 Quai St. Michel Paris), основанного их отцом в 1884 г.

Луи занимался коммерческими вопросами, Поль, наоборот, посвятил себя изучению огромного количества документов, что позволило ему написать несколько авторитетных работ о Жане Тритеме, Элифасе Леви, графе Сен-Жермене и Рене Ге-ноне.

В работе, посвященной графу Сен-Жермену, Поль Шакорнак проявил себя как историк и биограф, и, если книга и не претендует на решение всех загадок, которые содержит незаурядная судьба графа Сен-Жермена, она остается по сей день самым исчерпывающим исследованием на эту тему — из тех, что написаны на французском языке.

Первое издание вышло в 1947 г., затем издательство «Эдисьон Традисьонель» в 1973 г. выпустило второе издание. Данное издание — третье — вышло в 1989 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Много было написано и нафантазировано о графе Сен-Жермене, этом таинственном человеке, удивлявшем всю Европу, наряду с Железной Маской и Людовиком XVII, на протяжении второй половины XVIII века.

Некоторые склонны думать, что нет необходимости в новой работе по теме, которую многочисленные писатели и историки уже обсуждали. А нам показалось, что за воображением первых и красноречием вторых наш персонаж потерял свое настоящее лицо, и мы посчитали небезынтересным вернуть ему его.

Сначала мы постараемся разобраться в путанице, основанной на сходстве имени и титула, между нашим героем и одним его современником, генерал-лейтенантом Клодом-Луи Сен-Жерменом, затем изложим критику различных гипотез о происхождении нашего героя. Нами собраны и сопоставлены различные документы, несомненно, касающиеся этого таинственного лица, и мы попытаемся восстановить течение его жизни если не сначала, поскольку до нас не дошло ни одно неоспоримое свидетельство о его рождении, детстве, молодости, то хотя бы с того момента, когда он предстал при ярком свете общественной жизни, и до его настоящей или предположительной смерти.

После того как мы изложим все то, что исторически известно о нем, мы перейдем к детальному изложению легенды, сложившейся вокруг его личности. Когда читателю будут приведены все имеющиеся данные, мы попытаемся ответить на вопрос (не утверждая, однако, что достигли окончательной и полной истины) о биографии и о легенде графа Сен-Жермена. Не нам судить, в какой мере это удалось сделать. Мы всего лишь хотели предложить наиболее полную на этот день работу об этом человеке[1].

Часть первая
В ПОИСКАХ ГЕРОЯ

Ищу человека.

Диоген

Первая глава
СЧАСТЬЕ И НЕСЧАСТЬЕ ВОЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Прежде всего нам показалось необходимым разыскать среди деяний, приписанных таинственному человеку, известному под именем графа Сен-Жермена, те, которые в действительности осуществил совершенно не таинственный человек, сыгравший второстепенную, но не малую роль в истории XVIII века, а именно — граф Клод-Луи Сен-Жермен. Уже при жизни этих однофамильцев случались казусы, которые впоследствии историки только усугубили.

Для большей ясности будет лучше изложить в общих чертах жизнь того из них, у которого ее можно проследить от рождения до смерти, а именно графа Клода-Луи Сен-Жермена, министра, государственного секретаря по военным делам, фельдмаршала на службе датского короля, командора ордена Слона[2]. По ходу дела мы укажем на те факты и обстоятельства, которые могут объяснить путаницу между ними.

Несмотря на то что благодаря своему военному таланту граф Клод-Луи Сен-Жермен числился среди знаменитых людей своего века[3], его сложный характер повлиял на судьбу и жизнь его стала вереницей взлетов и падений.

Он родился 15 апреля 1707 г. в замке Вертамбо[4] в области Франш-Конте[5]. Его семья происходила из области Бресс. Сен-Жермены носили эту фамилию, имели один и тот же фамильный герб с 1200 г. и могли доказать свою принадлежность к аристократии в течение десяти поколений, от Гийома Сен-Жермена, мирового судьи в области Бресс, жившего в 1320 г., до Луи, барона Сен-Жермена, жившего в 1650 г.[6].

Клод-Луи учился у иезуитов в Лон-ле-Сонье. Он даже надел платье этого ордена и, говорят, в течение нескольких месяцев вел уроки риторики. Его далекие от монашеской жизни наклонности привели к тому, что он покинул монастырь в 1726 г. в возрасте 17 лет[7]. Он записался в драгунский полк, затем его отец, командующий милицейским батальоном Франш-Конте, принял его к себе в чине лейтенанта. Спокойная жизнь была не для Клода-Луи. В нем преобладали два чувства: желание совершенствоваться в военном искусстве и, особенно, надежда на быстрейшее продвижение. Но поскольку его семья была не в состоянии купить ему ни полк, ни даже отряд, в 1729 г он покинул Францию и перешел в Германию на службу к

пфальцграфу.

В марте 1734 г. Жан-Франсуа Савойский, племянник князя Евгения, квартировался в Майнце. Он командовал драгунским полком в армии императора. В то же время в городе находился господин Блондель, дипломатический агент при пфальском курфюрсте.

Именно благодаря французскому представителю началась удачная карьера Клода-Луи. Его рекомендовал Блонделю маршал дю Бур, губернатор Эльзаса. Во время ужина с молодым савойским правителем французский дипломат попросил разрешения взять господина де Сен-Жермена в качестве адъютанта. Князь согласился и дал Клоду-Луи лейтенантскую должность. Спустя некоторое время, когда в возрасте 34 лет умер князь Жан-Франсуа, господин Блондель нашел своего протеже в Манхейме и устроил его свадьбу с дочерью барона Остеина, Великого магистра гардероба курфюрста.

В 1745 г., после смерти императора Карла VI, в Европе разразилась общеевропейская война, известная под названием войны за австрийское наследство. Клод-Луи не мог себе позволить идти войной против Франции и объяснил свои мотивы императрице, которая приняла его отставку. По рекомендации господина Блонделя он поступил на службу к баварскому курфюрсту. Став императором Карлом VII, курфюрст назначил Клода-Луи своим камергером, затем генералом кавалерии и вице-президентом военного совета. Преждевременная смерть императора прервала череду удач Клода-Луи, но другое событие определило его будущее: Блондель был в отличных отношениях с маршалом Бель-Илем и попросил для Клода-Луи место службы во Франции[8]. Поскольку Бель-Иль впал в немилость после своей отлучки в Прагу, он извинился, что ничего лично не может сделать для Клода-Луи. Однако по его совету Клод-Луи обратился к саксонскому маршалу, победителю при Фонтенуа, и тот пригласил его во Францию[9].

Снова став полевым маршалом, в апреле 1746 г. Клод-Луи присоединился к армии короля во Фландрии, и в течение двух лет его непосредственный начальник — маршал саксонский — оказывал ему знаки уважения и доверия. В мае 1748 г. он получил звание генерал-лейтенанта и орден Святого Людовика, стал командором в 1751 г. В декабре 1748 г. по возвращению в Париж после военной кампании в Ницце маршал Бель-Иль представил генерал-лейтенанта Клода-Луи Сен-Жермена ко двору[10]. Он сразу же завоевал доверие госпожи де Помпадур, которая часто обращалась к нему за советом. Так, по случаю поездки на учебу в Италию ее брата Вандьера, будущего маркиза де Мариньи,

маркиза писала: «Господин де Сен-Жермен сказал мне, что Лефорт[11] приедет в Турин 2 или 3 июня [1750]: так что вы, наверное, в дороге. Я надеюсь, что вы продолжи те свой путь так же успешно, что и в прошлую вашу поездку к этому двору»[12]. Поскольку военные действия закончились подписанием Аахенского мирного договора, Клод-Луи был на-знамен командующим Нижним Эльзасом, затем он был командующим Фландрией (1751) [13] и Эно (1754).

В начале 1756 г. началась Семилетняя война. Клод-Луи получил приказ защищать разрушенный город Дюнкерк и создать между ним и городом Кале боевой лагерь — с тем, чтобы помешать возможной высадке англичан. Однако те стали снимать вооруженные шлюпки, что заставило Сен-Жермена заинтересоваться морским делом. Как раз в Дюнкерке господин Бриансио де Мильвиль[14] лично вооружал «корсаров». С этого дня Клод-Луи стал сотрудничать с этим судовладельцем, а также с маркизами де Вобаном и дю Барай, с господином Комартэном и с интендантом Дюнкеркского флота — господином Бегоном. Таким образом, между 1756-м и 1758 г. были зафрахтованы три фрегата водоизмещением в 100 бочек (283 тонны) с 12 большими и 6 маленькими пушками, с командой из 100 человек, носящие имя «Граф Сен-Жермен». Фрегаты захватили интересную добычу и принесли большую прибыль"

В жизни Клода-Луи это была морская интермедия — его солдатская карьера возобновилась, когда он отправился воевать в Германию. В ноябре 1757 г. он служил при князе Субизе и обеспечил отступление после поражения при Росбахе. Его поведение было безукоризненным: "К концу дня, во главе резерва из 15000 человек, он занял высоту, откуда прикрывал отступающих. Видя, что Клод-Луи решил оказать сильнейшее сопротивление, Фридрих II отозвал свои войска и на следующий день уехал в Шлезвиг"[16]. В следующем году под началом графа Клермона он командовал левым крылом в битве при Кревельте. В этой битве был убит граф Жизор, сын маршала Бель-Иля. Битва была проиграна по причине беспечности остальных генералов и их зависти по отношению к Клоду-Луи. Брошенный всеми, он один принял на себя натиск неприятельской армии. Его поведение было выше всяких похвал[17], но он их не дождался — наоборот, неприятельские генералы прямо заявляли, что битва была специально проиграна в намерении погубить его[18]. После битвы при Миндене взбешенный Клод-Луи хотел подать в отставку для того, чтобы избавиться от "давления со стороны людей, способных судить о других лишь по тому, что о них говорят подонки, а не по их делам. Им нужны только рабы, а я не

желаю им стать"[19]. В самом деле, если при поступлении на французскую службу Клод-Луи был осыпан обещаниями и комплиментами, впоследствии он ничего не получил и никогда не достиг почестей, несмотря на то что был достойнее многих других офицеров[20].

Находясь в Париже в марте 1760 г., Клод-Луи беседовал с королем Людовиком XV, который имел против нею предубеждение. По наущению аббата де Бролье, брата известного маршала, который не мог простить Клоду-Луи, что тот учился у иезуитов, король и госпожа де Помпадур приняли последнего очень холодно. Впоследствии Клод-Луи жаловался маршалу Бель-Иль, но затем его вновь обманули и послали без его ведома под командование маршала де Бролье[21]. Последний не без зависти наблюдал, как Клод-Луи занял место в его армии[22]. Между генералами возникли острые споры: "Лучше чем кто бы то ни было, — скажет об этом господин де Сен-Жермен, — я знаю, что генералу армии нужно оказать уважение и повиновение. Но честь служения королю не должна вынуждать терпеть унижения, которые я не стал бы терпеть как частное лицо"[23]. И вновь подал в отставку. Однако он принял участие в бою под Форбахом (10 июля 1760 г.), и главным образом именно ему обязаны успехом этой битвы. Затем, 20 июля, он внезапно ушел из армии[24] и уехал в Аахен.

Не получив удовлетворения, он писал: "Покамест, к счастью, моя честь не пострадала. Нужно спасти ее из беды — это все, что у меня осталось, я не должен более рисковать ею"[25], и ничто не могло заставить его изменить свое решение. Пустили слух о том, что его выгнали из армии "потому, что он вздумал отдать резерв врагу", а затем отправили в тюрьму, что было неправдой[26]. По Рейну Клод-Луи добрался до Голландии[27]. Некоторое время он жил в Арнхейме[28], затем в Гамбурге, откуда перебрался в Данию, получив от Людовика XV разрешение служить этой стране. Ко времени его приезда в Копенгаген ситуация была запутанной: принц Голштен-Готторпский, племянник русской императрицы Елизаветы, став царем под именем Петра III, ненавидел лютой ненавистью датчан, захвативших его земли в предыдущем конфликте. Война была неизбежна. Господин де Сен-Жермен был назначен генерал-фельдмаршалом, ему было приказано сдерживать русских. Заняв Любек, он собирался захватить Варрен[29]— продовольственную базу русских. Если бы этот город был взят, русским пришлось бы вернуться в Пруссию, что определило бы исход войны в пользу датчан и норвежцев — их союзников. Однако Клоду-Луи не суждено было осуществить свой дерзкий замысел: 15 июля 1762 г. Петр III был убит, и его вдова,

новая императрица Екатерина II, объявила мир.

По возвращении в Копенгаген Сен-Жермен задумал реформу датской армии, но его предложения пришлись не по душе некоторым офицерам в отставке, и король Фридрих II выразил маршалу неудовольствие, на что тот обиделся. В 1766 г., после смерти короля, на престол взошел его сын Христиан VII. Влиятельность и могущество Клода-Луи настолько упали, что жизнь стала ему невыносима. В 1766 г. он попросил об отставке и предложил правительству дать ему шестьдесят тысяч экю вместо жалованья. Получив их, он вложил деньги в гамбургский банк и обосновался под Вормсом.

Тем временем в 1770 г. граф Струензее, врач датского короля, стал премьер-министром и вызвал Сен-Жермена обратно в Копенгаген. Но он пробыл там недолго и вскоре вернулся во Францию. По пути он остановился в Швабахе, около Нюрнберга, и жил там в уединении, без обслуги. Узнав о присутствии Клода-Луи на своих землях, макрграф Анспаха пригласил его к себе в любимый Трисдорф — местечко рядом с Анспахом.

Итак, господин де Сен-Жермен приехал в Трисдорф. Он обедал у себя в комнате, редко из нее выходил, а если выходил, то незаметно. Спустя несколько дней маркграф узнал от курьера, что фаворит Екатерины — граф Алексей Орлов[30] — должен был проехать через Нюрнберг на обратном пули из Италии, и маркграф предложил Клоду-Луи навестить его. Граф Орлов тепло встретил ветерана, несколько раз говорил ему "саго padre" и сказал маркграфу: "Вот человек, который сыграл большую роль в нашем дворцовом перевороте".

И в самом деле, в 1760 г. фельдмаршал датской армии Клод-Луи де Сен-Жермен нападал на русские войска и отвлекал Петра III, что позволило Екатерине II и братьям Орловым подготовить заговор, в результате которого она оказалась на престоле. Говорят, что граф Орлов подарил Клоду-Луи "20000 венецианских секвенов"[31]; таким образом Клод-Луи смог продолжить свой путь во Францию[32]. После нескольких недель, проведенных в Бордо, затем в Бургуене, господин де Сен-Жермен обосновался в Лутербахе, близ Мюнстера. 24 декабря того же года он писал аббату Дюбуа, капеллану кардинала де Роана следующее: "Я обанкротился, потерял 100 тысяч экю. Господин де Блоссэ, королевский министр в Копенгагене, разорил меня. Я доверился человеку, которого он мне горячо отрекомендовал и брат которого был обязан мне". Разорившись, ему приходится просить о субсидировании. Некоторые друзья помогли ему, он получил пенсию от французского государства и смог жить прилично[33].

В 1775 г., когда умер маршал де Мюи, военный министр

Людовика XVI, знаменитый экономист Тюрго говорил королю о господине де Сен-Жермене как о возможном преемнике господина де Мюи. Сен-Жермен был назначен государственным секретарем военных дел[34], где он исправил некоторые ошибки и несправедливости, что его и погубило. Когда в 1776 г. он стал государственным министром, его стали попрекать тем, что он учился у иезуитов, и впоследствии он скажет: "Мне делали много чести, думая, что спустя 50 лет после того, как я отверг их (иезуитов) догмы, я могу до сих пор каким-то образом дорожить ими"[35]. Ни один министр не получал так много писем, памфлетов и анонимных поношений[36]. Видя преследующую его ненависть, господин де Сен-Жермен ушел в отставку и уединился в Арсенале, где и умер 15 января 1778 г.[37].

Такова была бурная, но не таинственная жизнь того, чьи имя и титул были единственно общим, что он имел с нашим таинственным героем[38].

Вторая глава
ИСТОРИЯ МЕРТВОГО И ЖИВОГО РЕБЕНКА

Вторая необходимая проверка касается так называемых венгерских корней графа Сен-Жермена.

Мы находим первое упоминание о Ракоци как о предках графа в корреспонденции между д'Альвенслебенем — послом Пруссии в Дрездене и Фридрихом II. Последний поручил послу провести расследование о графе Сен-Жермене. Читаем в письме: "Его (графа) зовут князем Ракоци. Еще он мне сказал, что у него было два брата, мысли которых столь ничтожны, что они смирились со своей низменной судьбой. Зато он когда-то принял имя Сен-Жермен, что означает "святой брат"[39].

Больше деталей находится в "Воспоминаниях о моем времени" ландграфа Карла, князя Гессенского, последнего друга графа Сен-Жермена. Граф якобы доверил ему перед смертью некоторые сведения о своем происхождении, ландграф добавил к ним, согласно его же словам, "необходимые разъяснения". "Он говорил мне, что является сыном князя Ракоци из Трансильвании и его первой жены, урожденной Текели… Когда он узнал, что два его брата — сыновья княгини Гессен-Рейнфельс — подчинились императору Карлу VI и стали носить титулы святого Марка и святой Елизаветы, по именам императора и императрицы, он сказал себе: "Я же назовусь Sanctus Germanus, святым братом". Я не могу гарантировать истинность этих сведений о его рождении…"[40]

Кто же были эти Ракоци?

Семья Ракоци известна активной ролью, которую она сыграла в жизни Трансильвании. Чтобы не слишком углубляться, скажем лишь, что 1 марта 1660 г. Ференц Ракоци I женился в замке Маковицке на Елене Зриньи — дочери графа Петра Зриньи и графини Екатерины Франжепан. За участие в заговоре против Австрийской короны Петр Зриньи был казнен в Винер-Нейштадте вместе с графом Франжепаном.

Ференц Ракоци I укрылся вместе с женой и матерью Софией Батори в крепости Мункач. За 400 000 талеров София добилась помилования сына. Хотя была задета честь Елены Зриньи, все же она осталась вместе с мужем. В октябре 1667 г. родился сын Георгий, проживший лишь несколько месяцев. Спустя пять лет родилась Жулианна, и, наконец, 27 марта 1676 г. родился Ференц-Леопольд Ракоци II. Его отец умер 1 июля 1676 г.

15 июня 1682 г. Елена Зриньи, вдова с двумя детьми, вышла

замуж за Эмерика Текели (Имре Тёкёи). Последний, будучи сторонником Турции против Австрии, был арестован и отправлен в Белград. Жена его была отправлена в Вену с условием — не выезжать[41]. Император Карл VI стал опекуном детей Ракоци I. 24 июня 1691 г. Жулианна Ракоци вышла замуж за Фердинанда Гобера д'Апремонта-Линдена — графа Реккейма, генерала австрийской армии. Спустя год Елена воссоединилась с Эмериком Текели и больше не увидела ни родины, ни своих детей.

25 сентября 1694 г. в возрасте 18 лет Ференц-Леопольд Ракоци II стал мужем Шарлотты-Амалии Гессен-Рейнфельс[42]. У них были дети: 1) Леопольд-Георгий, родившийся в Кис-Тапольксани 28 мая 1696 г.; 2) княгиня Шарлотта; 3) Иосиф, родившийся в Вене 18 августа 1700 г.; 4) Георгий, родившийся в Вене 8 августа 1701 г.[43].

Никаких совпадений с текстом ландграфа Гессенского: не Ракоци женился на Текели, а вдова Ференца Ракоци вышла замуж за некоего Тёкёи (в другой русской транскрипции — Теке-ли). У этих семей не было общего потомка, каким мог оказаться граф Сен-Жермен, если поверить ландграфу Гессенскому. С другой стороны, Ференц Ракоци II действительно женился на княгине Гессен-Рейнфельс, но женился он всего один раз, так что у его детей не могло быть сводных братьев, по крайней мере законных.

Графом Сен-Жерменом считают старшего сына Ракоци II, Леопольда-Георгия[44], но он умер в возрасте четырех лет[45]. И хотя мы не в состоянии привести копию свидетельства о его смерти, можно процитировать следующие строчки из работы Э. Хорна, биографа Ракоци II: "В жизни князя Ракоци 1700 год был отмечен смертью его старшего сына Леопольда[46], которому было тогда от роду около четырех лет. До этого они потеряли другого ребенка — княгиню Шарлотту, умершую в младенчестве, и горе родителей было бы безмерным, если бы они к этому времени не ожидали рождения еще одного ребенка"[47].

Однако некоторые писатели, утверждающие, что они хорошо осведомлены, заявляют, что старший сын Ракоци II не умер в тот день, который называет Э. Хорн. Слух об этом был лишь пущен для того, чтобы отвлечь от ребенка преследователей, которые гонялись за его отцом[48].

Очень трудно, почти невозможно опровергать такого рода утверждение — именно потому, что такая гипотеза предполагает таинственность и обман. К тому же мнимая смерть — явление нередкое в истории. Можно было бы ожидать от тех, кто выдвигает такую гипотезу, чтобы они же ее и доказывали. Ничего подобного не произошло, и мы были бы вправе не учитывать ее, если бы не два факта из жизни Ракоци II, намекающие на то, что

легенда о его мнимой смерти имеет под собой какое-то основание.

В самом деле, граф Эмерик Текели женился на Елене Зриньи, матери Ракоци II, лишь для того, чтобы завладеть огромными богатствами, которые должны были когда-то достаться пасынку. С этой целью Текели увез с собой Ракоци II, которому было тогда 7 лет, воевать против Австрии. Он рассчитывал, что тяжелая походная жизнь окажется роковой для ребенка. Произошло обратное, и пребывание на свежем воздухе пошло на пользу Ракоци. Тогда задумали его отравить, но и этот замысел Текели провалился[49]. Некоторое время спустя Елена Зриньи забрала сына и передала его в более надежные руки.

В возрасте 12 лет Ракоци II заболел, и новость о его смерти сразу же распространилась в Вене. Однако это оказалось ложным слухом, и вскоре Ракоци поправился. Наверное, этим фактом воспользовались для того, чтобы аргументировать мнимую смерть Леопольда-Георгия[50].

Завершая рассмотрение документа ландграфа Гессенского, заметим, что два младших сына Ракоци II[51], Иосиф и Георгий, хоть и воспитывались австрийским императором и императрицей, но им не подчинялись — они лишь терпели своих властителей. Для того чтобы лишить их воспоминаний о своем имени, им присвоили титулы: Иосифу — маркиза святого Марка, а Георгию — маркиза святой Елизаветы[52].

Итак, если следовать тексту ландграфа Гессенского, граф Сен-Жермен был плохо осведомлен о своей родословной и об истории своей семьи. Самое странное, однако, в том, что сам ландграф не кажется лучше осведомленным о гессенском доме, раз он пишет: "Когда он (то есть граф Сен-Жермен) узнал, что два его брата, оба — сыновья княгини Гессен-Рейнфельс или Ротенбург. если не ошибаюсь…". То есть ландграф Гессенский в точности не знал, за кого вышла замуж княгиня Гессенская и какие дети у нее родились!

Это, пожалуй, маловероятно. Самое странное — это то. как д'Алвенслебен и ландграф Гессенский объясняют значение имени Сен-Жермен. К этому мы вернемся в последней части нашего исследования.

Третья глава
"ОТ НЕИЗВЕСТНЫХ РОДИТЕЛЕЙ"

После предположительного "Ракоци" следует остановиться на так называемом "San Germano". Существует текст, не процитированный ни одним из биографов графа Сен-Жермена, где дано простейшее объяснение имени, под которым его знали.

Нам кажется маловероятным, чтобы автор этого текста, Альфред де Кастой[53], выдумал свой рассказ. Вероятнее всего, это является результатом какого-то расследования. Вот его гипотеза: "В печальном для Франции 1704 году, когда адмирал Рук подарил Англии Гибралтар, позволяющий этой стране господствовать над входом в Средиземное море, после катастрофы под Хохстедтом, когда мы потеряли сто лье территории и наши солдаты были отброшены с берегов Дуная до берегов Рейна, наши извечные Фермопилы, куда нас опять и опять отбрасывают, наша армия, под командованием герцогов де ля Фейад и Вандом, победоносно продвинулась, победив лучшие войска герцога Савойского и заняв его крепости.

20 июня наша армия добилась капитуляции важного города Верчелли — резиденции Савойских владетелей, ключевой точки на дороге из Турина в Париж. В то время, когда французские войска овладевали старинной столицей Либиси, укрепленные стены которой они собирались разбирать, когда водружали французский флаг над башнями собора, в часовне Богородицы простым именем Пьетро крестили одного ребенка, о чем имеется запись.

Впоследствии этот ребенок призван был привлечь к себе внимание многих столиц Европы и сыграть странную и чудесную роль.

Его отец был знатным человеком, почти вельможа. И несмотря на то что ребенок был рожден вне брака, он получил хорошее образование.

…У него не было надежды сделать большую карьеру, и поэтому он предпочел путешествовать ради образования и удовольствия.

Отец платил ему пенсию, позволяющую если не блистать в обществе, то по крайней мере жить достойно. Поэтому, до смерти отца (1749 г.), о нем никто и не слышал. Зато впоследствии, оставшись предоставленным самому себе, он начинает приключенческую жизнь.

Он приехал в Париж и отрекомендовался графом Сен-

Жерменом.

На это имя, которое он сохранил до самой смерти, он имел больше прав, чем кто-либо, ибо даже если это имя не было его по закону, тем не менее это было имя его отца, умершего без наследника по мужской линии"[44].

В целом история довольно-таки правдоподобная, но рассмотрим ее подробнее.

Война за испанское наследство, разыгравшаяся в 1701 г. после смерти испанского короля Карла II, прошла кровавым ураганом по Европе и не обошла стороной Италию. Главнокомандующий французской армией Луи-Жозеф, герцог Вандомский, отправился в 1702 г. в Пьемонт воевать с Виктором-Амедсем II, герцогом Савойским, который разорвал союз с Францией.

5 июня 1704 г. герцог Вандомский атаковал город Верчелли. Осада длилась до 20 июля. Утром этого дня губернатор города — командор Де Эй — приказал бить в барабаны и попросил о капитуляции. Просьба была подписана губернатором — лейтенант-маршалом графом де Прела Дориа и командующим плацдармом — графом Санктусом Берном. Просьба о прекращении боевых действий с военными почестями не была сразу уважена. Лишь на следующий день, 21 июня в 4 часа утра, парламентеры от города — кавалер Фучето, Сандамиэн и граф Габриель д'Эст — добились от Луи Вандомского принятия капитуляции. 22 июня гарнизон вышел из крепости "под бой барабанов, с зажженным запалом, с зарядом во рту, раскрытыми знаменами и некоторыми артиллерийскими орудиями". Когда гарнизон вышел из города, он опустил орудия, сдался в плен, и город Верчелли был сдан[55].

Таким образом, "ворота Турина" были сданы не 20, а 21 июня 1704 г. Продолжим.

Когда французские войска вошли в город, они поспешили разобрать укрепления, но не тронули уже разрушенную церковь Святого Евсевия. Никак нельзя было проводить обряд крещения в часовне Богородицы, находящейся в апсиде этой церкви[56]. Зато крестили в церкви Санта-Мария-Маджоре, которую и считали собором.

В регистре крещений церкви Санта-Мария-Маджоре можно прочитать следующее: "1704, август. Пьетро Мария, от неизвестных родителей, родился 6 июля, крещен 4 августа. Крестные родители Пьетро Франциско Витторио Вертоне и Мария Новелла". Совпадение ли это, или Альфреду де Кастону эта запись была известна? Скорее всего, второе. Однако даты не совпадают, и если внешне тезис А. де Кастона убедителен, наши

объяснения не оставят от него камня на камне.

Единственная семья, которая могла в Пьемонте носить фамилию Сен-Жермен, была линия графов Сен-Мартэн и д'Аглиэ — очень древняя и знатная семья: она восходила к Оберу, который в 1141 г. был властителем д'Аглиэ и наследником Гидона, маркиза и графа Канавезе, умершего в 1070 г.[57]. Одним из титулов в семье был титул маркиза Сен-Жермена, и первым его носителем среди графов Сен-Мартэн был Юлий Цезарь, маркиз д'Аглиэ и Сан-Германо, умерший в 1624 г.[58].

В этой семье были и маркизы и графы, однако титул Сен-Жермен был титулом маркиза. Ни один член этой семьи не мог назваться графом Сен-Жерменом.

Однако же во времена, о которых рассказывает Альфред де Кастой, жил один человек, странным образом связанный с так называемым отцом графа Сен-Жермена. У Карла-Марии, маркиза де Сен-Жермена, умершего в 1742 г., был брат Карл-Амедео, носящий титул маркиза Ривароло, отслуживший в армии кадетом. Он был генералом савойских галер в 1722 г., губернатором Ниццы в 1733 г., вице-королем Сардинии в 1735 г. и умер в 1749 г. в Турине в возрасте 80 лет (т. е. он родился в 1669 г.). В 1703–1704 гг., во время войны, ему было 34 года, и если он служил в гарнизоне города Верчелли, у него вполне мог родиться ребенок в этом городе. С другой стороны, Карл-Амадео происходил из знатной семьи, но его нельзя называть вельможей — к тому времени он был еще кадетом. Великим человеком он стал позже, добившись многого благодаря своим личным и военным заслугам.

Таким образом, история, рассказанная А. де Кастоном, вполне может оказаться правдоподобной, но никак не имеет отношения к нашему герою. Даже если де Кастон ничего не уточняет, вполне возможно, что маркиз Ривароло Карл-Амедео, в семье которого имело хождение имя Сен-Жермен, имел побочного сына, родившегося в Верчелли в 1704 г, во время осады города. Тем не менее этот ребенок не мог носить фамилию Сен-Жермен, ибо ни его предполагаемый отец, который эту фамилию никогда сам не носил, ни его дядя Карл-Мария, маркиз Сен-Жермен, не могли ему ее передать. Действительно, Карл-Мария передал титул собственному сыну Жозефу-Франсуа, которого король Франции Людовик XV лично принял в Париже 11 июня 1749 г. в качестве посла короля Сардинии и который умер в 1764 г. Итак, незаконный сын Карла-Амедео, если таковой и существовал, не носил фамилию Сен-Жермен. Если бы даже он ее и носил, она бы сопровождалась титулом маркиза, а не графа, под которым наш герой был известен по всей Европе.

Несмотря на то что казалось с первого взгляда, мы видим, что история, рассказанная А. де Кастоном, не проливает света на занимающий нас вопрос[59].

Четвертая глава
В КОТОРОЙ ВСЕ ЗАПУТАЛОСЬ

Мы научились не путать графа Сен-Жермена с Клодом-Луи де Сен-Жерменом, а также не видеть в нем ни потомка семьи Ракоци, ни внебрачного сына маркиза Ривароло. Так кто же наш герой?

В письме Фридриху II Вольтер напишет: "Это человек, который никогда не умирает и знает все"[60], на что Фридрих II ответит: "Это граф понарошку"[61]. Не очень информативно. Не больше чем то, что мы можем прочесть у известного англий-ского писателя Горация Уолпола, друга госпожи дю Деффан. По его мнению, граф Сен-Жермен является "итальянцем, испанцем, поляком: некто, кто женился на богачке в Мексике и удрал в Константинополь с драгоценностями жены"[62].

Наконец, австрийский дипломат господин де Ламберг желает блеснуть, вложив в уста графа следующие, довольно наглые слова: "В Венеции зовут меня жестом руки по направлению к подбородку. В Гамбурге зовут меня Mein Herr (сударь), в Риме — Monsignor (монсиньор), в Вене говорят Тссс…; в Неаполе свистят, чтобы я подошел, а в Париже на меня смотрят через монокль, и я охотно подхожу к тем, кто оглядывает меня таким образом. Пусть мое имя вас не смущает, господа мандарины: пока я буду находиться среди вас, я буду вести себя так, как будто ношу известнейшую фамилию. Пусть вам будет безразлично, зовут меня рыбой или бобом, Пизоном или Цицероном". И граф Ламберг заключил: "Он даже не знал, Как его зовут"[63]. Мы не станем комментировать этот текст, который процитировали лишь в качестве курьеза.

Мы заметили, что среди всех мнений о корнях графа Сен-Жермена большинство историков настаивают на вымышленном еврейском происхождении.

Так, Е. Марию пишет: "Еврей ли? Есть на то много указаний. Его наглость, его хитрость, его страсть к золоту и драгоценностям, его денежные аферы, его отсутствие такта, его вечная забота о том, как бы скрыть свое происхождение, его стремление закрыть (именно так в оригинале) закрытые ворота — все это типично для еврея из какого-нибудь германского гетто. Как бы его ни звали: Шенингом, Уеллдоном, Варнером или Даниелем Вольфом, — под его дворянской личиной все равно торчит крючковатый нос"[64].

Источник этой информации не отличается добросовестностью. Им является Морис Кузен, граф де Куршан —

настоящий автор ложных "Воспоминаний маркизы Креки", фантастичность которых не нуждается в комментариях. Граф де Куршан придумал, что "граф Сен-Жермен был сыном еврейского врача из Страсбурга, звали его по-настоящему Даниэлем Вольфом"[64]. Поскольку мы не имеем других источников, пусть нам будет дозволено не строить гипотез, основанных на голом утверждении такого подозрительного автора.

Если граф Сен-Жермен не является Даниэлем Вольфом, может быть, он — "Самуэль Самер, рожденный во Франкфурте 12 или 13 октября 1715 г. от бедного еврея и великосветской дамы"[66]? Никаких доказательств, не больше чем для другого утверждения, без имени и фамилии, что он — "сын еврея из Бордо"[67]. То же самое можно сказать и о тех предположениях, согласно которым он — "сын португальского еврея, служил могучей стране и путешествовал в Индии в стране Моголов"[68], или сын опять же еврея и "известной княгини при Людовике XV"[69]. В самом деле, версии о еврейском происхождении графа ничем не обоснованы.

Рассмотрим теперь гипотезы, согласно которым он— родом из Богемии.

Возможно, под влиянием аббата Леканю[70] Элифас Леви пишет о графе Сен-Жермене: "Он родился в Лентмерице, в Богемии, в конце XVIII века, был внебрачным или приемным сыном розенкрейцера, который называл себя Cornes Cabalicus, товарищ кабалист"[71]. Уточним сразу же, что город Лентмерице выбран неслучайно, ибо Элифас Леви повествует о том, что граф Сен-Жермен основал там орден Святого Жакина, который впоследствии назвали орденом Святого Иоахима. Согласно работе маркиза де Люше, отметим, что орден Святого Иоахима был основан в 1756 г. в Лентмерице[72]. Нет ничего невозможного в том, что его основатель родился в этом городе, но нет никаких указаний, позволяющих нам считать, что этим основателем был граф Сен-Жермен.

Госпожа Уна Бирш сообщает, что граф Сен-Жермен мог оказаться "сыном московского суконщика"[73]. Отсутствие деталей освобождает нас от необходимости обсуждать эту гипотезу. Таким же образом после нашего расследования о предположительном городе Сан-Германо мы не станем останавливаться на версии Фридриха Бюло, для которого отцом графа Сен-Жермена является "некий Ротондо — сборщик налогов в Сан-Германо"[74], а также на версии Т.П. Барнума, который развивает цитированную выше версию о рождении в г. Сан-Германо и дает графу в качестве матери "итальянскую княгиню"[75].

Фридрих II видел в графе Сен-Жермене "графа понарошку",

зато госпожи дю Оссет и Жанлис имели на этот счет противоположное мнение.

В своих "Воспоминаниях" госпожа дю Оссет рассказала, что Людовик XV, с которым граф имел неоднократные беседы у госпожи Помпадур в Версале, не терпел пренебрежительного отношения или издевки по отношению к графу. Она добавила: "Король говорил о нем как о человеке высочайшего рождения"[76]. Если Людовик XV выражался именно так, и мы в этом не сомневаемся, значит, король знал "тайну" рождения графа Сен-Жермена.

Так же как и госпожа дю Оссет, автор мемуаров госпожа де Жанлис была знакома с графом Сен-Жерменом. Для нее "граф — сын свергнутого короля"[77]. Примерно так же думают граф Кобенцль — посол Австрии в Брюсселе, писавший Кау-ницу. государственному министру при венском дворе, что граф является "плодом внебрачного союза могущественного и знаменитого дома"[78] и Др. Шаллис, для которого он "внебрачный сын одной королевской семьи Центральной Европы"[79].

Несмотря на все эти указания, ситуация не прояснилась, и следующая книга — "Граф Сен-Жермен и маркиза Помпадур"[80] некоего Ламот-Лангона ясности в этом вопросе не прибавит. Писака придумал вот такую интригу: действие происходит в 1745 г. Сын (?) графа Сен-Жермена влюблен в дочь госпожи де Помпадур[81]. У них уже родился ребенок. Свадьба почти решена, но маркиза не даст своего согласия. Тогда граф Сен-Жермен произносит следующие слова: "Я могу доказать, что мой внук — потомок главы третьей ветви Капетингов". Однако, насколько нам известно, у графа никогда не было детей, кроме ребенка, которого ему приписал граф Ламберг[82]. Видимо, Ламот-Лангону эта ошибка пришлась по вкусу, он развил ее дальше, поскольку без нее интрига романа развалилась бы[81].

Другой автор, Фердинанд Дени, так развил блестящую мысль Ламот-Лангона: "Некоторые считали его потомком Генриха IV"[84].

Некоторые пожелали видеть в графе "сына португальского инфанта или гранда"[85] либо "незаконнорожденного сына короля Португалии"[86]. Все эти указания слишком расплывчатые, чтобы иметь под собой почву.

Остается последняя гипотеза, на наш взгляд, больше всех достойная внимания, — испанская версия о его происхождении. Однако прежде чем объяснить, почему это происхождение кажется нам более вероятным, чем все вышеизложенные, предпочтительнее и логичнее попытаться восстановить с помощью имеющихся печатных и рукописных документов ту часть жизни графа Сен-Жермена, о которой есть точные сведения

(т. е. с 1745 по 1784 г.). После того как мы установим место нашего героя в свете позитивной истории, нам будет легче восходить путем умозаключений и сопоставлений к его таинственному происхождению, относящемуся пока к области легенд.

Пятая глава
СЛОЖНАЯ "МЕТРИКА"

Прежде чем начать повествование о настоящей истории графа Сен-Жермена, остается выяснить запутанный вопрос о том, под какими именами он был известен.

Мы не станем говорить здесь о титуле и фамилии, под которыми он стал знаменитым, а обратимся к тем именам, которые он сам называл. Если в Бельгии ему давали фамилию Сюрмон, то это потому, что она является французским переводом фамилии Юбберген, где находились земли, которыми он владел. Что касается фамилии Уеллдон, которую он назвал в Лейпциге, она возникла по другой причине — к этому времени его можно было считать благодетелем человечества.

Фамилию Ракоци он взял лишь тогда, когда все представители этой семьи умерли.

Кроме этого, ему давали следующие фамилии и титулы: маркиз Монферрат; маркиз Эмар или Бельмар, кавальер Шенинг, граф Солтиков (франц. транскрипция фамилии Салтыков. — *Примеч. пер.),* граф Цароги, или Зараски.

Рассмотрим первую фамилию — маркиз Монферрат. Барон Глейшен, употребивший ее первым, сообщает по этому поводу следующее: "Я слышал, что среди различных немецких, итальянских и русских имен он когда-то носил и титул маркиза Монферрат. Помню, как старый барон Штош говорил мне во Флоренции, что он знавал при регенте некоего маркиза Монферрата, слывшего внебрачным сыном сбежавшей в Байонну вдовы Карла II и мадридского банкира"[87]. Однако барон Штош приехал в Париж лишь в 1713 г., провел в этом городе меньше года и уехал затем в Италию[88]. Таким образом, поскольку его уже не было в Париже во времена Регентства (сент. 1715), барон Штош не мог быть знаком с этим человеком, по крайней мере в то время и в том месте, которые он указал.

Тем не менее область Монферрат в Италии имела своих маркизов вплоть до начала XVI века. В 1533 г., после смерти Джиованно-Георгия — последнего маркиза, не оставившего наследников, титул стал секвестированным имуществом Карла V и перешел по наследству Фридриху II Гонзагскому — первому герцогу Мантуи. При Вильгельме, одном из его наследников, третьем герцоге Мантуи, Монферрат стал герцогством (1574) по приказу Максимилиана II. Наконец, в 1713 г. император Иосиф I подарил герцогство Виктору-Амедею II — герцогу Савойи. Таким

образом, к 1715 г. итальянский титул "маркиза" Монферрата больше хождения не имел.

С другой стороны, маркиз Монферрат (Монферра) существовал во Франции лишь с 1750 г. Область Монферра, находящаяся в Дофинэ (район Изер) была преобразована в маркизат в пользу Ш.-Г. Жюстэна де Барраль. После его смерти титул перешел его сыну Жозефу-Мари, который стал председателем Парламента Дофинэ и первым председателем имперского суда в Гренобле.

Поскольку ни в каком другом документе графу Сен-Жермену не дается это имя и этот титул, мы считаем возможным закрыть эту тему.

Рассмотрим теперь имя маркиз Бельмар. Его мы находим у графа Ламберга: "Человек, на которого стоит посмотреть в Венеции — маркиз Эмар или Бельмар, известен также под именем графа Сен-Жермена"[89]. На этот раз мы имеем дело с путаницей из-за перестановки букв: нужно читать не Бельмар, а Бедмар. Так звучит старинная фамилия одной кастильской (испанской) семьи, из которой произошел маркиз Бедмар — младший представитель дома Альбукерка. Он провел всю свою жизнь вдали от родины в чине капитан-генерала и губернатора армии в испанских Нидерландах. Став вице-королем Сицилии, он закончил карьеру в Мадриде государственным министром (в 1715 г.). Дочь свою он выдал замуж за маркиза Мойа, второго сына маркиза Виллена, который впоследствии стал маркизом Бедмар и капитаном дворцовой стражи в Мадриде[90].

Попадаются и другие формы этой фамилии: у Р.-М. Рильке — Белмаре[91], у Ф. Бюло[92] и Т.-П. Барнума[93]— Белламаре, а в Большой словаре Лярусса — Беллами[94].

Имя "кавалер Шенинг" приводили Ф. Бюло[95] и Т.П. Барнум[96]. Скажем лишь по этому поводу, что в Норвегии известен великий историк Герхард Шенинг, автор множества статей (1722–1780).

Этим же авторам мы обязаны и именем граф Солтиков (Салтыков). Это древнейший русский род, связанный родственными узами с царской семьей. Среди его членов можно назвать Сергея Салтыкова — первого из фаворитов Екатерины II в то время, когда она была еще великой княжной, фельдмаршалов Петра Семеновича Салтыкова (умер в 1772 г.) — губернатора Москвы и его двоюродного брата Николая, командовавшего русскими войсками во время переворота 1762 г… а также графа

Михаила Салтыкова, сенатора и члена Тайного совета, интересующегося теософией и масонством[97].

Что касается обоих вариантов фамилии Ракоци, первый, Зараски, мы находим у Тушара-Ляфосса, придумавшего такие же

подозрительные, что и "Воспоминания" Ламот-Лангона[9*], "Хроники Слухового окна". Второй вариант, Цароги, — анаграмма французской орфографии фамилии Ракоци — это плод воображения господина Ф. Бюло.

Единственный автор воспоминаний, который не следует за общепринятым правилом и не дарует графу Сен-Жермену титула, это известный своим цинизмом Казанова. После долгих размышлений он останавливает свой выбор на следующем имени: "Это был всего лишь скрипач Каталини"[99].

Часть вторая
ТАИНСТВЕННЫЙ ЕВРОПЕЕЦ

Вижу свой путь, как птица
видит свою бесследную дорогу.

Р. Браунинг

Первая глава
ЗАНАВЕС ПРИПОДНИМАЕТСЯ

В разные эпохи, в разных частях света, будоражили умы некоторые таинственные личности, о которых до сих пор неизвестно, кто они были на самом деле. Таким был синьор Жеральди, приехавший в Вену в 1687 г., где он вызвал всеобщее любопытство. Спустя три года он исчез бесследно[100].

Что касается графа Сен-Жермена, нет никаких сомнений, и мы можем утверждать, что его жизнь — не миф: существует множество неоспоримых подлинных документов, подтверждающих это.

Первые факты из жизни графа Сен-Жермена были зарегистрированы в 1745 г. в Лондоне. В то время королем Англии был Георг И, курфюрст Ганноверский. Страна разделилась на два лагеря: на так называемых вигов, сторонников новой монархии, и тори (якобитов) — сторонников династии Стюартов, т. е. Якова III — кавалера Святого Георгия, также названного Претендентом. В его жилах текла кровь не только Стюартов, но и кровь Генриха IV и Собесского.

К концу декабря 1743 г. Франция признала Якова III королем Англии и объявила о своей готовности помочь ему бороться с царствующим королем Георгом II. В начале 1744 г. стало казаться, что французы перешли от слов к делу, в Лондоне поговаривали, что они готовятся перейти пролив. В английских портах царила паника, однако в ночь с 6 на 7 марта 1744 г. сильнейший шторм разбросал собравшийся в Дюнкерке французский флот, и экспедиция была отменена[101]. Французы больше не хотели рисковать, зато Чарльз-Эдвард — сын Претендента — организовал свою экспедицию и осуществил ее в 1745 г. в целях получить обратно наследие, которого лишили его семью[102]. После высадки в Шотландии он одержал несколько побед над английскими войсками, пошел на Лондон, и 15 сентября 1745 г. в Эдинбурге Чарльз-Эдвард был провозглашен регентом Англии и Франции[103]. В Лондоне царил панический страх, и Георг II готовился бежать в Голландию[104].

В Лондоне начались аресты подозрительных лиц. Виновные не нашлись, но некоторых подозревали в якобинстве[105] и, поскольку король намеревался отменить закон Habeas Corpus[106], начали обустраивать Тауэр для заточения подозреваемых. Отмена закона была произведена 29 октября 1745 г., и всех иностранцев стали рассматривать как врагов народа: "Проводили обыски

подозреваемых, особенно тех, которых считали католиками, для того, чтобы выяснить, есть ли у них оружие"[107]. "Таким образом, несколько дней назад (текст датирован декабрем 1745 г.) арестовали странного человека, известного под именем графа Сен-Жермена"[108]. Поговаривали, что он был арестован вследствие заговора завистливых людей по мотивам частного порядка, утверждающих, что в карман ему подсунули письмо, якобы написанное Чарльзом-Эдвардом — сыном Претендента. "Принц благодарил его за добрую службу и просил его продолжать ее"[109]. Если прислушаться к мнению французского поверенного в делах в Лондоне Шикэ, арест графа имел другие причины — из-за его неосторожности и свободного поведения Сен-Жермена принимали за шпиона: "подозрения возникли из-за того, что он выглядит отлично, получает большие суммы денег, платит все свои долги и не вызывает нареканий"[110].

Графа Сен-Жермена не "заключили в тюрьму по обвинению в государственной измене"[111]", его просто "оставили под домашним арестом, поскольку ничего компрометирующего не нашли"[112]. Господин Эндрю Лэнг утверждал, что тщетно "перерыл весь государственный и частный архив в поисках какого-либо следа ареста или допроса Сен-Жермена"[113], тем не менее Шикэ пространно говорит об этом в письме 21 декабря 1745 г. "Его (графа) долго допрашивал государственный секретарь (герцог Ньюкастл), и ответы его не были такими удовлетворительными, как хотелось бы: он отказывался назвать свое имя и титул кому-либо, кроме короля, добавил, что, поскольку против него нет конкретного обвинения и он не нарушил какого-либо закона этой страны, лишать честного иностранного гражданина свободы без какого-либо повода является грубым нарушением прав граждан"[114]. Поскольку ничего предосудительного против него не нашлось, его отпустили, что побудило сэра Горация Уолпола сказать, что граф — "не джентльмен, ибо он остался, и рассказывает, что его приняли за шпиона"[115].

Кем же был этот граф Сен-Жермен и что он делал в Лондоне? "Вот уже два года, как он здесь и отказывается говорить, кто он и откуда, хотя признает, что носит не свое имя"[116]. Итак, титул, который носит граф Сен-Жермен — всего лишь псевдоним. Для нас это указание имеет большое значение. Поражает совпадение со словами, которые ландграф Гессенский приписывал графу: "Я назовусь Sanctus Germanus — святым братом". Таким образом, доказано, что имя графа — такой же псевдоним, как те, что брали некоторые знатные люди, когда путешествовали инкогнито.

Граф Сен-Жермен проживал в Лондоне уже два года, и, тем не менее, о нем ничего не было известно, несмотря на усилия

некоторых людей раскрыть тайну, которой он был окружен. Говаривали, что он богатый "сицилиец", и он был в таком качестве принят в высших кругах английской знати. "Он встречался со всеми великими, в том числе и с принцем Уэльским"[117].

Данное указание говорит в пользу презумпции знатного происхождения графа.

Среди великосветских особ, у которых граф был принят, можно перечислить государственного секретаря по иностранным делам; герцога Ньюкастла, который его допрашивал во время ареста и который "знал-де кем был граф"[118]; лорда Холдернесса, бывшего английского посла в Венеции, и его жену, племянницу герцогини Орлеана; дона Антонио де Ба-зан и Мело, маркиза святого Жиля, испанского посла в Гааге, приехавшего в Лондон в 1745 г с особой миссией; графа Даннесеольда-Лаурвига, датского кавалер-камергера и адмирала[119]; генерала-майора Йорка и его семью[120]; Эндрю Митчелла, английского посла при прусском дворе[121] и пр.

Когда граф Сен-Жермен приехал в Лондон, он нашел, что англичане страстно любят музыку: вкус к оперному искусству особенно к итальянской опере, развился в Лондоне благодаря поддержке принца Уэлльского, который был большим любителем музыки[122]. На улице Альбермарле, в доме своего камергера — графа Грэнтхема, у которого он проживал, у графа был частный зал, и после ужина он давал концерты с участием итальянских певцов. Наверное, на одном из этих концертов граф показал свой талант игры на скрипке, "которой он владел в совершенстве"[123]. Современники утверждали, что даже в простейших упражнениях — "в импровизациях графа на скрипке знаток мог различать раздельное звучание всех инструментов квартета в полном составе"[124]. Музыку он также писал с легкостью, и разговор его все время касался этого вида искусства, "он заимствовал из языка музыки тысячи образных выражений"[125].

Граф часто бывал на улице Гросвернор у леди Тоунсхенд, которая также разделяла общее увлечение итальянскими певцами. В этой женщине, кроме прочих достоинств, был настолько развит тонкий вкус к музыке, что ее считали в этой области судьей. Однажды на приеме ожидали графа Сен-Жермена. Он пришел, любезный по своему обыкновению, но проявлял непривычную торопливость, пальцами прикрывал уши, затем опустился на стул. Все удивлялись его поведению, но в ответ на вопрос он показал на улицу и ответил: "Меня оглушил целый обоз диссонансов"[126]. Действительно, в тот момент, когда граф заходил к леди Тоунсхенд, как раз выгружали целый обоз

булыжников — прямо перед дверью особняка.

Музыкальный мир английской столицы весьма ценил графа Сен-Жермена, и, когда начинающий в то время немецкий композитор Глюк приехал в Лондон вместе со своим покровителем, князем Лобковицем[127], последний — тоже большой знаток музыки — в скором времени стал близким другом графа. В знак благодарности тот посвятил ему свою единственную педагогическую работу — "Музыка, объясненная согласно здравому смыслу английским дамам, которые любят в этом искусстве настоящий вкус". Работа не была опубликована[128].

Данная рукопись не единственная музыкальная работа графа. Знаменитый музыкальный издатель М. Уолш, проживавший в районе Странд, на улице Катрин, опубликовал между 1745-м и 1765 г. с десяток партитур и мелодий, свидетельствующих о музыкальном гении их автора и о "чудесной эксцентричности, так же как и о красоте его замыслов"[129].

Из трех музыкальных композиций, опубликованных в 1745 г., две являются мелодиями: первая написана на стихи шотландца Уиллиама Хамильтона, "O, wouldst thou knovv what sacred charms" ("Ах, знали бы вы священные чары"), вторая — на стихи английского поэта Аарона Хилла "Gentle love this hour befriend me" ("Приятен мне этот час возле вас"). Что касается третьей композиции, "The favorite song… in Incostanza Deluza" ("Коварное непостоянство"), она написана по итальянской поэме г. Бривио. Рукопись состоит из 20 страниц[150].

Граф Сен-Жермен написал затем музыку и слова следующих мелодий, опубликованных в 1747 г., "The maid that's made for dove" ("Девушка, превращенная в голубку"), "O, would thou know what kind of charms" ("Знали бы вы какие чары") и в 1748 г.: "Jove. when he savv my Fanny's face" ("Когда он увидел лицо моей Фэнни").

В 1755 г. было опубликовано следующее музыкальное произведение: "Шесть сонат для двух скрипок с басом для клавесина или виолончели", а также новая мелодия на слова Э. Уолтера[131–132]: "The self Banish's" ("Добровольный изгнанник"). В 1760 г. были опубликованы следующие произведения графа: "Семь сольных пьес для скрипки" и его последняя мелодия — "Хлоя, или Музыкальный магазин". Наконец в 1763 г. вышла в свет его последняя партитура — музыкальная комедия, написанная совместно с музыкантом Абелем[133]: "The summer's taie" ("Летняя сказка")[134].

В то время когда граф Сен-Жермен жил в Лондоне, там также находились два совершенно разных человека: француз маршал Бель-Иль и швед мистик Сведенборг. Бель-Иль и его брат были

арестованы в декабре 1744 г., на ганноверских, принадлежащих Англии землях, и были препровождены в Лондон. Оба они "проживали в доме в нескольких километрах от Уинздора"[135], при этом "за ними следили очень строго, им не разрешали каких-либо свиданий, их письма читались"[136]. Они оставались там вплоть до 13 августа 1745 г. Некоторое время мы думали, что могла произойти встреча между Бель-Илем и графом Сен-Жерменом, однако мы не нашли на этот счет каких-либо документов.

Что касается Сведенборга, мы упомянули его из-за высказывания Бомон-Васси о нашем герое: "Граф Сен-Жермен пытался копировать Сведенборга"[137]. Насколько нам известно, граф никогда не утверждал, что у него бывали видения[138].

Нам не удалось выяснить, когда граф Сен-Жермен покинул Англию. Мы считаем, что это могло произойти в начале 1746 г. и что граф решил вернуться в Германию, где жил до Лондона, согласно его же высказываниям.

Вторая глава
ПРИ ДВОРЕ ВОЗЛЮБЛЕННОГО

Как мы увидим ниже, покинув Англию в 1746 г., граф Сен-Жермен отправился в свои владения в Германии и прожил там до 1758 г. В феврале этого же года он прибыл в Париж.

В то время в зените своей славы была госпожа де Помпадур — фаворитка Людовика XV уже более тринадцати лет. Не нам напоминать в этой книге, написанной о событиях, сопутствующих Истории, о выдающейся роли этой замечательной женщины в государственных делах. Ее влиянием, естественно, объясняется присутствие в Дирекции королевского строительства в роли главного смотрителя изящных искусств маркиза Мариньи, ее младшего брата. Он "совершил несколько путешествий в Италию в сопровождении искусных художников, был лучше образован, отличался большим вкусом, чем все его предшественники"[130], и сумел добиться признания своих заслуг Людовиком XV. Однако, несмотря на большие умственные способности и рассудительность, он навсегда сохранил некоторую грубость и врожденную резкость, которые мешали ему в общении с современниками.

Маркиз также управлял королевскими мануфактурами, и в этом качестве он понадобился графу Сен-Жермену. В апреле 1758 г. граф направил господину Мариньи очень любопытное письмо, раскрывающее новую грань в характере нашего героя[140].

После заверений о полном к маркизу доверии граф писал:

"В своих землях я сделал редчайшее открытие… Вот уже почти двадцать лет как я руковожу работами над ним с терпением и постоянством, пошлине беспрецедентными. Молчу о больших затратах, сделанных для того, чтобы открытие было по-настоящему королевским, молчу также о труде, поездках, исследованиях, бдениях и о всем том, чего мне это стоило. Ныне, по доброй воле, я предлагаю королю воспользоваться результатом этих многотрудных поисков, за вычетом лишь моих личных затрат, с единственной просьбой о том, чтобы мне и тем людям, которых я привез из Германии, чтобы служить королю, было разрешено поселиться в каком-нибудь принадлежащем ему доме. Мое присутствие часто будет нужно там, где будет вестись работа, поэтому необходимо, чтобы там было место и для моего жительства. Я беру на себя все затраты как на перевозку готовых веществ, так и на обработку красителей, которые извлекут из этих веществ, заготовленных в двухстах лье от Парижа. Одним словом,

от короля потребуется лишь предоставить жилье с обстановкой, достойной того скорого и крепкого хозяйства, которое я ему предлагаю, а также несколько деревьев в год, и тогда, с превеликой гордостью и удовлетворением, я передам Его Королевскому Величеству неоспоримо принадлежащие мне права на самую богатую мануфактуру, когда-либо существовавшую, и оставлю всю выгоду государству.

Нужно ли добавить, что я честно люблю короля и Францию? Можно ли сомневаться в моем бескорыстии и похвальных целях? Новизна не требует ли особого отношения ко мне? Пусть Его Высочество и госпожа де Помпадур всесторонне рассмотрят это предложение и того, кто его делает. Мне же остается молчать. Вот уже год как я говорю об этом. Вот уже три месяца как нахожусь в Париже. В этом письме я открываюсь честному и прямому человеку: неужели я окажусь неправ?"[141]

Письмо (вернее, его копия, о которой утверждается, что она — аутентична) подписано Денисом де С.М., графом Сен-Жерменом. В первый и единственный раз появляется это имя. Фамилия ли графа скрывается за инициалами или какой-нибудь другой псевдоним, нам неизвестно. Остается лишь отметить этот факт.

Гораздо важнее другое — указание графом на то, что он владеет поместьем в Германии, где вот уже двадцать лет под его началом люди трудятся над разработкой технологии получения красителей для тканей. Итак, граф Сен-Жермен мог оказаться ученым, химиком, владельцем земли в Германии. Добавим, что эта версия подтверждена другими фактами, которые мы изложим позже.

Маркиз Мариньи принял предложение графа и сообщил ему о том, что предоставляет ему часть замка Шамбор, в котором никто не жил с тех пор, как умер племянник саксонского маршала.

8 мая 1758 г. Колле, архитектор и надзиратель королевских зданий, сообщил брату госпожи Помпадур, что "второй приезд в Шамбор графа Сен-Жермена состоялся в субботу. Я приготовил два зала для части его людей, а также три комнаты из кухонных помещений на первом этаже для его опытов. Для этого мне ничего не пришлось менять в замке, кроме нескольких срочных ремонтных работ"[142].

Это письмо доказывает, вопреки тому, что утверждалось, что не Людовик XV предоставил замок Шамбор графу[143], а маркиз Мариньи взял на себя решение позволить графу воспользоваться частью служебных помещений замка для работы над красящими веществами.

Через день в сопровождении Колле[144] граф снова приехал в

Париж, где ему нужно было решить кое-какие дела. В Шамбор он вернулся в течение августа 1758 г.[145].

Просьба графа была отчасти удовлетворена, но он все же требовал встречи с маркизом Мариньи, о чем писал ему 24 мая 1758 г. В этом письме граф жаловался, что "двери остаются перед ним закрытыми", и просит маркиза об аудиенции "во имя справедливости и человечности"[146].

Надо полагать, что второе письмо было встречено более благосклонно, чем первое, и, вероятнее всего, маркиз Мариньи — человек, проявлявший удивительную и постоянную сухость при встречах с благородными людьми, принял графа Сен-Жермена[147]. После этой встречи очарованный необычностью познаний графа маркиз представил последнего сестре.

Когда граф Сен-Жермен был представлен госпоже де Помпадур, он произвел на нее впечатление своим аристократическим видом: "Казалось, ему пятьдесят. Тонкие черты, остроумен, одет скромно, но со вкусом. На пальцах, а также на табакерке и на часах он носил великолепные алмазы"[148]. Граф, наверное, сумел понравиться фаворитке короля, и она, настолько же заинтригованная, как и брат, задержала графа у себя. Тут же присутствовали господин де Гонтан, госпожа де Бранка и министр иностранных дел — аббат Бернис. В определенный момент король спустился через потайную лестницу из своих апартаментов на втором этаже. С присущей ей грацией госпожа Помпадур представила графа Сен-Жермена королю.

Вне всякого сомнения, король расспросил графа Сен-Жермена о его происхождении. Ответы были, наверное, четкими и определенными, поскольку известно, что "король не терпел, чтобы (о графе) говорили с презрением и издевкой"[149].

Учитывая интерес короля к таким точным наукам, как астрономия, анатомия и химия и то, что граф, как мы знаем, химию практиковал, высказывали предположение, что 1раф Сен-Жермен оборудовал в деревне Трианон в Версальском парке лабораторию, в которой король "баловался опытами"[150].

Граф Сен-Жермен был вхож к маркизе де Помпадур в Версале. При ней находилась госпожа дю Оссет де Демен[151] — горничная, которая и оставила о своей хозяйке воспоминания, аутентичность которых вне всякого сомнения[152].

Госпожа де Помпадур любила слушать, как граф Сен-Жермен рассказывает об исторических событиях, и однажды спросила его с лукавством:

— Каким был Франсуа I? Вот король, которого я бы полюбила.

— Он ведь был в самом деле любезнейшим человеком, —

ответил граф, и затем принялся описывать всю внешность короля, как это может делать лишь очевидец, — жаль только, что он был так горяч. Я бы смог дать ему совет, который уберег бы его от бед, но он не стал бы ему следовать. Похоже, что рок преследует тех властителей, которые затыкают уши — я имею в виду уши своего духа — к полезным советам, особенно в критический момент.

— А что Вы можете сказать о коннетабле?

— Ничего определенного.

— Был ли двор короля Франсуа I красивым?

— Чрезвычайно, но двор его внуков его превзошел. При Марии Стюарт и Маргарите Валуа было восхитительно, настоящее блаженство, в том числе и духовное. Обе королевы были учеными, писали стихи, было очень приятно их слушать.

Госпожа Помпадур смеялась:

— Похоже, что Вы все это видели!

— У меня хорошая память, и я много читал об истории Франции. Иногда, ради смеха, я намекаю, не заставляя в это верить, что жил в эти давние времена[153].

И действительно граф Сен-Жермен "умел дозировать долю чудесного в своих рассказах, в зависимости от слушателя"[154], что является, по нашему мнению, признаком большого ума[155].

Парижское общество в высшей степени интриговала легенда, сложившаяся по поводу его возраста и физического состояния. Утверждалось, что, несмотря на его внешность мужчины в полном расцвете сил, на самом деле он был многовековым старцем. Когда этот слух дошел до госпожи Помпадур, она заметила графу:

— Свой возраст Вы не называете, и говорите, что очень стары. Графиня Жержи, которая была, кажется, женой французского посла в Венеции пятьдесят лет тому назад, утверждает, что знала Вас тогда таким же, как Вы выглядите сейчас.

— В самом деле, много лет тому назад я был знаком с графиней Жержи.

— Но ведь, согласно ее утверждениям, Вам сейчас больше ста лет?

— В этом нет ничего невозможного, — ответил граф, смеясь. — Но еще более вероятно, что эта пожилая дама заговаривается.

— Она утверждает, что Вы дали ей удивительный эликсир и что долгое время она выглядела на 24 года. Почему бы Вам не дать такой эликсир королю?

— Что Вы, — ответил граф с чем-то, похожим на испуг, — нужно быть сумасшедшим, чтобы дать королю какое-то неизвестное снадобье[156].

В самом деле, если госпожа де Жержи и могла видеть графа

Сен-Жермена в Венеции, то лишь между 1723-м и 1731 г., когда ее муж Жак-Венсан Лангэ был послом Франции в этом городе[157].

Также говорилось, со ссылками на "достойных доверия людей", что композитор Рамо встречался с графом Сен-Жерменом в Венеции в 1710 г. и что последний "выглядел пятидесятилетним"[158]. Рамо действительно совершил путешествие в Италию, однако не в 1710-м, а в 1701 г. Уехав с намерением объездить весь полуостров, он не "заехал дальше Милана"[159].

Упомянутая выше легенда была плодом работы "гримасничающего мима" — члена труппы балаганных актеров, руководимой неким "графом" д'Албаретом, происходящим из Пьемонта, у которого тогдашние хроники отмечали "большое остроумие". Этот мим был "гибридом, полуфранцузом-полуангличанином, мог быть и мошенником, и мистификатором, игроком, шпионом. Вопреки тому, что говорили о нем по всему Парижу, он часто бывал скучным"[160]. На самом деле он был француз по фамилии Гов — поставщик фуража и прозвали его милордом Гором (Гоуером или Коузем) за то, что прекрасно подражал англичанам. "Именно этого господина Гора недоброжелатели показывали в салонах и на улицах парижского квартала Марэ под именем графа де Сен-Жермена, чтобы удовлетворить любопытство дам и зевак этого уголка Парижа, более легковерных, чем жители квартала Палэ-Руаяль. Именно в театре этот ложный адепт исполнял свою роль, сначала с опаской, затем, видя, что его игра воспринимается с восхищением, он стал "вспоминать" столетие за столетием, вплоть до Иисуса Христа[161], о котором он говорил с большой фамильярностью, как будто тот был его другом. "Я знал его близко, — говаривал он, — это был самый лучший человек в мире, но он был романтичным и безрассудным, я всегда ему говорил, что он плохо кончит". Затем актер распространялся об услугах, которые пытался оказать Христу посредством госпожи Пилат, в доме которой он регулярно бывал. Он утверждал, что знал близко святую Марию, святую Елизавету и даже их старую мать — святую Анну. "Ей-то я оказал большую услугу после смерти. Не будь меня, никогда бы она не была произведена в святые. К ее счастью, я оказался на Никейском соборе и знал некоторых из епископов, которые в нем участвовали, я им так долго повторял, какой замечательной женщиной она была, что дело было сделано". Шутка, которую принимали всерьез в Париже, привела к тому, что графу Сен-Жермену приписали овладение омолаживающим лекарством, возможно эликсиром бессмертия. На основе этой шутки была также сочинена сказка о старой горничной: ее хозяйка спрятала

флакончик с божественной жидкостью[162]. "Старая служанка обнаружила его и выпила столько, что вновь стала маленькой девочкой"[163]. Возможно, однако, у этой истории есть другое объяснение, его мы и рассмотрим в последней части данной работы.

В то время как в Париже наводили мистику вокруг нашего героя, в Версале король Людовик XV и госпожа Помпадур относились к нему с уважением; утверждают даже, что он провел несколько вечеров почти один на один с королем. Так, господин дю Оссет передает такой разговор: "Господин Сен-Жермен сказал как-то королю: "Для того чтобы объективно оценивать людей, не нужно быть ни исповедником, ни министром, ни полицейским начальником" — король вставил: "Ни королем". Граф Сен-Жермен ответил: "Сир, вы видели, какой туман был несколько дней назад, ничего не видно было за четыре шага. Чаще всего короли окружены еще более густым туманом, порожденным интриганами и неверными министрами. Во всех слоях общества стараются показать им вещи под другим, нежели реальным, углом"[164].

Однажды граф пришел к госпоже де Помпадур, "когда двор был во всем своем великолепии; пряжки ботинок графа и его подвязок были усеяны чистыми алмазами, такими красивыми, что моя госпожа выразила сомнение в том, что пряжки короля могут сравниться с этими. Он вышел в гардероб, чтобы снять их и принести на рассмотрение. Сравнивая их с другими, присутствующий тут же господин Гонто сказал, что они стоят не меньше двухсот тысяч франков. При графе была в этот день и баснословно дорогая табакерка и сияющие рубиновые запонки"[165].

Спустя несколько дней между королем, госпожой де Помпадур и графом Сен-Жерменом обсуждался его секрет исчезновения пятен на алмазах. Король велел принести алмаз средней величины, на котором было пятно. Его взвесили, и король сказал графу: "Его оценили в шесть тысяч ливров, но без пятна он стоил бы десять. Возьмете ли Вы на себя труд обогатить меня на четыре тысячи франков?" Граф рассмотрел алмаз и сказал: "Это может быть сделано, через месяц я принесу Вам этот алмаз без пятна". Спустя месяц граф вернул королю алмаз без пятна, завернутый в асбестовую тряпку, которую он сам развернул. Король велел его взвесить, и вес был почти таким же. Через Гонто отослали алмаз ювелиру без объяснений, и тот дал девять тысяч шестьсот ливров. Но король предпочел сохранить алмаз из любопытства. Он не мог прийти в себя от удивления, говорил, что Сен-Жермен, должно быть, владеет миллионами, если умеет делать из маленьких алмазов большие. Тот ничего по

этому поводу не сказал, но утверждал, что умеет увеличивать жемчуг и придавать ему самую чистую воду[166].

"Однажды граф пришел к госпоже Помпадур, а она чувствовала себя неважно и лежала на шезлонге. Он показал ей шкатулку с топазами, рубинами и изумрудами. Говорили, что стоит это все целое состояние. Госпожа позвала меня, — рассказывает госпожа дю Оссет, — чтобы все это посмотреть. Я смотрела с изумлением, но при этом делала исподтишка моей госпоже знаки, что все это, наверно, фальшивка. Граф стал искать что-то в своем портфеле, который был размером, как два футляра для очков, и вынул оттуда две или три бумажки, которые он развернул. Там был великолепный рубин, и еще он бросил на стол маленький крестик из белых и зеленых камней. Я рассмотрела его и сказала: "Недурная вещица, не стоит ее бросать". Тут же граф стал настаивать на том, чтобы я взяла ее себе. Я отказывалась, он настаивал. Моя госпожа также отказывалась за меня. Он так настаивал, что моя госпожа, думая, что она стоит не более сорока луи, знаком приказала мне согласиться. Я взяла крестик, очень довольная манерами графа. Спустя несколько дней моя госпожа подарила ему в ответ покрытую эмалью шкатулку с портретом, не помню какого, греческого мудреца. Со своей стороны я показала крестик, который потянул на тысячу пятьсот франков. Моей госпоже он предложил показать портреты из эмали работы Петито, она ему ответила, чтобы он пришел к ужину во время охоты. Там он показал портреты, и моя госпожа ему сказала: "Поговаривают о прелестной истории, которую Вы рассказали второго дня у господина Первого[167] и свидетелем которой Вы были пятьдесят или шестьдесят лет тому назад". Граф улыбнулся. Пришли господин Гонто и дамы, и дверь закрыли"[168].

История на самом деле банальная: дело происходит в Голландии, в Гааге. Некий молодой человек выдал себя перед испанским послом маркизом Сен-Жилем[169] за сына маркиза Монкада, испанского гранда, и истребовал от него некую сумму денег. Деньги ему понадобились для некой молодой актрисы, такой же хитрой, что и сам молодой человек[170].

Поскольку госпожа дю Оссет утверждает, "что история правдива от начала до конца", можно заключить, что граф Сен-Жермен был знаком с ее актерами. О том, что граф дружил с маркизом Сен-Жиль, мы писали в первой главе[171].

Третья глава
ГОСПОЖА Д'ЮРФЕ И КАЗАНОВА

Кроме встреч и бесед с Людовиком XV и госпожой де Помпадур[172], граф Сен-Жермен бывал в лучших домах при дворе. Он принимал приглашения на ужин, которые ему делали друзья, однако при этом "придерживался строгой диеты, за едой никогда не пил"[173].

Он часто проводил вечера у госпожи д'Юрфе, недалеко от улицы Сен-Пэр в изящном особняке на набережной Театинов (ныне набережная Вольтер), в богатой квартире, где она жила в роскоши. Ее салон был известен на весь Париж, его посещали лучшие люди, и все мечтали быть в нем принятыми.

Род д'Юрфе был одним из наиболее древних, хоть и не самых знатных и могущественных во Франции. Большое число его представителей в разное время занимали высокие посты.

Жанне Камю де Понкарре — последней маркизе д'Юрфе — было в то время пятьдесят три года. Это была стройная, жгучая брюнетка с чистым профилем, освещенным красивыми голубыми глазами; она была еще очень очаровательной. К тому же она была любезна, весела, очень образованна, музыкальна и умела обворожить своих слушателей.

Как-то вечером (в мае 1758 г.) граф Сен-Жермен пришел в гости к госпоже д'Юрфе на ужин, в котором участвовал и скандально известный Казанова. Кто не знает эту "знаменитую каналью"[174], целью которого в жизни было показать себя, блистать и обогатиться за счет других. Тем не менее Казанова признался в том, что граф Сен-Жермен произвел на него впечатление[175]. Последний ничего не ел и говорил от начала до конца ужина. "Признаюсь, трудно говорить лучше, чем он, — напишет впоследствии Казанова. — Его тон был решительным, но настолько взвешенным, что это не было неприятно"[176]. Казанова внимательно слушал графа. И действительно, разговор графа был обворожительным, "о чем бы ни говорил, о какой бы эпохе ни рассказывал, удивляло то, что он знает или придумывает огромное количество вероятных, интересных вещей, по-новому освещающих самые загадочные факты"[177]. Даже самым закоренелым скептикам было интересно слушать графа, в то время как молчаливые гости поедали ужин.

Граф Сен-Жермен настолько удивил Казанову, что тот набросал его портрет: "Он был высоким, ученым, говорил отлично на большинстве языков, был великим музыкантом, великим

химиком и лицом был приятным"[178].

Как уже говорилось, госпожа д'Юрфе была очень ученый. "Когда она была еще молодой девушкой, мадемуазель де Понкарре уже проявила свою природную тенденцию к расследованию всего того, что кажется вне рамок законов природы. Она была очень образованна, владела модными видами салонного искусства, мастерски играла на клавесине и не про" являла свойственного ее возрасту легкомыслия. Воспиталась в Руане, прочла всю библиотеку отца, с предпочтением для книг о каббалистических науках, детальных рассказов о стройках Средневековья, современных работ знаменитых алхимиков с рецептами изготовления волшебных зелий[179]. Получив в наследство драгоценную библиотеку рода д'Юрфе, она бережно ее хранила и даже обогатила многочисленными редчайшими рукописями стоимостью более чем в сто тысяч ливр"[180] и посвященных исключительно химии.

"В самой тайной части ее апартаментов была устроена обширная химическая лаборатория, где громоздились всякого рода тигли, змеевики, реторты и печи, необходимые для ее таинственных опытов… Именно здесь, в этом укромном, тщательно закрытом от посторонних и осторожно отрытым некоторым посвященным месте, которое она называла своим храмом, она проводила каждый день долгие часы, исследуя бальзамирующие свойства различных растений, для изготовления своеобразного эликсира долголетия, от которого она ждала поразительных эффектов"[181].

Известно, какую комедию разыграл Казанова перед маркизой д'Юрфе, в результате которой этот вымогатель по части магии ее обманул. Он убедил ее в том, что для того чтобы соединиться с элементарными духами, нужно себя подвергнуть гипостазе, то есть переселению души в тело ребенка мужского пола, рожденного от философического союза бессмертного и смертной женщины. На самом деле со стороны Казановы это был лишь обман, в ходе которого он заполучил от госпожи д'Юрфе кругленькую сумму. Она же до самой смерти была убеждена, что носит в себе чудо-ребенка, в тело которого она должна была впоследствии переселиться.

В отличие от Казановы[182] граф Сен-Жермен проявил перед маркизой д'Юрфе крайнюю осторожность и ни разу не сыграл роль предсказателя или пророка[183]. К слову сказать, почти ничего неизвестно об их отношениях, кроме "язвительного", даже не любопытного рассказа. Как-то на вечере у маркизы присутствовал граф. Услышав фамилию Креки, он стал рассказывать о своих отношениях с кардиналом Креки — епископом в Ренне во время

собора в Тренте. Гостья поправила графа: "Извините, он был епископом в Нанте". Граф рассердился и спросил, кому имеет честь. Дама ответила: "Угадайте". Не будучи в состоянии назвать ее фамилию, граф сказал: "Вы носите фамилию, в корне которое — куфическое, еврейское и самаритянское слово, слово простое, легко разбираемое!" Это и была маркиза Креки[184].

Казанова вспоминал, что маркиза д'Юрфе ненавидела графа Сен-Жермена[185], что кажется нам по крайней мере странным, если подумать, что единственный известный портрет графа хранился в кабинете господина д'Юрфе[186]. На этом портрете графу, кажется, 30 или 40 лет. Он изображен в анфас, в камзоле с брандебурами[187], с мехом по краю и широкими обитыми мехом рукавами. Из жилета, открытого до пятой пуговицы, выглядывает кружевной галстук-жабо. Овальное, бритое лицо, обращенное слегка влево, с аристократическим, интеллигентным и тонким выражением. Его острый взгляд, слегка направленный вправо, отличается таинственностью и шутливостью. Нос прямой, направлен к подбородку[188]. Мы думаем, что портрет написан графом Ротари — другом графа Сен-Жермена, о котором речь пойдет ниже, и подарен графом Сен-Жерменом госпоже д'Юрфе незадолго до своего отъезда в Гаагу в начале 1760 г.

На этом встречи Сен-Жермена и Казановы не закончились. Они вновь пересеклись у откупщика господина де ля Пуплиньера. Летом откупщик жил в Пасси, в старом замке, принадлежавшем Буленвильеру и расположенном на дороге из Отеля в Пасси. Господин де ля Пуплиньер был очень богатым человеком. Он писал стихи, рисовал и музицировал. В музыке он проявлял себя как небесталанный любитель. Часть своего богатства он потратил на развитие музыкального искусства и был очень щедр с артистами.

В салоне замка в Пасси встречались представители двора и высшего света, писатели, артисты, актеры и актрисы. У господина де ля Пуплиньера был большой театр, где выступали лучшие актеры парижских театров, лучшие певицы и музыканты из Оперного театра и оркестр, которым управлял го Госсек — один из лучших мастеров того времени, то Гаффр — несравненный арфист. Многочисленная отборная публика ценила концерты, которые имели место в большой галерее.

Как мы уже говорили, граф Сен-Жермен был отличным скрипачом, и мог оказаться в Пасси и в качестве виртуоза, и в качестве гостя. Господину де ля Пуплиньеру его представил граф Ведель-Фриз — французский посол в Дании, большой друг откупщика[189]. За ужином, последовавшем после концерта, граф Сен-Жермен вел разговор, проявляя остроумие и благородство[190].

Было бы неправильно подумать, будто граф забыл о цели (действительной или видимой) своего пребывания во Франции. Он активно занимался будущей фабрикой красителей в Шамборе. Так, во время поездки туда, граф Сен-Жермен познакомился с аббатом Ташером де ля Пажри — соборным каноником, другом маркиза Мариньи — губернатора Блуа. Аббат де ля Пажри писал Мариньи 12 августа 1758 г.: "Мы ждем со дня на день вызывающего любопытство в округе господина де Сен-Жермена. Два раза мне довелось ужинать с ним. Мне кажется, что он много знает и трезво размышляет"[191]. Аббат удивлялся тому, что граф находится в Шамборе, и маркиз Мариньи ответил ему из Версаля 2 сентября 1758 г.: "Король предоставил господину де Сен-Жермену жилье в замке Шамбор. Вы правильно говорите — это достойнейший человек; мне довелось в этом убедиться во время моих встреч с ним, и мы ждем реальной выгоды от его высших познаний"[192].

Из этих писем видно, какими большими были уважение и доверие, оказанные графу Сен-Жермену.

Поскольку, по нашим данным, не удалось привезти из Германии во Францию необходимое сырье для изготовления красителей, граф вновь приехал в Шамбор в декабре 1758 г. в сопровождении двух мужчин, для принятия дальнейших решений, о которых мы ничего не знаем. Известно лишь то, что граф больше не приезжал в Шамбор[193].

Граф оставил в замке тех людей, которых привез для работы над красителями. И лишь 21 мая 1760 г. пришло решение на этот счет. Граф Сен-Флорантен, министр королевского дома, написал губернатору замка господину Сомери: "Передать этим людям, чтобы они уехали, поскольку они бесполезны и никто ничего им дать не собирается"[194]. И действительно, как мы увидим ниже, к этому времени графа уже не было во Франции, он был в Голландии.

Четвертая глава
ТАЛАНТЫ ГРАФА СЕН-ЖЕРМЕНА

В 1759 г. граф Сен-Жермен жил в Париже, на улице Ришелье, дом 101, в гостинице вдовы своего банкира — кавалера Ламбера[195].

Среди тех, кого принимала вдова, был барон Глейшен (или Глайхен), бывший проездом в Париже в качестве посланца маркграфа Байрейта, с которым он только что объездил всю Италию. Вдова кавалера Ламбера принимала его во второй раз. Господин Глейшен приезжал в Париж в 1753 г.[196]. О своей встрече с графом он оставил типичный рассказ: "Вошел человек среднего роста, крепкого сложения, одетый с великолепной и изысканной простотой. Он кинул шляпу и шпагу на кровать хозяйки, устроился в кресле у огня и прервал разговор, обратившись к говорившему: "Вы не знаете, о чем рассказываете. Один я могу говорить на эту тему, которую я исчерпал, так же, как и музыку, которую бросил, ибо мне некуда было развиваться дальше"[197].

Судя по тому, что мы знаем о графе, о его манерах при знакомстве и разговорах, рассказ барона Глейшена кажется нам подозрительным. Дело в том, что у барона Глейшена была известная репутация. Ее изложила госпожа дю Деффан: "Его недостаток в том, что он — в высшей степени врун. Он не видоизменяет действительность, он ее приукрашивает"[198]. Это же говорит и Л. Кал де Сен-Мартен: "Эгот человек охотнее скажет одну ложь, чем тридцать правд"[199].

Как бы там ни было, граф Сен-Жермен и господин де Глейшен подружились, как об этом можно судить по следующей записке барона: "В течение шести месяцев я прилежно следовал за ним"[200].

У вдовы Ламбер граф собрал небольшое количество картин. Он показал их Глейшену, говоря при этом, что даже в Италии, во время своей поездки, он таких не видал: "И действительно, он говорил почти правду, ибо те картины, которые он мне показал, все отличались оригинальностью или совершенством, что делало их куда интереснее, чем многие первостатейные работы. Особенно интересно было изображение Святого Семейства работы Мурилло, которая не уступала в красоте работе Рафаэля из Версальского дворца"[201].

Граф показал барону также "огромное количество камней и цветных бриллиантов удивительных размеров и красоты. Там были чудеса, достойные пещеры Аладдина. Я увидел среди

камней опал чудовищных размеров и белый сапфир[202] величиной с яйцо, яркость которого затмевала все остальные камни, которые я клал рядом с ним. Я знаю толк в камнях, и могу заверить, что на глаз не было причин сомневаться в драгоценности этих камней, тем более что они не были оправленны"[203].

Господин Глейшен добавил, что граф Сен-Жермен "знал некоторые химические секреты, особенно секреты изготовления красителей, красок для тканей, в частности редкой красоты краски под золото. Возможно даже, он сам сотворил те камня, о которых я говорил и о драгоценности которых можно было судить, лишь распилив их".

В то время как господин Глейшен уезжал из Парижа в Данию, граф Сен-Жермен познакомился с той, которая впоследствии стала госпожой Жанлис.

Стефания-Фелисите дю Крэ родилась 25 января 1746 г. "в маленьком поместье в Бургундии, недалеко от Отена"[204]. В возрасте семи лет она была принята каноником в капитул Аликса, близ Лиона, и в соответствии с этой должностью приняла титул графини Ланси (ибо ее отец носил титул Бурбон-Ланси). Молодость она провела как в раю. "Утром я играла немного на клавесине и пела. Затем я учила свои роли (она играла в комедиях), были уроки танца и фехтования, затем читала до обеда…"[205]. Благодаря прекрасному образованию она сумела занять свое место в Париже после того, как ее отец был разорен вследствие денежных спекуляций.

Ей исполнилось тринадцать лет, когда она приехала вместе с матерью провести лето 1759 г. в Пасси, у откупщика господина де ля Пуплиньера: "Это был семидесятилетний старик, крепкого здоровья, с мягким, приятным и вдохновенным лицом"[206]. В своих воспоминаниях госпожа де Жанлис добавила откровенно, что "она была бы не прочь быть постарше на три или четыре года, ибо он мне так нравился, что я хотела выйти за него замуж"[207]. Надо сказать, что откупщик сыграл определенную роль в судьбе своей подопечной, которая впоследствии достигла вершины славы.

В предыдущей главе мы видели, что граф Сен-Жермен был принят у господина де ля Пуплиньера. Именно в салоне этого финансиста и произошла встреча молодой графини, ставшей мадемуазель дю Крэ де Сен-Обен, и "этого удивительнейшего человека, с которым я виделась почти каждый день в течение полугода"[208].

Этот удивительный человек вызвал ее интерес и заинтриговал ее, хотя она и увидела в нем "шарлатана или, по крайней мере, человека, экзальтированного владением некоторыми тайнами, которым он был обязан крепким здоровьем

и долголетием, превосходящим обычные рамки человеческой жизни"[209], ведь граф в то время выглядел максимум на сорок пять лет, а было ему наверняка больше. Тем не менее она признала, что ее поразил "этот экстраординарный человек, поразил именно своим талантом, широтой познаний, своими вызывающими уважение качествами, благородными и стеленными манерами, безупречным поведением, богатством и щедростью"[210].

Восхищение господина дю Крэ подтверждается и в следующих строчках: "Он придерживался самых лучших принципов, выполнял все внешние атрибуты религии, был очень милосердным, и все говорили, что он был безупречного нрава[211]. Ничто в его поведении и речах не противоречило морали"[212].

Так же, как и Казанова, будущая госпожа де Жанлис оставила словесный портрет графа, на этот раз описание не такое банальное, зато оно более характерное: "Ростом он был немного ниже среднего, хорошего сложения, с энергичной походкой. Волосы были черными, кожа очень смуглой, черты лица правильными, а выражение оного — одухотворенным"[213]. Все это подтверждают господин Глейшен и госпожа дю Оссет. Сравнивая эти описания, которые кажутся верными, с описанием, данным К. де Куршаном, мы обнаруживаем, как ни удивительно, что взгляд графа был горделивым, что его "пышные волосы, красивая борода и брови были совершенно седыми"[214]. Нет никаких сомнений, судя по гравюре Н. Тома, что граф бороды не носил. Со своей стороны, Ламот-Лангон описал нашего героя самыми лестными словами: "У него был стройный и элегантный стан, тонкие руки, маленькие ступни, хорошо сложенные ноги в обтягивающих шелковых чулках. Узкие короткие штаны лишь подчеркивали совершенство его тела. Улыбка раскрывала прекраснейшие зубы, и очаровательная ямочка украшала подбородок"[215]. Портрет следует дополнить словами Глей-шена, согласно которому, как мы уже видели, он был одет "с великолепной и изысканной простотой", и госпожи дю Оссет, видевшей его несколько раз одетым "скромно, но со вкусом", тогда как ироничный К. де Куршан видел его "одетым, как во времена короля Гильмо"[216].

Мадемуазель дю Крэ имела долгие разговоры с графом Сен-Жерменом. Он "отлично говорил по-французски без какого-либо акцента". Зато господин Глейшен утверждал, что по-французски он говорил с "пьемонтским акцентом"[217], а К. де Куршан говорил, что, акцент у него был эльзасским[218]. Все трое согласны, что он знал английский, итальянский и испанский языки, кроме этого, если верить Глейшену[219], португальский и немецкий.

С каким бы акцентом граф ни говорил по-французски, он был обворожительным собеседником. Согласно мадемуазель дю Крэ,

беседы с ним были "поучительными и развлекательными. Сен-Жермен много путешествовал, знал современную историю вплоть до удивительных деталей, что привело к слухам, будто он лично разговаривал с героями прошлых эпох. Однако никогда я от него ничего подобного не слышала"[220]. Как бы желая поспорить с писаками, молодая графиня подтверждает абсолютную корректность графа следующими словами: "за первые четыре месяца нашего общения, он ни разу себе не позволил ничего не только экстравагантного, но вообще ни одного экстраординарного высказывания. В нем было даже так много степенного и почтенного, что мать стеснялась спрашивать его о странностях, которые ему приписывали"[221].

Как мы помним, граф был отличным музыкантом, и графиня дю Крэ это подчеркивает: "Он был замечательным музыкантом. Он импровизировал на клавесине аккомпанемент ко всему, что бы ни пели, и при этом так замечательно, что даже Филидор удивлялся, так же, как и его наигрышам"[222]. Однажды он дал ей странное обещание: она играла итальянские арии, он импровизировал аккомпанемент и сказал ей, что года через четыре или пять у нее будет красивый голос, и добавил: "хотели бы Вы, когда Вам будет семнадцать или девятнадцать, остановиться на этом возрасте, по крайней мере на очень много лет вперед?" Она ответила, что была бы в восторге, тогда он сказал серьезно: "Я Вам это обещаю"[223].

Музыка была не единственным талантом графа. "Он был хорошим физиком и очень хорошим химиком, без конца давал мне какие-то вкуснейшие конфеты в виде фруктов, о которых он утверждал, что делал их сам. Это его дарование я ценила ничуть не меньше других его талантов. Он также подарил мне бонбоньерку с удивительной крышкой, которую сам смастерил: большая шкатулка была из черной черепахи, верх ее был украшен агатом, меньшим, чем сама крышка. Если подержать бонбоньерку около огня, то спустя несколько мгновений агат становился невидимым, и на его месте появлялась миниатюра, изображающая пастушку с корзиной цветов. Изображение оставалось, пока шкатулку снова не нагревали. После нагрева вновь появлялся агат, который скрывал изображение"[224].

Граф был и искусным художником. "Рисовал он маслом, не мастерски, как говорили, но приятно. Он владел секретом совершенно удивительных цветов, благодаря которым его полотна были совершенно необычными. Рисовал он исторические сюжеты, и всегда изображал женщин в украшениях из камней. Для изумрудов, сапфиров, рубинов он использовал свои краски, и тогда они сияли, переливались и блестели как настоящие. Разные

художники, в том числе Латур и Ванлоо, приходили смотреть его картины и восхищались красками, из-за которых, однако, сами изображения блекли, теряли в правдоподобности. Зато для украшений можно было бы использовать секрет этих удивительных красок, тайну которых господин де Сен-Жермен так никогда и не выдал"[225].

В тот период, когда он общался с Глейшеном и будущей госпожой де Жанлис, граф Сен-Жермен был допущен на "малые ужины" короля, которые имели место в Малом Трианоне[226].

Людовик XV приглашал на "малые ужины" интимный круг приятных ему людей. Никакого этикета, каждый мог выражаться свободно. Любимым времяпрепровождением на этих ужинах были остроты, яркие реплики, дворцовые и городские пересуды, вперемежку с принятием важных решений.

Здесь, как и везде, граф Сен-Жермен удивлял присутствующих оригинальностью идей, готовностью к импровизации, интересными притчами[227].

Ниже процитируем в качестве курьезов некоторые из сказок, якобы рассказанные графом.

Молодой дворянин очень распущенных нравов добился посредством магии расположения вампирки. Будучи не в состоянии избавиться от влияния им же вызванного духа, неосторожный молодой человек обратился к графу Сен-Жермену, который изгнал эту сущность с помощью заклинания. Молодой человек удалился в монастырь и спустя некоторое время умер там в святости[228].

Молодая вдова, зная, что граф Сен-Жермен всегда приходил в гости с богатыми украшениями, попыталась отравить его, чтобы завладеть камнями. Граф догадался о западне. В панике женщина вызвала своих слуг, чтобы те убили его, но он ввел их в такое состояние, при котором они не были способны осуществить этот замысел. Всех арестовали и повесили[229].

Богатый далматский дворянин давал ужин своим друзьям. Пришел иностранный господин. При виде его каждый испытывал удивительное отвращение. Веселья как не бывало, гости стали расходиться. Незнакомцу отвели комнату с окнами на поля. Около полуночи раздался крик, затем — тишина. На следующий день, недалеко от замка, был найден труп крестьянина. А чужеземец исчез[230].

Процитируем еще два "анекдота", из которых первый — чистый вымысел, а второй основан на источнике, который мы укажем.

Некая девушка, Елена дю Пал… была отведена в Парк-о-Сер"[231] с согласия отца, несмотря на усилия ее возлюбленного. В

отчаянии девушка решила отравиться. С помощью графа Сен-Жермена она разыграла трагедию, попытки присутствующих медиков привести ее в чувство были тщетны. В условленное время явился граф Сен-Жермен, якобы дал девушке противоядие, и она была спасена[232].

Мэтр Дюма, бывший прокурор в Шатле, был сказочно богат. Он занимался астрологией в верхних покоях, за двойной железной дверью. Каждую пятницу таинственный человек приходил к нему за закрытые двери и оставался там в течение часа. Однажды, вместо пятницы, он пришел в среду, что привело мэтра Дюма в замешательство. Последовал разговор. После ухода посетителя бывший прокурор закрылся на ключ, а когда на следующий день жена и сын открыли дверь, мэтр Дюма исчез. Дело происходило в 1700 г.

Людовику XV эта история была известна, и он рассказал о ней графу. Следуя указаниям последнего, полученным им на основе изучения астральной хорарной карты мэтра Дюма, было обнаружено подвальное помещение, куда можно было попасть из верхних покоев по винтовой лестнице, а там — труп уснувшего навсегда под воздействием сильнодействующего наркотика мэтр Дюма[233]. В "Тайных воспоминаниях" Дюкло можно прочесть удивительно похожий рассказ. Некий Пекой из Лиона сказочно разбогател, начав с нуля, и смог купить для сына высокую должность. Он не наслаждался своим богатством, наоборот — только копил деньги. В доме он велел построить подвал с тремя дверями, из которых последняя была железная. Время от времени он спускался туда, чтобы насладиться видом своего богатства. Жена и сын заметили это. Однажды, когда домашние думали, что он вышел, Пекой спустился в подвал. Вечером он не вернулся. Жена и сын подождали два дня, затем спустились в подвал и выломали две первые двери. Железную им выставить не удалось. Пришлось ждать до следующего дня. Когда им удалось проникнуть в подвал, они нашли его мертвым, лежащим рядом с сундуками, с обожженными до кости руками. Рядом лежала сгоревшая лампа[234]. Все похоже, кроме присутствия нашего героя.

Графа Сен-Жермена принимали с уважением во многих хороших домах столицы. Так, его часто видели у маркиза Берингена — "господина Первого" малой королевской конницы, в доме которого, как мы видели, он рассказал единственную историю, которую можно с уверенностью приписать ему — о графе Монкаде[235]. Принимали его и у княгини Монтобан — супруги генерал-лейтенанта Шарля де Роан-Рошфор. В этом доме он познакомился с французским послом в Гааге господином д'Аффри, с которым впоследствии у него возникли непри-

ятности[236]. Был вхож в дом девушек д'Алансэ — родственниц графа Дюфор де Шеверни, проживающих на ул. Ришелье напротив Королевской библиотеки. "У этих двух милых женщин собиралось лучшее общество столицы"[237]. Его можно было увидеть и у госпожи д'Анжвилье. Этот родственник и наследник госпожи Беринген был в то время всего лишь фельдмаршалом. Впоследствии он стал директором королевских зданий и членом Академии наук. Он написал следующее: "Я знавал господина де Сен-Жермена. Я был совсем молодым (ему было 29 лет), но несмотря на молодость и на то, что он относился ко мне хорошо, я не давал ему наслаждаться плодами его шарлатанства (?) и постоянно спорил с ним с открытым забралом"[238]. Граф также бывал у госпожи де Маршэ — дочери откупщика Лаборда, родственницы госпожи де Помпадур и жены первого дворецкого короля. Овдовев, она вышла замуж за господина д' Анжвилье и держала салон, так же, как и госпожа Жоффрен: "До самой старости у нее сохранились прекрасные волосы[239]. Утверждали, будто знаменитый граф Сен-Жермен, появившись при дворе как один из самых знаменитых алхимиков (?), и давал ей когда-то жидкость, предохраняющую волосы и не дающую им с годами седеть"[240]. Его принимали и у господина де л'Епин Даникан, судовладельца, потомка мальвинского корсара. "Он извлек пользу из своих обширнейших познаний по металлургии и сумел изучить и освоить шахты в Бретани, не побывав там"[24*]. Граф Сен-Жермен часто бывал у господина Николаи — первого председателя финансовой палаты, проживавшего на пл. Руайаль, а также у графа Андреаса Петера Бернштрофа, советника датского посольства, и т. д. и т. п.

Наконец, некий орден Блаженства[242], во главе с Герцогом Буйоном, "попытался познакомиться с ним, ибо воспринимали его как Ведущего"[243]. Орден, душой которого был маркиз Шамбенас, провозглашал доктрину графа Габалиса — персонажа, придуманного аббатом Монфоконом де Виларом[244]. Как и следовало ожидать, граф Сен-Жермен отклонил эту честь[245].

Пятая глава
ОТЧЕГО ТАК РАЗОЗЛИЛСЯ ГОСПОДИН ДЕ ШУАЗЕЛЬ?

Граф Сен-Жермен бывал в доме господина де Шуазеля, и его там радушно принимали.

Герцог Шуазель был назначен министром иностранных дел 3 декабря 1758 г. и сменил на этом посту кардинала Берниса. "Его происхождение, тон и манеры вызывали уважение и позволили ему добиться расположения госпожи де Помпадур больше, чем кому-либо еще"[246].

В свободное от политики время господин де Шуазель выше всего ценил удовольствия. Как-то он признался: "До безумия люблю наслаждаться"[247]. Госпожа де Помпадур, напротив, жила только умом. Она была любезной и доброй, очаровательной, хотя и некрасивой. Много читала, занималась музыкой и рисованием, и, познав, что встречи с графом Сен-Жерменом плодотворны, пригласила его к себе. Дело в том. что широта и разнообразие познаний были для графа отличными рекомендациями, тем более, что какой бы вид искусства он ни пробовал, во всех он блистал.

Сначала деятельность графа Сен-Жермена не очень удивила Шуазеля: граф жил во Франции так же. как до этого в Англии, на широкую ногу, платя за все, ниоткуда не получая переводов.

Разумеется, некоторое время спустя это показалось странным, и, "поскольку его богатство не происходило ни от игры, ни от мошенничества, ибо ни разу ни одно обвинение такого рода не возникало"[248], стали поговаривать об алхимии, о "философском камне".

Герцог приказал расследовать деятельность графа, чтобы узнать происхождение денег, которыми тот пользовался. Тем, кто приходил к нему за разъяснениями, граф говорил, что "скоро покажет им, из какого карьера добывают тот самый "философский камень"[249].

Развернутая Шуазелем кампания не дала никаких результатов, несмотря на старания полицейского лейтенанта Бертен де Белиль.

Источник доходов графа Сен-Жермена можно объяснить так: как мы знаем, он обладал большим количеством прекрасных драгоценных камней. Нетрудно передать какой-нибудь камень квалифицированному человеку, который отправит его в Лондон или Амстердам куда выгоднее, и переведет деньги банкиру графа

в лице вдовы Ламбер.

Господин де Шуазель был оскорблен, не обнаружив того, что больше всего хотел узнать, и не сумел скрыть своей обиды. Однажды вечером, за ужином, на котором присутствовали, кроме него и его жены, наш знакомый барон Глейшен и посол Сардинии — бальи города Содара, министр Шуазель накинулся на собственную жену, спросив, по какой причине она не пьет. Госпожа де Шуазель ответила, что она, да и барон Глейшен, не без успеха для себя придерживаются диеты Сен-Жермена. На это Шуазель ответил: "Что до барона, я знаю о его любви к авантюристам (?), и пусть делает, что ему заблагорассудится. Что же касается Вас, Ваше здоровье мне дорого, и я запрещаю Вам следовать сумасбродным идеям этого сомнительного человека (?)". Министр возбуждался все дальше: "И вообще странно, что король так часто остается почти наедине с таким человеком, тогда как обычно, когда он выходит, король всегда окружает себя охранниками, будто убийцы кругом кишат" [250].

Из этой сцены мы видим, что герцога Шуазеля явно оскорбляло то доверие, которое король оказывал нашему герою. Его ярость питалась также и ревностью к маршалу Бель-Иль, другу графа Сен-Жермена[25]". Маршал — "старый солдат с молодым и дерзким умом" был внуком суперинтенданта Фукэ[252]. В министерстве господина де Шуазеля Бель-Иль занимал должность военного министра. Бель-Иль и Шуазель ненавидели друг друга из-за личных политических амбиций[253].

Политика господина де Шуазеля вмещалась в две строчки: "Воевать с Англией и победить ее. Сохранить независимость Пруссии, так, чтобы обезопасить себя от амбициозных планов Австрии и России"[254]. Господин Бель-Иль, наоборот, плел интриги для того, чтобы стать автором сепаратного мира с Англией. "Маршал восхищался англичанами, говорил, что они храбры, любят своего короля, что, как только на них нападают, раздоры внутри страны прекращаются, царит патриотический дух, и все выполняют приказы Вестминстерского дворца"[255].

Все, что касается Англии, раздражает Шуазеля, и мы увидим, каким образом это отношение не обошло стороной графа Сен-Жермена.

Как и многие другие, граф занимался морской коммерцией и был заинтересован в делах одной английской морской компании. "Аккерман" — корабль, представляющий его интересы, был захвачен 8 марта 1759 г. французским кораблем-корсаром "Мародер" под командованием дюнкеркского капитана Тивье-Леклера. Суд в дюнкеркском адмиралтействе признал добычу законной и оценил ее в 800 тысяч ливров. Дюнкеркская компания

Эмери опротестовала решение суда, и дело было передано в королевский Совет[256]. Граф Сен-Жермен обратился к госпоже де Помпадур с просьбой повлиять на снятие эмбарго с корабля, от которого он ждал 50 тысяч экю прибыли.

Спустя несколько месяцев пошли упорные разговоры о том, что пора кончать войну, которая длится вот уже три года.

Некий Краммонт, проживающий в Париже шотландец, получил письмо из Лондона через Брюссель, в котором два английских государственных секретаря, герцог Ньюкастл и лорд

Гранвиль (Чарльз Форонсхед), предлагали заключить сепаратный мир. Госпожа де Помпадур показала это письмо графу Сен-Жермену при маршале Бель-Иле, который разделял ее взгляды[257].

В это же время посол Мальты в Париже, бальи Фрулэ, пришел к герцогу Шуазелю и принес ему письмо от Фридриха II[258], содержащее просьбу принять барона Эдельсхейма, которому было поручено тайно передать мирные предложения[259]. Господин де Шуазель отклонил предложения со словами: "Мы не воюем с прусским королем, поэтому нам нельзя заключить с ним сепаратный мир. Пусть его враги и его союзники заключают этот мир, но не мы"[260].

Тем временем 25 ноября 1759 г. фельдмаршал Соединенных провинций, опекун молодого штатгальтера[261] Вильгельма V, герцог Людвиг Брюсвикский[262] передал господину д'Аффри — представителю Франции в Гааге — заявление за подписью графа Холдернесса и барона Книфхаузена, с целью "заверить, от имени и по поручению их прусской и британской Величеств в стремлении лондонского и берлинского дворов к восстановлению мира"[263]. К сожалению, "претензии Англии были завышенными, и Франции пришлось оказать некоторое сопротивление"[264], переговоры были прерваны.

Но господин Бель-Иль совместно с Людовиком XV и и госпожой де Помпадур рассчитывал, что сумеет заключить всеми желанный мир, от которого он сам получил бы большую выгоду для своей карьеры. Зная, что Сен-Жермен близко знаком с господином Йорком, представителем Англии в Гааге, Бель-Иль поручил графу связаться с послом Йорком с тем, чтобы тайно от господина де Шуазеля возобновить мирные переговоры. Граф принял это "тайное" поручение без всякой для себя выгоды, просто для того, чтобы удружить Бель-Илю, и особенно королю и госпоже де Помпадур, которых он очень уважал.

14 февраля 1760 г. Бель-Иль передал графу Сен-Жермену подписанный Людовиком XV незаполненный бланк, и граф отбыл в Голландию.

Шестая глава
ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ МИССИЯ

20 февраля 1760 г. граф Сен-Жермен приехал в Амстердам[265] и остановился в "Восточной Звезде" — одной из лучших гостиниц. После короткого отдыха он отправился к братьям Адриену и Томасу Хопам — самым богатым торговцам города[266]. На следующий день те представили его мэру Амстердама Хасселаару, который с удовольствием принял его, и уже через день граф встречался за одним столом с представителями самых богатых семейств "Северной Венеции". Между делом, граф также нанес визит двум торговцам, господам Коку и Ванжиен, друзьям вдовы Ламбер, его парижского банкира.

22 февраля господин Астье, комиссар по морским и торговым делам Франции в Амстердаме, известил господина д'Аффри, посла Франции в Гааге, о приезде графа Сен-Жермена[267].

Вскоре стало известно, что он прибыл в Голландию с какой-то важной для финансов Франции миссией. Как мы знаем, это был всего лишь предлог, чтобы отвлечь внимание от его настоящего поручения.

Спустя две недели после своего приезда, 5 марта 1760 г., граф уехал в Гаагу в сопровождении госпожи Геелвинск и одного из братьев Хоп[268] для того, чтобы принять участие в праздновании бракосочетания принцессы Каролины, сестры штатгальтера, и князя Карла Нассау-Вейлбурга. Великое оживление царило в гостинице для послов[265], расположенной напротив Вывера, центрального пруда Гааги, в одном здании с дворцом Генеральных Штатов.

Посол д'Аффри принял графа Сен-Жермена с уважением и вниманием. Посол был швейцарцем, военным по профессии и дипломатом по случаю. Вот уже несколько лет, как он преданно и рьяно служил Франции. Как мы помним, граф и господин д'Аффри виделись в Париже, и у посла было высокое мнение о графе.

С другой стороны" чета Хасселааров отрекомендовала графа господину Пику ван Солену, депутату Генеральных Штатов, который в свою очередь представил его госпоже де Буланд, а также другим главным представителям высшего общества в Гааге. Он сразу всем понравился и всеми был принят как человек высокого рождения.

После бала во дворце штатгальтера, на котором он присутствовал, граф хотел было сразу же — на следующий день

— уехать в Амстердам, но по настоятельным просьбам своих друзей ему пришлось отложить отъезд. Он провел все это время в обществе господина д'Аффри. Тот пригласил его на ужин, в свою ложу в театре, и даже два раза велел передать ему продукты на обратную дорогу[270]. Во время своего пребывания в Гааге граф некоторое время проживал в гостинице "Принц Оранский".

По неожиданному стечению обстоятельств там же находился и Казанова. Этот мошенник не впервые приезжал в Гаагу. В первый раз он сюда приехал в конце 1758 г. Благодаря помощи госпожи Рюмен ему удалось заполучить рекомендательное письмо от виконта Шуазеля герцогу Шуазель. Начало письма уже само по себе стоит того, чтобы быть процитированным: "Вот уже некоторое время господин Казанова — венецианец, писатель, путешествует для того, чтобы обучаться литературе и торговле. Поскольку он намеревается уехать в Голландию и помнит проявленную к нему в прошлом году доброту д'Аффри, тем не менее Казанова хотел бы иметь рекомендательное письмо герцога Шуазеля послу д'Аффри, чтобы быть уверенным в хорошем приеме. Виконт Шуазель просит герцога Шуазеля не отказать Казанове в этой любезности и передать ему письмо для посла"[271].

Казанова получил письмо для д'Аффри, последний в ответ передал герцогу Шуазелю, что он ошибается насчет личности Казановы: этот человек играет с крупными суммами денег, он приехал в Гаагу ради какого-то денежного интереса, а именно — для того, чтобы продать французские ценные бумаги[272].

И действительно, министр финансов Буллонь поручил Казанове обналичить бумажные деньги на двадцать миллионов франков. Казанова быстро справился с этой задачей, и французская казна получила 18 миллионов двести тысяч ливров, частью наличными, частью в виде отличных ценных бумаг[273].

Таким образом, Казанова снова был в Гааге, на этот раз для того, чтобы обсудить вопрос о предоставлении 5 % кредита, но тут его "подставил" д'Аффри, написавший герцогу Шуазелю: "Казанова ведет себя безобразно, налево и направо болтает о своих личных похождениях и о том, что творится при дворе, он крайне несдержан на язык". На что герцог Шуазель ответил, что "лично он не знаком с Казановой, и лучше будет, если господин д'Аффри закроет свою дверь перед этим интриганом"[274].

Казанова нанес визит графу Сен-Жермену и оставил об этом посещении рассказ: "Графу доложили обо мне. У него в прихожей сидели два гайдука. Когда я зашел, он сказал мне:

— Вы опередили меня, я как раз собирался объявиться у Вас. Я уверен, Вы приехали сюда для того, чтобы сделать что-нибудь в интересах нашего двора. Но Вам будет очень трудно, ибо биржа

взбудоражена после операции этого сумасшедшего Силуэта. Надеюсь, тем не менее, что эта заминка не помешает мне найти сто миллионов. Я обещал это королю Людовику X V; которого могу назвать своим другом, и я его не обману. Недели через три-четыре дело будет сделано.

— Думаю, господин д'Аффри Вам поможет.

— Я не нуждаюсь в его помощи. Наверное, даже и не встречусь с ним, иначе он похвастается, что помог мне, а я этого не хочу. Раз вся работа будет моей, пусть и вся слава достанется мне.

— Вы, наверное, бываете при дворе, герцог Брунсвикский может быть там Вам полезен.

— Что же мне там делать? Что до герцога Брунсвикского, он мне не нужен, я даже не желаю знакомиться с ним. Мне всего лишь нужно съездить в Амстердам. Моей репутации достаточно. Люблю я короля Франции, ибо во всем королевстве нет человека честнее его"[275].

Самолюбивый и грубый тон ответов, вложенных Казановой в уста графа Сен-Жермена, делает разговор маловероятным. Как мы увидим ниже, он полностью выдуман.

6 марта 1760 г. граф Сен-Жермен отправился к д'Аффри и имел с ним долгую беседу о состоянии французской казны. Граф сказал, что у него есть план оздоровления финансов, он хотел бы спасти королевство, добившись кредита у крупнейших голландских банкиров[276]. Д'Аффри спросил, в курсе ли этих проектов министр финансов господин Бертен. Граф ответил, что нет. Тем не менее д'Аффри утверждает, что на следующий же день он увидел тот самый финансовый проект за подписью Бергена![277] В нем предусматривалось создание кассы дисконтирования. Д'Аффри заметил, что такая касса могла бы стать источником огромных богатств для тех, кто будет ею руководить. Граф ответил, что приехал в Голландию лишь для того, чтобы завершить создание компании, способной отвечать за такую кассу, исключая, однако, сотрудничество братьев Парис[278].

Господин д'Аффри попросил графа показать документы, доказывающие, что он уполномочен для этого демарша. Граф предъявил два письма от Бель-Иля от 14 и 26 февраля 1760 г. В первом содержался чистый бланк за подписью Людовика XV, во втором Бель-Иль выражал желание услышать о графе как можно скорее. В обоих письмах были похвалы в адрес графа, Бель-Иль говорил, что на его миссию в Гааге возложены большие надежды[279].

После ухода графа Сен-Жермена д'Аффри отправил письмо Шуазелю, сообщив ему о нанесенном графом визите и

запрашивая инструкции по поводу его финансовых операций. Тем временем граф отправился к своему другу сэру Джозефу Йорку, английскому официальному представителю.

Встреча их была теплой, в тот же вечер господин Йорк нанес ответный визит графу, и они договорились о следующей встрече.

Граф не мог дольше молчать и сообщил другу о настоящей цели своего путешествия. "Сначала он говорил о плохом состоянии Франции, о необходимом мире, о желании заключить мирный договор и о его личном стремлении участвовать в таком желаемом для человечества событии"[280]. На что Йорк ответил строго, что "сей предмет слишком деликатен, чтобы им занимались неквалифицированные люди". Тогда граф показал ему оба письма Бель-Иля и бланк с подписью короля. Английский представитель был в затруднительном положении. Он не сомневался в полномочиях графа, хотя официально ничто не обязывало его верить в них, и для того чтобы не компрометировать себя, он ответил общими фразами об английском желании мира. Перед расставанием граф попросил Йорка держать их разговор в тайне и в самый краткий срок дать ответ на его предложение[281].

Было 9 марта 1760 г. В этот день граф познакомился с господином Бентинком ван Руном — президентом голландского совета депутатов-коммиссаров[282]. Его семья была из Арнхейма, а сам он жил в Лейде, на полпути между Амстердамом и Гаагой. Граф и Бентинк сразу понравились друг другу, и при первой же встрече, еще в Гааге, граф сообщил Бентинку о своей миссии, о мирном договоре между Францией и Англией. В тот же вечер граф встретился и с резидентом польского короля — курфюрстом Саксонии господином Каудербахом и поужинал с ним. На ужине, где присутствовал еще и кавалер Брюль, граф. как обычно, мяса не ел, кроме куриного филе, и ограничился кашей, овощами и рыбой. "Он говорил как ученый о самых прекрасных тайнах природы. В его доказательствах не было таинственности, и без явной цели, одними объяснениями, он убеждал даже наиболее скептически настроенных слушателей. Показал несколько прекраснейших камней, среди них примечательный опал, и заявил, что вся мировая слава ему безразлична, он хотел лишь быть достойным титула гражданина"[283]. Затем, переменив тему разговора, граф перешел к своей миссии, которую он изложил так: "Беда Франции в том, что Людовику XV недостает твердости. Все, кто его окружает, знают об излишней его доброте и пользуются этим. Он окружен креатурами братьев Парисов — этих истинных виновников бед Франции. Именно они скупили все и вся, и не дали осуществиться планам лучшего гражданина

Франции, маршала Бель-Иля. Отсюда раздор и зависть среди министров, как будто они находятся на службе у разных монархов. К сожалению, мудрость короля уступает его доброте, и он не в состоянии распознать хитрость людей, которыми братья Парисы обложили его. Эти люди прекрасно знают о том. что королю недостает строгости, и постоянно льстят ему. Поэтому их слушают в первую очередь. Тем же страдает и фаворитка. Она знает о зле, но у нее не хватает сил его искоренить"[284].

В результате всех этих встреч граф счел нужным письменно поставить госпожу Помпадур в известность о своих отношениях с Бентинком ван Руном, человеком, показавшимся ему наиболее квалифицированным для помощи в этой миротворческой миссии. Граф писал:

"Гаага, 11 марта 1760 г.

Госпожа,

где бы в Европе я ни находился, моя чистая и честная привязанность к королю, к благополучию Вашей милой страны и к Вам останется неизменной. Более того, во все времена я могу ее доказать во всей своей чистоте, чистосердечности и силе.

В настоящее время я нахожусь в Гааге, у графа Бентинка из Руна, с которым я глубоко подружился. Мне кажется, нет у Франции более мудрого, более честного и крепкого друга. Будьте в этом уверены, как бы Вас ни убеждали в обратном.

Он могущественен здесь и в Англии, это государственный муж и честнейший человек. Он открылся мне полностью. Я говорил ему о милой маркизе Помпадур, как только может это делать сердце, чувства которого к Вам известны Вам давно и которые не уступают в сердечной доброте и душевной красоте той, которая их породила. Граф Бентинк был очарован и воодушевлен. Одним словом, Вы можете рассчитывать на него как на меня.

Я думаю, что король может ожидать от него многого, учитывая его могущество, честность, прямоту и т.р. Если король думает, что мое сношение с этим господином может чем-то быть полезным, я не пощажу себя ни в чем; мое добровольное и бескорыстное рвение и привязанность давно известны Его Величеству.

Вы знаете мою верность Вам. Прикажите, и будете услышаны. Вы можете подарить мир Европе, избегнув долготы и сложности организации конгресса. Ваши приказания дойдут до меня без помех у графа Руна в Гааге, либо, если Вам это покажется более приемлемо, у Томаса и Адриана Хопов, у которых я гощу в Амстердаме.

То, что я Вам сообщаю, показалось мне настолько интересным, что я не счел возможным дольше молчать, тем более что никогда от Вас ничего не скрывал и скрывать не буду.

Если у Вас не окажется достаточно времени, чтобы ответить мне, убедительнейше прошу сообщить Ваш ответ через доверенное лицо. Умоляю Вас не медлить, ради Вашей привязанности и любви к лучшему и любезнейшему королю.

Остаюсь Вашим"[285].

Граф Сен-Жермен прибавил следующий постскриптум:

"Прошу Вас поинтересоваться решением суда по поводу подлого и скандального захвата "Аккермана". Мои интересы там исчисляются в 50 тысяч экю, а компания господина Эмери в Дюнкерке требует возврата корабля. Еще раз прошу Вас добиться для меня справедливости на заседании Королевского Совета, перед которым это несправедливое дело будет заслушано в ближайшее время. Пусть будет Вам угодно вспомнить Ваше обещание прошлого лета не стерпеть несправедливости"[286].

Граф также написал Шуазелю, и когда Бентинк спросил, каким образом новости дойдут до министра иностранных дел, граф с уверенностью и спокойствием ответил, что в Версале скоро наступят перемены. Он также дал понять Бентинку, что не во власти Шуазеля продолжать препятствовать подписанию мирного соглашения[287].

К несчастью графа Сен-Жермена, письмо, которое он отправил Помпадур, не дошло до нее. С начала 1760 г. Шуазель был назначен Людовиком XV суперинтендантом почтовой службы и распоряжался ее тайнами[288]. Поэтому, когда письмо пришло в Париж, герцог сразу же его изъял и направил д'Аффри следующее сообщение:

"Версаль, 19 марта 1760 г.

Посылаю Вам письмо господина Сен-Жермена госпоже Помпадур, из которого ясно, до какой степени этот человек несуразен. Он — первостатейный авантюрист, который, к тому же, я этому свидетель, очень глуп.

По получении моего письма прошу Вас вызвать его и передать следующее: мне неизвестно, что подумают отвечающие за финансы королевские министры о его смехотворных финансовых делишках в Голландии. Что же касается меня, прошу Вас его предупредить: если я узнаю, что он, близко ли, далеко ли, в большом или в малом, замешан в политике, уверяю, что

добьюсь от короля ордера на его возвращение во Францию, где он будет гнить до конца своих дней в каком-нибудь застенке.

Добавьте, что мои намерения абсолютно непреклонны — он может быть в этом уверен, и я сдержу свое слово, если он вынудит меня к этому своим поведением.

После этих слов Вы попросите его больше к Вам не приходить, и неплохо бы Вам распространить этот комплимент в адрес столь несносного авантюриста среди всех иностранных представителей и амстердамских банкиров"[289].

Это письмо еще не дошло до адресата в Гааге, а в этом городе уже произошла сцена между Йорком и графом Сен-Жерменом. Поскольку граф все еще не получил ответа от английского представителя, он договорился встретиться с ним утром 23 марта 1760 г. Господин Йорк показал письмо, которое он только что получил от государственного министра Роберта д'Арейя, лорда Холдернесса, в котором король Георг II высказывал сомнения по поводу полномочий графа по вопросам мира. "Его Величество допускает, что граф Сен-Жермен действительно оказался кем-то, имеющим вес в Совете, уполномоченным говорить так, как он это сделал (возможно, с ведома Его Христианского Величества короля Франции). Если цель будет достигнута, средства не имеют значения. Но дальнейших переговоров между аккредитованным представителем короля и таким человеком, каким представляется граф Сен-Жермен, быть не может. То, что вы говорите — официально, тогда как графа Сен-Жермена могут дезавуировать в любой момент, если французский двор сочтет это нужным, тем более, что, как следует из его же слов, не только посол Франции в Голландии, но и министр иностранных дел в Версале находятся в неведении относительно его миссии. И даже если Шуазелю угрожает та же участь, что и Бернису, тем не менее он пока еще министр… Итак, Его Величество король желает, чтобы Вы передали графу Сен-Жермену, что… Вы не можете с ним обсуждать столь интересный предмет; пока он не предъявит подлинных доказательств, что Его Христианское Величество знает и поддерживает его миссию"[290].

Поскольку граф Сен-Жермен не мог предъявить других верительных грамот английскому послу, кроме письма Бель-Иля и пустого бланка с подписью короля, чего было недостаточно, чтобы аккредитоваться, ему пришлось уйти.

На следующий день он пришел к господину д'Аффри, в сопровождении Каудербаха и кавалера Брюля. и должен был отправиться вместе с ними в Русвик к графу Головкину"[1], пригласившего д'Аффри на ужин.

В личной беседе д'Аффри передал графу, в умеренных выражениях, инструкции Шуазеля. Граф был удивлен, попросил своих друзей извиниться за него перед Головкиным и. простившись с д'Аффри, отправился к Бентинку. Тут он дал волю своим эмоциям и сказал: "Бедный господин д'Аффри! Он думает, что страшно напугал меня своими угрозами! Но не на того напал, ибо мне давно безразличны и слава, и порицание, и страх, и надежды. Нет у меня другой цели, нежели следовать импульсам своих добрых чувств на пользу человечества и сделать для него столько добра, сколько смогу. Король прекрасно знает, что я не боюсь ни господина д'Аффри, ни господина Шуазеля"[292].

Лишь 5 апреля 1760 г., спустя десять дней и после того как д'Аффри несколько раз его вызывал, граф Сен-Жермен согласился побеседовать с ним. Посол дал ему понять, что граф попал впросак, написав о Бентинке[293] госпоже Помпадур, что он вмешался в дело, которое его не касается, и что отныне, и именем короля, его просят заниматься своими делами — дверь перед ним будет закрыта.

Граф Сен-Жермен молча выслушал д'Аффри, но затем, когда тот кончил свою обвинительную тираду, заметил, что ему ничего нельзя приказать "именем короля", поскольку он вообще не французский поданный. Он добавил, что не сомневается в "том, что господин Шуазель написал все это от своего имени, что король ничего об этом не знает, но даже если бы ему предъявили письменный приказ короля, он все равно бы не поверил"[294].

Другой причиной, вызвавшей агрессивные распоряжения господина Шуазеля против графа, были следующие несколько предложений, прочитанных в одном из последних писем последнего к госпоже Помпадур: "За свое поведение я отвечаю лишь перед Богом и моим повелителем" и далее: "Вот уже тридцать лет, что я принадлежу знати, и известен тем, что никогда не общался с авантюристами или самозванцами, и никогда не принимал у себя плутов"[295].

Тем временем герцог Шуазель выступал перед Королевским советом. Он показал письмо д'Аффри, "затем прочел свой ответ ему и, пробегая торжествующими глазами по присутствующим и останавливая взгляд то на короле, то на Бель-Иле, добавил[296]: "Если я не потрудился запросить инструкции короля, то только потому, что никто среди присутствующих не осмелился бы заключить мирный договор в обход министра иностранных дел Вашего Величества[247]". Он знал строгий приказ короля: министр одного ведомства не должен вмешиваться в дела другого. Случилось то, что должно было случиться: король виновато опустил глаза, маршал промолчал, и просьба Шуазеля была

одобрена"[298].

Воодушевленный чувством собственной правоты, герцог Шуазель тут же отослал д'Аффри следующие инструкции:

"Версаль, 11 апреля 1760 г.

… Король приказал мне срочно сообщить Вам, чтобы Вы дезавуировали самым унизительным и выразительным образом, словом и действием, так называемого графа Сен-Жермена, перед всеми, во всех Соединенных Провинциях, кого Вы подозреваете в том, что они знакомы с этим плутом. К тому же Его Величество просит Вас добиться от Генеральных Штатов этот государства, чтобы, из дружбы к Его Величеству, этого человека арестовали[299], дабы его могли препроводить во Францию, где он будет наказан в соответствии с его виной. Царствующие особы и общественное благо заинтересованы в том, чтобы пресекалась наглость подобных мошенников, задумавших решать государственные дела такой страны, как Франция. Я считаю, что подобный случай заслуживает не меньшего внимания, чем требование выдачи любого злоумышленника. В связи с этим король надеется, что после Вашего доклада господина Сен-Жермена арестуют и препроводят с надлежащей охраной в Лилль"[300].

Господин д'Аффри тут же последовал инструкциям Шуазеля, оповестил ведущих министров Республики и тех немногих иностранных представителей, которые находились в Гааге, а также Астье, в Амстердаме, с просьбой к нему предостеречь банкиров этого города относительно предложений графа Сен-Жермена[301].

На следующий день очередная сцена разыгралась в Рисвике, у графа Головкина. Там были герцог Брунсвикский, д'Аффри и еще один человек — господин Рейщах[302]. Герцог Брунсвикский сообщил д'Аффри, что граф Сен-Жермен изо всех сил добивался встречи и что он, герцог, отказался. Ему, однако, было известно, что графу удалось встретиться с другими людьми, которых он назвать не может. Господин д'Аффри сообщил тогда герцогу, что господин Шуазель дезавуировал графа Сен-Жермена и что ему нельзя было доверять ни в чем касательно дел Франции или ее правительства. Он попросил герцога передать эти слова английскому послу господину Йорку и сказал, что Великому Пенсионарию Штейну и Секретарю Анри Фа-желю[303] он уже все сказал сам. Герцог Брунсвикский ответил, что он во всем будет поддерживать д'Аффри, но не желает был замешан в этом деле[304].

По возвращении домой д'Аффри написал Астье следующее.

"Гаага, 17 апреля 1760 г.

Так называемый граф Сен-Жермен, которого Вы видели в

Амстердаме и который приехал оттуда сюда, является авантюристом и самозванцем. Не имея на то визы или поручения короля или его министра, он посмел вмешиваться в урегулирование самых важных интересов королевства. После моего доклада королю и на основе тех писем, которые он сам написал в Версаль, Его Величество приказал мне добиться поимки этого отъявленного самозванца и попросить его выдачи. Поскольку он вчера неожиданно уехал из Гааги и, может быть, находится в Амстердаме, приказываю от имени Его Величества и даю Вам полномочия на то, чтобы обратиться к магистратуре г Амстердама с просьбой об аресте самозванца и содержании его под стражей, пока мы не договоримся о способе передачи его австрийским Нидерландам[305], а затем на нашу территорию"[306].

Меры, принятые д'Аффри, все его передвижения заняли несколько дней, что дало время графу Сен-Жермену раскрыть замысел Шуазеля, благодаря единственному оставшемуся ему верным другу, Бентинку ван Руну.

Как только Бентинк узнал о депеше Шуазеля, он отправился к Великому Пенсионарию Штейну и сказал следующее: "Граф приехал в эту страну как всякий иностранец, поверив в то, что закон защищает его, уверенный в своей безопасности, как любое гражданское лицо. Нельзя обвинить графа в каком-либо проступке, заслуживающем того, чтобы какой-нибудь правитель отказал ему в защите, а право убежища считается в Голландии священным". Великий Пенсионарий согласился с ним, но проявил большое беспокойство по поводу реальных чувств Шуазеля[307].

Затем Бентинк отправился к Секретарю, Фажелю, в сопровождении Штейна. Секретарь сообщил, что он посоветовал д'Аффри обратиться напрямую в Генеральные Штаты; однако он сомневался, чтобы эти господа согласились выдать графа Сен-Жермена[308].

Узнав, с другой стороны, что д'Аффри дважды встречался с представителем Англии — Йорком, Бентинк решился обратиться и к нему, даже если его уже предупредили. И действительно, при одном упоминании о графе Йорк изобразил на лице высокомерное и строгое выражение и ответил грубо, что он будет очень рад, когда увидит графа Сен-Жермена в руках полиции. Господина Бентинка такая выходка со стороны человека, считавшегося бывшим другом графа Сен-Жермена и даже поддержавшего его в демаршах, несколько удивила, и он повторил Йорку свою точку зрения на арест графа, стараясь при этом не обидеть английского представителя. Йорк остался при своем мнении, сказав, что он умывает руки и отказывается выдать паспорт для графа. Поскольку Бентинк настаивал. Йорк в конце

концов признал, что если сам господин Бентинк ван Рун от своего имени запросит этот паспорт, он, как английский представитель, не сможет ему отказать, в силу официального положения последнего. Бентинк заметил лорду, что д'Аффри сможет причинить им много неприятностей, которых можно было бы избежать, если дать графу Сен-Жермену возможность покинуть Голландию. Аргумент подействовал[309], и Йорк велел принести бланк для паспорта. Он подписал его и вручил Бентинку. Таким образом, граф мог покинуть Голландию под своим именем, или под каким угодно, и избежать преследования Шуазеля[310].

Возмущенный предшествующей сценой Бентинк все же унес паспорт и отправился к графу Сен-Жермену, который жил с недавних пор в гостинице "Маршал Тюренн". Граф очень удивился, "не столько приказу Шуазеля, сколько тому, что д'Аффри стал его исполнять"[311]. Граф высказал несколько возражений, его друг их отклонил, сказав, что времени мало и что должен отправиться немедленно, от этого зависела его безопасность. На сборы, однако, оставалось время до утра, поскольку, даже если д'Аффри намеревался предпринять что-либо, он не смог бы этого сделать раньше 10 часов.

Осознав серьезность ситуации, граф отправился к еврею Боасу, занял у него две тысячи форинтов под залог трех опалов[312] и вернулся к Бентинку. Они обсудили способы выезда из Голландии и место, куда графу отправиться. Сошлись на Англии. Как раз на следующий день отправлялся корабль из Хеллевутслуиса[313] в Харвич. Поскольку слуги графа не знали ни голландского языка, ни дороги, Бентинк предоставил графу одного из своих слуг[314] — и, чтобы сбить с пути погоню, нанял карету с четырьмя лошадьми. В пять часов утра карета стояла перед гостиницей графа. Впопыхах "граф оставил шпагу с перевязью, а также пакет с серебряной и оловянной стружкой и две бутылки с неизвестными жидкостями"[315].

Приехав в Хеллевутслуис, граф Сен-Жермен не осмелился поселиться в городе и сразу же поднялся на борт почтового корабля "Принц Оранский", где и остался до самого отплытия. Было 16 апреля 1760 г.[316].

2 мая того же года господин д'Аффри передал графу Штейден-Хомпешу следующую памятку:

"Высочайшие и Всемогущие Господа!

Незнакомец, назвавшийся графом Сен-Жерменом, которого мой повелитель, король Франции, приютил в своем королевстве, злоупотребил этим гостеприимством.

Недавно он приехал в Голландию, в Гаагу, где, без согласия

Его Величества или его министра, без поручения, этот нахал позволил себе объявить, что он уполномочен устраивать дела Его Величества.

Мой повелитель, король, просит меня предупредить Ваших Высочеств и все общество, дабы никто во всех Ваших владениях не был обманут этим самозванцем.

К тому же Его Величество просит меня потребовать выдачи мошенника как виновного, во-первых, в злоупотреблении оказанным ему гостеприимством, позволившего себе говорить о правительстве и о королевстве неприлично и неправильно, и, во-вторых, в попытке вершить важнейшие дела моего повелителя — короля Франции.

Его Величество не сомневается, что Ваши Высочества окажут ему эту услугу во имя дружбы и справедливости и прикажут арестовать так называемого графа Сен-Жермена и препроводить его под стражей в Антверпен, откуда его отправят во Францию[317].

Памятка была распространена по всем Соединенным Провинциям, и поскольку графа больше не было в Голландии, достаточно было ознакомить каждую Провинцию с пожеланиями французского короля на тот случай, если граф вернется"[318].

После обсуждения депутаты Провинций взяли копии данного документа, чтобы распространить его дальше. Договорились, что следует передать его и Пику ван Солену, и другим депутатам, отвечающим за иностранные дела государства, с тем, чтобы они доложили об этом на заседании совета[319].

Как и следовало ожидать, дело было прекращено. Господин д'Аффри уехал в отпуск во Францию[320], и Бентинк ван Рун мог объявлять всем, что "если граф Сен-Жермен вернется в Гаагу, я вновь увижусь с ним, если голландские Штаты не воспротивятся или если меня не убедят, что граф не достоин быть принят в моем доме[321].

Граф уехал из Гааги так поспешно, что не успел повидаться со своими друзьями в Амстердаме. Один из них написал: "Если бы меня поразил гром, я бы удивился не больше, чем когда узнал, что Вы уехали. Хочу играть ва-банк и сделать все возможное, чтобы лично засвидетельствовать Вам мое уважение, ибо знаю, что Вы — самый великий и благородный человек. Мне вот жалко только, что ничтожные люди смеют причинять Вам неприятности. Говорят, что золото и всякого рода интриги были задействованы, чтобы помешать Вашим миротворческим стремлениям. В настоящее время можно вздохнуть свободно, поскольку я узнал, что д'Аффри уехал ко французскому двору в прошлый четверг, и я надеюсь, что он там получит по заслугам за то, что не оказал Вам должного почета. Я считаю его виновным в том, что Вы

уехали так надолго, следовательно, он повинен в моей грусти. Если Вы думаете, что я могу быть Вам полезным, можете рассчитывать на мою верность: у меня нет ничего, кроме рук и крови: и я с радостью предоставляю их Вам. Граф Вату"[322].

В целом можно было бы назвать эту операцию дипломатическим термином "зондирование", поскольку граф Сен-Жермен никоим образом не был уполномочен заключать или обговаривать какой-либо договор.

Седьмая глава
ПРИКЛЮЧЕНИЕ В АНГЛИИ

Приехав из Хеллевутслуиса на "пакетботе"[323], граф Сен-Жермен причалил в Харвич — маленький английский порт на левом берегу широкого устья реки Стоур, в графстве Эссекс. Отдохнув несколько дней, он сел в экипаж, запряженный шестью лошадьми, который назывался "летучей машиной", и мог покрыть за сутки с небольшим 28 лье, отделяющих Харвич от Лондона.

Граф приехал в английскую столицу между 26 и 27 апреля 1760 г.[324] и был вне достижимости указа герцога Шуазеля, но на этом его приключения не закончились. Имперская канцелярия сначала решила, что его специально отпустили из Гааги, чтобы дать ему предлог съездить в Лондон[325]. Однако: "Поскольку очевидно, что ведомство французского министра (господина де Шуазеля), от имени которого он якобы говорил[326], не давало ему этого разрешения, и поскольку его пребывание здесь было бесполезным и могло повлечь за собой неприятные последствия (поговаривали о секретных переговорах), сочли предпочтительнее схватить его сразу по приезде"[327].

Таким образом, в тот момент, когда граф выходил из кареты, по приказу Уилиама Питта — государственного секретаря по иностранным делам, к нему подошел государственный посланец с просьбой остаться в распоряжении правительства. Секретарь министерства вел допрос прямо в квартире графа. Этот разговор ничего предосудительного не обнаружил, если не считать то, что "поведение его и язык очень изысканны, в них странная и трудно определимая смесь"[328]. Несмотря на благоприятный доклад о графе, министр предпочел не разрешить ему проживание ни в Лондоне, ни где-либо в Англии, и предложил графу покинуть территорию в кратчайший срок[329].

Попав в сложное положение, граф Сен-Жермен решил обратиться к Книпхаузену — послу короля Пруссии[330] — и запросил в Министерстве иностранных дел Англии разрешение на встречу с ним[33!]. Поскольку Питт дал положительный ответ, барон Книпхаузен сам пришел к графу. Граф Сен-Жермен заявил, что "он не может, по соображениям безопасности, вернуться в Голландию и решил уехать к Фридриху II. с тем. чтобы получить убежище на его землях, и таким образом, защититься от злодейства Шуазеля. Граф добавил, что он хотел поступить так с самого начала, но господин Бентинк посоветовал ему сначала поехать в Англию[332].

Книпхаузен довел до сведения графа, что, по распоряжению Питта, графу придется ехать в Аурих близ Эмдена под именем графа Сеа и ждать там распоряжения Фридриха II[333].

Граф вновь отправился в Харвич, на этот раз с паспортом, остановился в гостинице "Королевский герб" на улице Лиденхол, затем в порту погрузился на почтовый корабль, направля-ющийся в Хеллевутслуис. "В порту он остановился как можно меньше, и даже не соблазнился местными винными лавками, все равно денег было мало"[334]. На дилижансе граф доехал до Гааги и занял свою бывшую комнату в гостинице "Маршал Тюренн".

Сначала, "опасаясь, что он не в безопасности в Голландии"[335], граф хотел буквально следовать инструкциям господина Книпхаузена, но, как увидим в следующей главе, затем он передумал.

Об этом приключении в Англии остались несколько следов в английской прессе, в том числе три, в разных отношениях чрезвычайно интересных, сообщения в "Лондонской хронике".

В газете от 24–27 мая 1760 г. можно было читать следующую заметку, основанную на депеше из Роттердама от 18 мая: "Граф Сен-Жермен был освобожден от своих обязанностей посланника и приехал сюда. Во время своей деятельности он имел несколько бесед с несколькими лордами Частного Совета, что открывает широкое поле для гипотез"[336].

В газете от 31 мая — 3 июня под заголовком "Анекдоты о таинственном иностранце" и за подписью "Женский журнал" можно было читать следующее: "Надеюсь, что этот человек (о котором никогда ничего бесчестного не было обнародовано, а ученость и гений которого я глубоко уважаю), не обидится на мои замечания о титуле, который он взял и который не должен ему принадлежать ни по праву наследства, ни по королевской милости. Его настоящее имя — одна из его тайн, и после его смерти она, возможно, удивит всех больше, чем все странные перипеции его жизни. Сам же он не станет отрицать, как мне кажется, что то имя, которое он сейчас носит, не его настоящее.

О его родине знают так же мало, как и о его имени. По этому поводу, а также по поводу его молодости, были самые разные предположения. Поскольку придумать что угодно легко, то из-за испорченности людей, а также из зависти любопытствующих те эпизоды из его жизни, которые были выставлены напоказ, — менее благовидные, чем те, что соответствуют правде жизни.

Покуда не будут предоставлены более точные сведения о его жизни, было бы справедливее прекратить любопытствовать, и милосерднее не обращать внимания на подробности, не имеющие под собой почву"[117].

Наконец, в номере от 30 июня — 3 июля было опубликовано следующее сообщение: "Из Парижа нам сообщают, что несколько высокопоставленных людей выступили перед королем Франции в защиту нашумевшего графа Сен-Жермена. Его Величество уже было ему простил, когда обнаружилось, что он — прусский шпион при французском дворе и представлял прусского короля перед госпожой Помпадур"[338].

Графу, наверняка, были известны противоречия лондонских газет. То, что он задержался в Голландии, было его ответом на них.

Восьмая глава
ОБРАТНО В ГОЛЛАНДИЮ

Итак, граф Сен-Жермен в Германию не поехал. "С тех пор как он приехал, он слоняется по всем Соединенным Провинциям и поблизости, под вымышленными именами, и тщательно скрывается"[139]. Данное сообщение, источником которого является д'Аффри, страдает неточностью. Граф жил в Гааге, часто ездил к своему другу Бентинку и каждую неделю бывал в Амстердаме у бургомистра Хасселаара. Правда, какое-то время граф жил в Алтоне, недалеко от Гамбурга, в течение августа 1760 г.[340]. Об этой короткой поездке можно прочитать следующую заметку в "Нидерландской газете" за 12 января 1761 г.: "Так называемый граф Сен-Жермен — этот таинственный человек, о котором доподлинно неизвестны ни имя, ни происхождение, ни состояние, который имеет доходы, но их источник неизвестен, и познания, но где он их получил — непонятно, который вхож к князям и принцам, но при этом никто его за своего не признает, этот человек, пришедший на землю неизвестно откуда, находится в данное время здесь (в Гааге) и не знает, куда ему ступать, как изгнанник из всех стран.

Недавно он обратился к д'Аффри с тем, чтобы через него получить разрешение где-нибудь жить.

Господин д'Аффри написал маршалу Бель-Илю[341], который ответил, что если бы король (Людовик XV) хотел строго судить графа Сен-Жермена, он бы его предал суду как государственного преступника. Но поскольку Его Величество король хотел проявить милосердие, он лишь приказал д'Аффри "не иметь никаких с ним сношений, ни под каким видом, т. е. не писать, не отвечать на его письма, не допускать его к себе".

Итак, граф Сен-Жермен находился то в Гааге, то в Лейде, то в Амстердаме — в зависимости от случаев. Зато неунывающий Казанова утверждает, что видел его в Париже, и вот придуманная им сцена: он гулял по Болонскому лесу вместе с госпожой д'Юрфе, и беседовали они о планетных ангелах. "Мы возвращались к экипажу, как вдруг Сен-Жермен предстал перед нашими глазами. Как только он нас увидел, он повернул вспять и затерялся в боковой аллее. Я спросил: "Вы видели? Он работает против нас, но наши духи заставили его дрожать". — "Я удивлена. Завтра же схожу в Версаль, доложу об этом герцогу Шуазелю. Интересно, что он об этом скажет…". На следующий день я узнал от госпожи д'Юрфе остроумный ответ Шуазеля: "Я не удивлен,

поскольку всю ночь он провел в моем кабинете"[342]. Может быть, ответ герцога Шуазеля и остроумный, но он лишает анекдот достоверности.

Другой инцидент, на этот раз неопровержимый, имел место в Гааге где-то в конце 1761 г. Некий Жакотэ пришел к д'Аффри, и "утверждал, что граф Сен-Жермен прячется в Амстердаме, и он может его выдать"[343]. Сначала французский посол поверил Жакотэ на слово, но затем, узнав, что Сен-Жермен находится в Гааге, понял, что Жакотэ — мошенник, тем более что его разыскивали два уважаемых амстердамских торговца, Кок и Ванги-енс, по просьбе вдовы кавалера Ламбера. Это была своеобразная месть Жакотэ против друзей графа Сен-Жермена.

Спустя шесть месяцев, 22 марта 1762 г., д'Аффри информировал Шуазеля о том, что "под именем господина Ноблэ, амстердамского торговца, граф приобрел землю, названную Хуберг, в провинции Гельдре, купив ее у графа Велдерена и заплатив пока еще только 30 тысяч французских франков"[144].

Господин д'Аффри спросил у министра, должен ли он преследовать графа, или оставить его в покое. Нам ответ Шуазеля неизвестен, однако, вероятно, он выбрал второй вариант.

Граф Сен-Жермен жил в маленьком голландском городе Юббергене, недалеко от немецкой границы, в нескольких километрах от Неймегена. "В своем доме он оборудован пространную лабораторию, в которой пропадал целыми днями, работая над красящими веществами. Утверждают даже, что администрация города Амстердама выразила желание приобрести эксклюзивное право на его открытия, но он отказал, не желая отдавать предпочтение какому-нибудь городу или провинции. Он оказал большую услугу Гронсвельду — помог ему в приготовлении красок для фарфоровой мануфактуры в Вееспе, близ Амстердама"[345].

К тому же граф приобрел несколько сельскохозяйственных угодий близ Зютфена, и можно было полагать, что его приключенческая жизнь завершилась и он обосновался в Соединенных Провинциях.

Как бы химические опыты ни захватывали его, он все же поддерживал интенсивную переписку со всеми европейскими странами, особенно с Францией, где у него остались самые дорогие друзья.

Шутки ли ради или для того чтобы поставить точку над i в гаагской истории, Шуазель написал д'Аффри 4 августа 1762 г.: "Мы наказали так называемого графа Сен-Жермена за его наглость и самозванство, и пусть теперь этот авантюрист сам усугубляет опалу, в которую мы его ввергли"[346].

Моральное удовлетворение, испытанное Шуазелем, было для него "лебединой песней": на следующий год он не был уже министром иностранных дел, тогда как граф Сен-Жермен возобновлял свои путешествия по Европе и был везде принят с честью и уважением.

Девятая глава
ПОЯВЛЕНИЕ В РОССИИ

Вероятно, именно весной 1762 г. имела место поездка графа Сен-Жермена в Россию.

После смерти императрицы Елизаветы, случившейся в декабре 1761 года, Россией правил Карл-Петер-Ульрих — принц Голштейн-Готторпский — под именем Петра III. В жилах этого принца текла кровь Петра I и Карла XII.

С самого начала своего правления Петр III настроил церковь против себя, предпочитая лютеранскую веру православной. Затем, следуя плану Петра I. он начал секурилизацию церковных земель. Петр III пытался заставить священников одеться по моде лютеранских пасторов, не последовал установленному обряду и не короновался в Москве[347]. Наконец, он нажил себе врагов в армии новшествами, введенными в подражание Фридриху И, перед которым он преклонялся. Тогда, умело используя слухи, противники настроили народ против него.

В отличие от него, его супруга, немецкая княгиня, при бракосочетании крещенная в православии Екатериной, отождествляла себя со своей новой родиной. Ловко и расчетливо, опираясь на свой большой ум, она решила захватить власть. Для этого она сумела привлечь религиозных деятелей на свою сторону и пригласить нужных ей людей. Таким образом, постепенно Екатерине удалось собрать вокруг себя сторонников, которые и привели ее к престолу[348].

Самое странное в этом перевороте то, что он произошел без всякого сопротивления и без применения силы.

Сразу прервем всякие пересуды о возможном участии графа Сен-Жермена в трагической судьбе Петра III: к этому времени графа уже не было в Санкт-Петербурге — "он уже уехал"[349]. К тому же у него не было никаких сношений с Екатериной II. Добавим, что, согласно исследованиям, проведенным в официальных изданиях того времени, "его имя нигде среди прочих не цитируется"[350].

Граф приезжал в Санкт-Петербург по просьбе своего друга — известного итальянского художника графа Петра Ротари[351]. Граф жил в Графском переулке, около Аничкого моста, на Невском, недалеко от царского дворца.

Петр Ротари — давний знакомый графа — был из Вероны. После того как он объездил всю Европу и собрал огромное состояние, он приехал в Санкт-Петербург по приглашению

императрицы Елизаветы в качестве придворного художника. С помощью своих учеников Петр Ротари нарисовал с 1757-го по 1762 г. около трехсот портретов самых очаровательных придворных дам[352].

Граф страстно любил искусство и хотел бы достичь мастерства, но сомневался в своих возможностях. "Однажды в большом Берлинском парке он увидел слепца, мастерски играющего одновременно на двух старинных гитарах, из которых он извлекал гармоничные звуки, такие удивительные, что, казалось, они исходили не из инструментов, а откуда-то еще, и художник воскликнул: "Этот человек достиг большего, чем я. Он в своем искусстве единственный, а впереди меня есть и Каррачи и Гуиди"[353].

В сопровождении художника граф Сен-Жермен посетил самые известные семейства Санкт-Петербурга — Разумовских и Юсуповых. И снова, как в Лондоне, очаровал своих слушателей виртуозной игрой на скрипке, "из которой он извлекал звуки, напоминающие звуки оркестра". Утверждают, будто граф посвятил им же написанную пьесу для арфы графине Остерманн[354].

За то недолгое время, что он прожил в русской столице, граф Сен-Жермен познакомился с адвокатом господином Пиктетом, который также был принят во многих домах. Последний был родом из Женевы и служил полицейским магистратом. Из-за своего молодого возраста он не вошел в Совет Ста и уехал в Париж. Отсюда вместе с каким-то русским он путешествовал по Европе в течение трех лет. В Вене он встретился с Григорием Орловым и уехал вместе с ним в Санкт-Петербург. Там он познакомился с торговцем Маньаном, на сестре которого женился, и стал его компаньоном. Из-за сомнительной аферы, в которую он оказался втянутым, его репутация оказалась подпорченной, хотя он и был невиновным. При этом он был умен и образован.

Граф Сен-Жермен общался не столько с Пиктетом, сколько с его родственником, господином Маньаном, который занимался скупкой и продажей драгоценных камней. Он откладывал все камни с дефектом и давал их графу с тем, чтобы тот им придавал искомый блеск[355].

Спустя три месяца[356], попрощавшись с графом Ротари, с которым он больше не увидится, граф вернулся в Юбберген к своим трудам.

Прежде чем продолжить рассказ о перипетиях жизни графа Сен-Жермена, нам надлежит отвлечься.

Два современных писателя[357] отождествили нашего

таинственного героя с неким Одаром, сыгравшим известную роль в Санкт-Петербурге в описываемое время. Согласно "Воспоминаниям княгини Дашковой", фрейлины Екатерины II и третьей дочери канцлера Воронцова, которую рассматривают, главным образом, как главное действующее лицо дворцового переворота 1762 г., "среди иностранцев, приехавших попытать счастье в Санкт-Петербурге, был и некий Одар, рожденный в Пьемонте, который, по рекомендации Никиты Панина — гувернера Великого князя Павла, был назначен адвокатом при городской торговой палате. Это был немолодой человек болезненного вида. Незнание русского языка помешало ему исполнять обязанности адвоката. Тогда с помощью княгини Дашковой он попытался получить должность секретаря при императрице, но и эта попытка не удалась. Наконец, при вмешательстве великого камергера — графа Строгонова — он получил низкооплачиваемую должность интенданта в загородном доме Петра III в Ораненбауме. Княгиня Дашкова добавила, что виделась с ним лишь однажды, а за три недели, которые предшествовали революции, она и вовсе с ним не встретилась"[358].

Из этих сведений ясно, что ничего общего нет между этим интриганом и нашим героем.

Десятая глава
ПРОМЫШЛЕННИК ГОСПОДИН СЮРМОН

1763 г. был примечателен для графа тем, что прекратились преследования господина де Шуазеля, поскольку тот был уже не министром иностранных дел Франции, а всего лишь военным министром. К тому же после подписания 15 февраля в Хуберсбурге договора между Австрией, Пруссией и Саксонией Семилетняя война завершилась, а после подписания 10 февраля договора в Париже между Францией и Англией завершилась и морская война между этими странами. Как мы помним, именно из-за переговоров, нацеленных на подписание этого договора, господин де Шуазель преследовал графа Сен-Жермена,

Таким образом, граф мог снова совершенно свободно передвигаться по Европе, что он и сделал, поменяв, однако, фамилию. Он купил в Голландии, недалеко от Неймегена, поместье Юбберген, переделал это название на французский манер и назвался господином де Сюрмоном.

В первых числах марта 1763 г. он направился в Бельгию (называвшуюся в то время "католическими Нидерландами"), которая находилась под властью Габсбургов.

Будучи проездом в Брюсселе[359], как-то поздно вечером — ибо он днем никогда никуда не ходил[360] — Сюрмон направился к Кобенцлю[361] — полноправному представителю (послу) царствующей императрицы Марии-Терезы при генеральном губернаторе князе Карле Лотарингском. Граф знал, что в 1746 г. господин де Кобенцль был добровольным корреспондентом князя Фридриха-Людовика Уэлльского — старшего сына Георга II Английского[362]. Поскольку, как мы уже сказали, господин Сюрмон был другом князя, ему не составило труда явиться в особняк Мастэнг и быть принятым послом. Тем не менее позже племянник Кобенцля напишет: "Он проник к дяде странным образом, благодаря рекомендательным письмам, написанным, не знаю кем"[363].

Кобенцль принял Сюрмона в большом кабинете, стены которого были завешаны гобеленами, изображающими легенду о Психее. В середине комнаты стоял великолепный стол с ножками в виде ног серны, инкрустированный севрским фарфором, с письменными приборами из серебра и севрского фарфора. В углах комнаты стояла драгоценная мебель с редчайшим фарфором.

Сюрмон понял, что его собеседник — ценитель искусств, и

когда узнал, что он к тому же владеет великолепными картинами, то выразил свое восхищение. Позже Кобенцль об этом скажет: "Поскольку я очень ценю дружбу, я предложил ему свою"[364].

"Однажды посол сказал, что мало частных лиц, владеющих оригиналами Рафаэля. Господин Сюрмон ответил, что это так, но, тем не менее, у него такая картина есть, и спустя две или три недели в качестве доказательства он подарил картину господину Кобенцлю. Брюссельские художники заявили, что это подлинный Рафаэль. Господин Сюрмон не согласился взять картину обратно, убедив господина Кобенцля в том, чтобы тот принял ее в знак дружбы.

В другой раз он показал Кобенцлю крупный бриллиант, на котором были пятна, сказав, что скоро сделает его безупречным. И действительно, спустя несколько дней он принес бриллиант с такой же огранкой, но без единого изъяна, утверждая, что это тот же самый камень. После того как Кобенцль осмотрел бриллиант и хотел его вернуть, Сюрмон, сказав, что у него этих камней предостаточно и он не знает, что с ними делать, упросил Кобенцля сохранить его на память. Кобенцль не хотел ничего принимать, но гость так настаивал, что ему пришлось согласиться"[365].

Первое впечатление Кобенцля от Сюрмона были следующим. "Я увидел самого странного человека в своей жизни. У него большие богатства, но живет он скромно. Его честность и доброта достойны восхваления. Искушенный во всех искусствах, он — поэт, музыкант, писатель, врач, физик, химик, механик, художник: я не знаю более эрудированного человека[366]. Благодаря его знаниям он был интереснейшим человеком, и я провел с ним приятнейшие часы. Единственное, в чем можно его упрекнуть, это в том, что он слишком часто хвастается своими талантами и своим происхождением"[367].

Они разделяли интерес к рисованию и графике. Как-то вечером разговор зашел дальше, и господин де Сюрмон заговорил о своих открытиях. Увидев недоверчивое отношение господина Кобенцля, он выполнил перед ним и его друзьями несколько опытов, среди которых было превращение куска железа в металл, не менее красивый, чем золото[368], а также различные способы крашения и дубления кожи[369].

Опыты имели место в городе Турнэ у эксперта-промышленника Рассе — доверенного лица Кобенцля. Спустя несколько дней Сюрмон согласился их повторить, на этот раз на шерсти, шелке и дереве. "Сначала он окрасил дерево в ярчайшие краски без индиго и кошниля, затем занялся красками, изготовил такой ультрамарин, какой делают из ляпис-лазури. Наконец, он

взял обыкновенное масло, ореховое или льняное — такое, какое используют для рисования, очистил его от запаха и вкуса и сделал из него замечательное съедобное масло"[370].

Будучи просвещенным покровителем нидерландской торговли, Кобенцль вдохновился достигнутыми результатами и решил извлечь из них пользу для имперской казны, благо, деловое чувство было у него врожденным. После того как тщательным образом изучил всю технологию Сюрмона, он связался с госпожой Неттин — королевским казначеем.

Кобенцль скажет позже: "Способности графа воодушевили госпожу Неттин[371] не меньше, чем меня. Со своей стороны Сюрмон проявил дружеские чувства к ней и ее семье. Мы поняли, что овладение этими тайнами зависит только от нас. Стали активно исследовать их полезность, и заметили, что некоторые образцы были замечательными. И металл, и краска для дерева были более красивыми, чем то, что производят во Франции; кожа могла иметь большую цену, а шляпы представляли собой выгодный товар".

С некоторым цинизмом Кобенцль добавил: "Иначе чем соглашаясь на постройку завода, никак нельзя заполучить эти тайны, даже если это сопряжено с некоторыми затратами"[372].

С привычной торопливостью госпожа Неттин кинулась в это дело, одолжила необходимый капитал, и мануфактура была в основном создана на базе мастерских торговца Расса в Турнэ, у которого Сюрмон проживал, когда приезжал для дела. Во время одной из таких остановок и произошла "фантастическая" сцена, о которой Казанова повествует в своих "Воспоминаниях". Вот что он рассказывает:

"По дороге в Турнэ я увидел двух конюхов, которые вели замечательных лошадей. Они мне сказали, что лошади принадлежат графу Сен-Жермену.

— Я хотел бы увидеть вашего хозяина.

— Он никого не принимает.

Ответ подтолкнул меня к тому, чтобы попытать счастья. Я написал графу, выразив мое жгучее желание увидеть его. До сих пор его ответ на итальянском языке лежит перед моими глазами. Он гласил: "Мои занятия не позволяют мне принимать кого-либо, но для Вас сделаю исключение. Приходите, Вас тут же пустят. Не стоит только называть себя. К столу своему Вас не зову, он Вам не подойдет, особенно если Вы сохранили бывший аппетит".

В восемь часов я стоял у его двери: был он в армянском платье[373], в острой шапочке. Его длинная, густая, черная борода доходила до пояса, в руке он держал маленькую палочку из слоновой кости. Вокруг стояло более двадцати аккуратно

поставленных в ряд бутылок, содержащих различные снадобья. Я размышлял, чем же он мог заниматься в такой одежде среди этой аптеки, когда со всей серьезностью он мне сказал:

— Граф Кобенцль, австрийский премьер-министр[374], не дает мне скучать. Я работаю над проектом фабрики для него.

— Стекольная фабрика?

— Шляпная. Его превосходительство ассигновал лишь тысячу форинтов на это дело, а я восполняю недостающее из собственного кармана.

— И многого вы ждете от этой фабрики?

— Через два или три года все головы в Европе буду носить мои шляпы.

— Это будет большим успехом.

— Огромным!

И он стал бегать по комнате с резвостью молодого человека. Я подумал, что он сошел с ума. Он спросил:

— Кстати, что стало с госпожой д'Юрфе?

— Она умерла.

— Умерла! Я так и знал, что она так кончит[375]. И в каком же была она состоянии, когда умерла?

— Она утверждала, что беременна.

— Надеюсь, Вы в это не верите.

— Я убежден, что она ошибалась.

— Превосходно. Приди она ко мне, она бы в самом деле забеременела. Единственно, я не смог бы предсказать пол ребенка. Честно признаюсь, мой предсказательный дар здесь ограничен.

— Господин граф дает советы беременным женщинам?

— Я лечу всяких больных. Может быть, и Вам нужна помощь? У Вас, как я вижу, и язык сухой, пульс жесткий и глаза опухшие… Лимфа.

— Увы, нет, это…. — и назвал свою позорную болезнь.

— Чепуха! — сказал граф и вручил мне бутылек с белой жидкостью, которую он назвал универсальной археей.

— И что же мне делать с этим ликером?

— Похоже на ликер, но не ликер: это имитация того вируса, который поражает ваши сосуды. Возьмите иголку, проколите восковую печать, закупоривающую бутылек.

Я сделал то, что он сказал.

— Ну, — сказал он с гордостью, — что Вы об этом думаете?

А я не знал, что и думать.

— Посмотрите, что осталось в бутылке. Ничего, не так ли? Беловатая жидкость испарилась. Таким же образом, если Вас уколоть в определенное место, вся болезнь испарится.

Конечно же, я отказался от лечения. Лекарь был огорчен.

— Вы первый, кто во мне усомнился. Я мог бы заставить Вас об этом пожалеть, но буду снисходительным. Как и Всевышний, я всемогущ и всемилостив. Вам же хуже, что Вы мне так мало доверяете. В ваших руках было ваше богатство. Есть ли у Вас при себе деньги?

Я вывалил в его руку все содержимое кошелька. Он взял монетку в 12 су. Затем, положив на горящие угли, накрыл ее черным бобом. Он раздувал огонь, дуя в стеклянную трубочку, и я увидел, как монетка покраснела, загорелась, оплавилась. Когда она остыла, он сказал, смеясь:

— Берите, вот ваша монетка. Узнаете?

— Так ведь это золото!

— Чистейшее[376].

Разум не позволял верить в такое, и я счел эту трансмутацию ловким фокусом наперсточника, однако промолчал: в своем безумии человек так радовался!

— Это так необычно! Если Вы часто повторяли это чудо, то должны были часто сталкиваться с недоверием.

— Кто сомневается в моих знаниях — недостоин того, чтобы смотреть мне в лицо.

Я посмотрел прямо на него. Он сказал:

— Вы благородный человек, приходите через несколько лет.

И, пожав мне руку, он меня отпустил"[377].

Пусть хитрец Казанова едет дальше, в Брюссель. Мы же вернемся к господину Сюрмону.

Как раз в это время фарфоровая фабрика в Петеринке испытывала трудности. Один из ее владельцев плохо управлялся с делами, и нужно было выкупить его долю. Кобенцль решил реорганизовать предприятие[378]. Он выпросил право использовать часть фабрики для крашения шелка и вообще для красильных работ у князя Карла Лотарингского, получил землю и разрешение на строительство новых зданий[379] — и превратил фабрику в кожевенную и шляпную мануфактуру.

"Этим многообещающим и надежным предприятием будут управлять младший сын госпожи Неттин — ему 15 лет[380], и ее зять, Валкиерс[381]. Кадрами будет заведовать господин Расс. Ланиуа будет заместителем директора, а его сын — секретарем"[382].

Кобенцль рассчитывал уже на "прибыль в один миллион, учитывая то, что среди самых крупных купцов города Турнэ двое, Барбиери и Франколэ, намереваются дать ему шелк на крашение. Одним словом, это предприятие будет играть большую роль в процветании монархии"[383].

А изобретатель? Что же ему причислялось? Воспользовавшись дружбой, Кобенцль вытянул из Сюрмона все его тайны. Более того, он должен был отказаться от своего права на них в обмен на часть прибыли[384].

Как раз тогда представитель австрийского правительства Кобенцль и написал Кауницу в Вену, чтобы заинтересовать его в этом деле и получить через него помощь от государства в покупке зданий и оборудования. Кауниц выразил удовлетворение, узнав о финансовой поддержке госпожи Неттин и об участии Валкиерса в администрации, однако усомнился в самом предприятии: "Модель — не сама машина, и мелкомасштабный эксперимент еще ничего не говорит о заводе, обустройство которого стоит очень дорого, без гарантии для вложенного капитала"[385]. К тому же выбор приграничного города Турнэ для строительства завода вызвал у него удивление. На это возражение господин Кобенцль ответил следующее: "Стоимость жизни в Турнэ невелика. К тому же отдаленность от Брюсселя позволяет обезопасить себя от неприятностей, которые могли бы чинить различные корпорации этого города"[386].

Кауниц на этом не успокоился и проинформировал Кобенцля о всех слухах, ходящих о графе Сен-Жермене, среди которых был и такой: "В 1759 г. в Париже некий человек, как утверждалось, близкий родственник одного из почитателей графа, своим упорством добился права нанести ему визит домой. Жилье оказалось грязнейшим. В ответ на его вопросы об изобретениях граф показал несколько образцов и старый фолиант о магии, в котором были лишенные всякой ценности формулы"[387]. Слова о жилище — явная ложь, ибо в Париже граф Сен-Жермен проживал в гостинице вдовы Ламбер, куда Глейшен много раз приходил к нему в гости, — грязь он бы заметил. Поговаривали также, что граф купил у господина де Сен-Флорантена землю стоимостью 1,8 миллиона франков, не смог собрат" деньги и покинул Францию.

В ответ Кобенцль сказал, что у Сюрмона — "у кораблевладельца в Копенгагене лежит ценностей больше, чем на миллион, что где бы он ни был, он делал роскошные подарки, тратил много и никогда ничего ни у кого не просил, никому не был должен"[388].

27 мая Кобенцль направил Кауницу все образцы металлов и краски по ткани, шелку, шерсти и коже: "Я сделал пакетики, оставив надписи и объяснения изобретателя"[389].

Спустя два дня, 29 мая, Сюрмон отправился в Турнэ с молодым виконтом Неттин для того, чтобы передать ему все секреты производства. По возвращении был написан проект

контракта между ним и Кобенцлем.

"В течение всей своей жизни господин Сюрмон будет получать прибыль от мануфактуры Турнэ, которая в настоящее время строится на паях.

Из причисляющейся ему прибыли будут вычитаться одолженные ему суммы, а также те, которые были потрачены на него. После того как эти суммы будут возвращены, он сможет свободно пользоваться прибылью.

Граф обязуется перед Кобенцлем передать нужную информацию для изготовления синей и зеленой краски, для рафинирования масла, плиссировки кожи, идущей на изготовление шляп, а также все прочие известные ему тайны и подходящие средства, позволяющие повысить качество изготовляемой продукции до совершенства"[390].

Однако прежде чем подписать контракт, госпожа Неттин отправилась в Париж проконсультироваться со своими зятьями маркизом Лабордом[391] и господином де Лалив де Жюлли[392]. Она ничего не узнала "предосудительного о графе Сен-Жермене и приобрела уверенность в том, что ни о чем беспокоиться не стоит ни с какой стороны"[393].

Итак, никаких препятствий к подписанию контракта не оставалось, но 8 июня пришла депеша из Вены господину Кобенцлю от господина Дорна[394], сообщающая, что страдающий "жестокими коликами" (дипломатическая болезнь) Кауниц поручил ему передать следующее: "Следует остановить все предварительные работы и все то, что было предпринято для крупномасштабного производства; не представляется возможным заключить какое-либо соглашение с господином Сюрмоном. пока не будет дано специальное разрешение Его Величества".

Это означало полное отстранение Сюрмона. По получении этого письма Кобенцль поменял тон в разговорах с изобретателем, и, несмотря на вмешательство бургомистра Хасселаара, лично приехавшего из Амстердама в Брюссель поручиться за своего друга, Кобенцль своего решения не изменил[395]. Более того, по поводу предметов, привезенных Сюрмоном из Голландии в залог денег, одолженных госпожой Неттин, Кобенцль сказал, "что предметы эти не представляют ценности, а в Голландии остались картины, которым он [г. Сюрмон] придает большое значение, тогда как они большой ценности не представляют"[396]. Доказывая тем свою предвзятость, Кобенцль добавил: "Так что мы можем только мечтать о том, чтобы избавиться от него и забрать себе его изобретения за минимальную цену, избежав прочих трат и устранив его от руководства всем проектом"[397].

С этой целью Кобенцль написал "памятку" о произведенных затратах:

Затраты по окрашиванию тканей

Общая сумма в гульденах 99 935

Сюда следует добавить отдельный счет для господина Сюрмона:

Различные суммы, полученные
от госпожи Неттин авансом[398] 81 720

Затраты господина Расса и госпожи Неттин
на обустройство графа, а также для
его поездок в Турнэ и пр. 12280

Итого в гульденах 94000

То есть всего около 200 000 гульденов[399]. Увидев эти (преувеличенные) суммы, Кауниц отказал в поддержке правительства. Кобенцль тогда предложил, чтобы госпожа Нетгин забрала все предприятие целиком. Получив выводы своего канцлера" императрица Мария-Тереза тотчас же приняла и утвердила это предложение. Канцлер писал следующее: "Совершенно очевидно, что такого рода опасные предприятия[400] не отвечают требованиям государства ни по своей природе, ни по требуемому управлению, ни по своей деятельности. Однако, поскольку госпожа Неттин неосторожно заплатила авансом из собственного кармана 200 000 гульденов[401], и она желает забрать себе эти заводы[402], было бы справедливо, чтобы Ваше Величество ей их передало, заодно поручило правительству предоставить госпоже Неттин всяческие возможности, а также оказать ей помощь, не противоречащую интересам финансов и государства в целом"[403].

Императрица Мария-Тереза тотчас же написала князю Карлу Лотарингскому, генеральному губернатору Нидерландов, следующее: "Мой государственный и дворцовый советник доложил мне о своей переписке с господином Кобенцлем о так называемых тайных способах изготовления и производства, якобы имеющихся у некоего господина Сюрмона, а также о мануфактуре, которую господин Кобенцль в соответствии с этим уже открыл в городе Турнэ, с разрешения Вашего Высочества… Я разрешаю Вашему Высочеству оказать госпоже Неттин всякую помощь и поддержку, не противоречащую интересам моих финансов и благу моих бельгийских провинций"[404].

Как видно, Кобенцль повел себя искуснейшим образом, и в этом деле Кауниц ему помог: они представили то "выгодное дело в виде организованного господином Сюрмоном "промышленного" мошенничества"[405]. Вследствии этого последнему срочно пришлось покинуть город. Кобенцль писал: "Ожидаю скорый

отъезд господина Сюрмона, и надеюсь, что госпожа Неттин скоро сможет вернуть себе те суммы, которые она одалживала. Среди тех тайных способов наверняка есть что-то хорошее, как это видно, по крайней мере, в изготовлении шляп и в дублении кожи. К тому же все наши торговцы шелками и льняными тканями считают окрашенные ткани чудесными"[406].

Если это так, то к чему весь этот фарс? Это тайна. Мы находимся в том же положении, что и Кауниц: "Я не очень хорошо понимаю, что означает фраза из вашего доклада от 2-го числа этого месяца: "Ожидаю скорый отъезд господина Сюрмона". Добровольно ли он уезжает, или его наконец выгнали? В первом случае он может увезти с собой не только деньги госпожи Неттин, которую мне искренне жаль, но и те самые замечательные секреты. Во втором случае, надеюсь, что удалось заполучить от него и секрет очистки масел"[407].

Ответ Кобенцля: "Господина Сюрмона не выгнали. Однако пока мы ожидали решения Ее Величества о том, заберет ли она мануфактуру или оставит госпоже Неттин, сын последней оставался в Турнэ и обучался всем тайным приемам господина Сюрмона. Когда от него узнали все, что он знал, и его присутствие более не было необходимым, я написал ему, что получил высочайшие указания о том, что Ее Величество и слышать не желает о каких-либо секретных способах. В то же время молодой Неттин дал ему знать, что его мать оставляет себе мануфактуру для того, чтобы покрыть свои расходы и что денег она вперед больше не даст. Тогда он решил уехать, сказав, однако, что вернет все суммы в течение следующих нескольких месяцев"[408].

"К тому же он разрешил применять его секретные способы изготовления, и если нужно было какое-нибудь дополнительное разъяснение, он готов его дать, где бы он ни находился. Он уехал в Льеж и обратится, наверное, к маркграфу Баден-Дурлахе в Карлсруэ[409]. Неттин еще надеется вернуть хотя бы часть тех сумм, которые она отдала"[410].

Именно так и случилось. И если для Кауница "дело было закрыто"[411], то для госпожи Неттин оно приняло выгодный оборот: "Основанная в Турнэ мануфактура начинает развиваться. Верю, что госпожа Неттин останется довольна, или по крайней мере вернет свои расходы"[412].

Этим закончилось так называемое "промышленное", одно время нашумевшее в городе Турнэ, мошенничество.

Одиннадцатая глава
МОЛЧАНИЕ ДЛИНОЙ В ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ

Покинув Турнэ, граф Сен-Жермен направился в Льеж. Поехал ли он в Карлсруэ к маркграфу Баден-Дурлахе, как утверждал Кобенцль, нам неизвестно. Достовернее то, что он съездил в Италию. Существуют несколько документов об этой поездке. Один из биографов как-то обмолвился, что "Италия оценила его талант наравне с талантом ее собственных виртуозов и признала в нем одного из тончайших ценителей своего древнейшего и современного искусства"[413].

Один из редких документов о пребывании графа в Италии состоит из тех нескольких страниц, которые граф Ламберг посвятил ему в "Воспоминаниях светского человека"[414] и где он вперемежку приводит свои воспоминания об Италии, итальянцах и о Корсике.

О качестве этого документа сам Сен-Жермен предупреждает: когда один из его друзей, граф Шагман, спросил, что он думает об авторе названного опуса, ответ был категоричен: "Он сумасшедший и не имеет чести быть со мной знакомым"[415].

О ком же граф так строго судил?

Побывав дипломатом, граф Максимилиан де Ламберг[416], прозванный современниками Democrites Dulcior (сладкий Демокрит) [417], поиграл в ученого и кончил литератором. Несмотря на разнообразные таланты, его оценка графом Сен-Жерменом как нельзя более справедлива. Он почти ничего не знал о графе, а рассказывал самые сомнительные сплетни. Возможно, он и встречался с Сен-Жерменом в Версале в 1760 г.[418], зато доподлинно известно, что он встретился с Казановой[419] в Аугсбурге в 1761-м. Кто знает, может быть, именно из их разговоров и взаимных рассказов вышел этот фантастический бред о графе[420].

Как бы там ни было, Ламберг дважды приезжал в Италию.

В 1764 г. он был вместе со своим патроном, князем Вюртембургским, в Венеции и поздравлял Алоисио Мосегино — нового дожа, избранного годом раньше. В 1770 г. он был во Флоренции в частном порядке, так же, как и в 1763 г. в Венеции. Таким образом, его рассказы о графе Сен-Жермене относятся к этим датам. Процитируем их лишь в качестве примеров, поскольку Сен-Жермен считал их неточными.

"Кого стоит увидеть, так это маркиза Эмара, или Бельмара, известного также под именем графа Сен-Жермена[421]. С недавних

пор он проживает в Венеции, где, в окружении сотни женщин, которых ему предоставляет настоятельница монастыря, занимается опытами над отбеливанием льна, превращая его в аналог белого итальянского шелка. Он утверждает, что ему 350 лет, не желая преувеличивать, рассказывает, что был знаком с Тамас-Кули-ханом[422], в Персии. Когда герцог Йорк прибыл в Венецию и спросил, каков ранг и титул этого маркиза Бельмара, ему ответили, что никто точно не знает"[423].

Единственно верная информация здесь та, что Эдуард-Август, герцог Йоркский — брат Георга III Английского — прибыл в Венецию в мае 1764 г., где был торжественно принят.

В то время Венеция была идеальным прибежищем для тех, кто желал спрятаться. Инкогнито гарантировалось, и правительство предоставляло каждому право жить, как ему заблагорассудится, лишь бы не касался вопросов религии или политики.

Ламберг продолжает:

"Одному из своих друзей граф дал записку, в силу которой банкир, не зная маркиза, выплатил двести дукатов наличными. Когда я спросил графа, вернется ли он во Францию, он сказал, что бутылек снадобья, поддерживающего силы короля, должен быть на исходе, и что, когда оно кончится, тогда граф вернется на политическую сцену благодаря поступку, который прославит его на всю Европу. Сказал, что пребывал в Пекине вообще без имени. А когда полиция потребовала, чтобы он назвался, граф извинился, сказав, что собственного имени не знает…

Даже в Венеции до него доходили письма, на которых было просто написано: "Венеция". Его секретарь приходил на почту и просил выдать ему те письма, которые никому не принадлежали"[424].

Ламберг утверждал, что граф Сен-Жермен показал ему:

"В своеобразном альбоме с автографами знаменитых людей, два слова на латыни, написанные моим прадедом Гаспаром-Фридрихом, умершим в 1686 г., его герб и девиз "Lingua mea calaraus scribae velociter scribentis"[425]. Чернила, бумага, патина — все казалось очень древним. Запись была датирована 1678 г. Там же была и выдержка из Монтеня, датированная 1580 г.: "Нет такого благородного человека, который, если закон станет проверять все его действия и помыслы, не заслужил бы десять раз виселицы. Однако было бы очень жаль покарать и потерять такого человека"[426].

Ламберг обвинил графа Сен-Жермена в фальсификации с помощью латинской цитаты "Habeas scientiam quaestuosnm"[427] и добавил:

"Эти надписи могли бы удостоверить возраст графа, если бы сама человеческая природа не доказывала обратное: о любой эпохе он отвечает без ошибок, цитирует точные даты очень давних событий, и делает это без чванства. Он редкий, удивительный человек. Что приятно — он умеет отвечать на критику. Его способность убеждать равна его эрудиции и обширнейшей памяти, хотя и не во всех областях. Сен-Жермен утверждает, что научил Вильдмана, как приручать пчел и научить змей внимать музыке и пению"[428].

Дальше Ламберг рассказывает, что получил в Венеции в 1773 г. письмо от графа Сен-Жермена, отправленное из Мантуи. Нет ничего невозможного в том, что граф находился в это время в этом городе, зато письмо могло быть выдумкой Ламберга.

Ламберг вкладывает в уста графа Сен-Жермена следующие слова об изготовлении драгоценных камней:

"Граф Зобор — камергер покойного (зато бессмертного, если учитывать его покровительство искусствам) императора[429] создал вместе со мной алмаз. Лет шесть назад князь Т. купил за 5500 луи алмаз, который я изготовил. Затем он перепродал его какому-то богатому сумасшедшему с прибылью в тысячу дукатов. Как говорит граф Барр[430], нужно быть либо сумасшедшим, либо королем, чтобы тратить такие суммы на покупку алмаза. Поскольку, кстати, в шахматной игре сумасшедший (так называется по-французски шахматная фигура слон) стоит ближе всего к королю, ни греческая пословица: basileux h qnox (ко-

роль, что осел), ни латинская: Aut regem aut fatuum nasci oportet (нужно родиться либо королем, либо сумасшедшим) никого не шокируют. Госпожа де С… имеет такой же голубой бриллиант, с такой же грубой огранкой, который в оправе выглядит как крупная богемская стекляшка с тусклыми гранями. Такой человек, как я, часто оказывается в затруднительном положении, когда нужно выбирать помощников. Случайный человек часто проявляет в искусстве порывы, достойные настоящих артистов. Все эти Потты[431], Марггафы[432], Руэлли[433] решают с высоты своего положения, что никто никогда алмазов не изготовлял, просто потому, что им неизвестны принципы успеха. Пусть эти господа (несть им числа) изучают не книги, а людей, и они обнаружат, что в золотой цепи Гомера[434], в Малом Альберте и в Великом[435], в таинственной книге, названной Пикатрикс[436], хранятся великие тайны: только тот, кто путешествует, делает великие открытия"[437].

Ламберг развивает эту мысль дальше:

"Открытию плавки камней я обязан второму путешествию, которое я осуществил в 1755 в Индию, вместе с полковником

Клайвом, служившим под командованием вице-адмирала Уотсона… За время своего первого путешествия я мало узнал об этом замечательном секрете, и все мои опыты в Вене, в Париже, в Лондоне — всего лишь попытки. Великому Превращению я научился лишь во второй поездке"[438].

"По ряду причин я назвался графом С…[439]. Всюду, где мы причаливали, мне оказывали тот же почет, что и адмиралу. Особенно бабаский набоб[440], который, не спрашивая откуда я родом, разговаривал со мной лишь об Англии… Помню, с каким удовольствием он слушал мой рассказ о скачках в Ньюмаркете"[441].

"Набоб предложил мне оставить с ним моего сына, который путешествовал со мной, и звал его милордом Бютом[442], как он делал с придворными, называя их всех на английский манер"[443].

Нам неизвестны мотивы Ламберга, присвоившего графу Сен-Жермену сына[444]. Понятно зато, почему граф гак отозвался о Ламберге.

Наконец Ламберг приводит рассказ о способностях графа в графике:

"То, что господин Бельмар один умеет делать, стоило бы развивать и изучать: он умеет писать одновременно двумя руками. Я продиктовал ему около двадцати стихов из Заира[445], и он тут же написал их на двух листах одновременно. Оба почерка казались одинаковыми. Он сказал, что немногого добился" и теперь понятно, зачем ему все-таки нужен секретарь"[446].

Господин Ламберг опроверг информацию из Турина (опубликованную в "Нотиции дел Мондо", Флоренция, июль 1770 г.), где говорилось, что: "Граф Максимилиан Ламберг, камергер Их Величеств, посетил Корсику с исследованиями и остановился в нашем городе в нюне месяце вместе с графом Сен-Жерменом, знаменитым во всей Европе своими обширными политическими и философскими познаниями"[447].

Ламберг признал, что "Сен-Жермен не был моим спутником в этой поездке", он был в Генуе, откуда написал другу в Ливорно, что собирается ехать в Вену для встречи с князем Фердинандом Лобовицем, с которым он познакомился в Лондоне в 1745 г.[448].

Таким образом, Ламберг косвенно подтверждает пребывание графа Сен-Жермена в Италии. Нам даны три даты: 1764, 1770 и 1773 гг. и три города: Венеция, Мантуя и Генуя.

Это подтверждают и другие свидетели. Так, например, граф Саграмозо — посол Мальтийского ордена в Дрездене — сказал, что встречался с графом Сен-Жерменом во Флоренции, Пизе и Венеции, "ибо тот действительно объездил Италию"[449]. Со своей

стороны, граф Лендорф дворцовый камергер в Дрездене, сообщает нам деталь, иллюстрирующую щедрость графа Сен-Жермена: "Когда он был в Венеции, то давал в год по 6000 дукатов, и никто не знал точно, каков был источник этих денег"[450]. Можно еще процитировать госпожу Жанлис, которая, будучи проездом в Сиене в 1767 г., узнала, что граф Сен-Жермен проживал в этом городе[451], и барона Глейшена, утверждающего, что графа видели в Венеции и в Милане, "где он вел переговоры с местными властями с целью продать им секреты изготовления красителей и оборудования мануфактуры. Он выглядел человеком, который ловит фортуну, и был арестован в маленьком городе Пьемонт, когда подошел срок уплаты векселя. Тогда он выписал 100 000 экю на предьявителя, туг же рассчитался со своим долгом, обращался с губернатором этого города как с негром, и был отпущен с почестями и извинениями. В 1770 г. он появился вновь в Ливорно под русской фамилией, в русском генеральском мундире, а граф Алексей Орлов обращался с ним с таким уважением, которое никому другому не выказывал, будучи гордым и наглым человеком"[452].

Таким образом, мы можем быть уверены, что граф Сен-Жермен пробыл в Италии некоторое время между 1764-м и 1773 г. Однако что касается остальных лет — с 1773 по 1776 г., нам неизвестно, что он делал, поскольку никакие итальянские документы точных данных не дают.

Двенадцатая глава
ГРАФ УЭЛДОН И НЕМЕЦКИЕ КНЯЗЬЯ

Когда в октябре 1776 г. граф Сен-Жермен прибыл в Саксонию, в Лейпциге и Дрездене[453] о нем начали распространяться всевозможные слухи.

Поговаривали, будто он — португальский еврей, и ему несколько сот лет[454]; будто он родился во Франции среди плебеев[455]. Обвиняли его в том, что он выдавал себя за третьего сына князя Ракоци[456] и назывался в различных странах то маркизом Бельмаром, то графом Кастеланом[457].

О его путешествиях по Европе говорили мало, зато утверждали, что "он бывал на побережьях Африки, Египта и Малой Азии, в том числе в Константинополе и в Турции"[45"] и, наконец, в "Индии и в Китае, где в течение пятнадцати лет содержал француза по имени Буасси, который доставал для него все необходимые ему вещества и знания"[459].

С другой стороны, "ничего предосудительного за ним не числилось"[460].

Обосновавшись в Лейпциге, граф Сен-Жермен назвался Уэлдоном, что по-английски означает "благодетель"[461]. Жил он уединенно, скромно, "ел один раз в день, очень мало, пил только воду"[462], отчего решили, что он обеднел и нуждается в деньгах. Утверждали, однако, что "он владел большим количеством алмазов"[463].

Как только он был замечен в городе, к нему тут же стали приходить люди, проявлявшие интерес к его химическим исследованиям. Так, граф Марколини — министр при курфюрсте — приехал специально из Дрездена и появился у графа для того, чтобы предложить ему открыть саксонскому государству[464], за вознаграждение, все свои "секреты". Граф ответил, что "о нем неправильно думают те, кто считает, будто он стремится к таким вещам. Его единственная цель в том, чтобы осчастливить людей. Если ему это удастся, он сочтет себя полностью вознагражденным". Министра ответ удивил, однако он понял свою ошибку и не стал настаивать[465].

В течение шести месяцев граф жил затворником, принимал лишь близких друзей. Среди них был господин Саграмозо — посол Мальтийского ордена в Дрездене, с которым граф познакомился во время своего пребывания в Италии и с которым он вновь встретился, когда тот сопровождал саксонского министра[466].

Другим его другом был граф Лендорф — камергер двора в Дрездене. Он приехал в Лейпциг на пасхальную ярмарку, и они подолгу разговаривали. Лендорф долго будет вспоминать замечательное выражение интенсивной духовной жизни, которое можно было прочесть на лице графа Сен-Жермена, когда тот говорил. Он восхвалял добродетель, трезвость и любовь к ближнему, но настаивал на сохранении равновесия между

душой и телом для того, чтобы избежать расстройства человеческого (телесного) механизма. Граф непременно угощал каким-то слегка слабительным порошком, с анисовым вкусом, который заваривался как чай[467].

В марте 1777 г. по Лейпцигу распространился слух о том, будто графу предложили пост министра финансов. Своим друзьям он сказал, что не отказывался, потому что ему ничего и не предлагали, к тому же "будучи князем, он далек от мысли, чтобы принять место, занимаемое ничтожными людьми"[468].

К этому времени несколько немецких князей стали интересоваться графом Сен-Жерменом. Эрцгерцог австрийский Максимилиан-Иосиф I написал из Мюнхена своей сестре — вдовствующей княгине Марии-Антуанетте Саксонской, предупредив ее о том, что в Лейпциге находится некий человек, "которому 200 лет и, если ему столько, а он выглядит молодым, значит, это адепт"[469]. После этого все стали наперебой приглашать графа. Сначала князь Фридрих-Август Брауншвейгский— племянник Фридриха II[470] — передал ему через частного советника в Дрездене настоятельное приглашение посетить Берлин[471].

Со своей стороны, Фридрих И попросил своего посла в Дрездене, графа д'Алвенслебена, найти информацию о причинах пребывания графа Сен-Жермена в Лейпциге и сообщить ему о том, что он узнал, ибо этот человек был ему интересен, "из любопытства, не более"[472]. Как бы то ни было, король сообщил своей племяннице княгине Вильгемине Оранжской — жене голландского штадтгалтера Вильгельма V — о ближайшем приезде в Берлин "того, о котором рассказывают чудесные вещи" [473].

Итак, д'Алвенслебен направился к графу Сен-Жермену, вот уже пять недель проживающему в Дрездене, и расспросил его о его корнях[474]. Для того чтобы раз и навсегда решить этот вопрос, граф сказал, что зовут его князем Рагоци, и для того чтобы доказать свое особое расположение к послу, сообщил, будто у него есть два брата, умы которых настолько тривиальны, что они смирились со своей участью. А он как-то взял себе имя

Сен-Жермен, что означает "святой брат"[475]. Он добавил:

"Держу природу в своих руках и, так же как Бог создал мир, я могу извлечь из небытия все, что хочу"[476].

Граф Сен-Жермен передал д'Алвенслебену для Фридриха II список своих секретных способов изготовления красителей и образцы. Список, под названием "Новая физика применительно к некоторым новым и важным промышленным товарам", состоит из 29 пунктов:

Как придать всяким кожам доселе неизвестную крепость, красоту, долговечность, и особенно улучшить бараньи кожи.

Как улучшить шерсть так, чтобы она стала более крепкой, тонкой, качественной и т. п.

Как полностью отбеливать хлопок, лен, коноплю и ткани, изготовленные из них, лучше, чем это позволяют гарлемский или голландский способы отбеливания, не повреждая при этом ткани и за короткий срок.

Как отстирать шелк так, чтобы итальянский шелк, самый лучший в мире, стал более блестящим и крепким.

Как улучшить кожу ангорских коз так, чтобы изготовить из них отличный камлот, который не рвется, как прежде, а кожа становится мягкая как шелк.

Как полностью и надолго отбеливать холст и всякие хлопковые ткани.

Как красить кожу в синий, зеленый, настоящий пурпурнокрасный, настоящий фиолетовый и серый цвета очень красиво и качественно.

Как изготовить непортящиеся краски для рисования желтым, красным, синим, зеленым, пурпурным, фиолетовым цветами очень красиво и качественно.

Как изготовить белила непревзойденного качества. Во все времена искали такую краску, она остается всегда белой, смешивается со всеми другими красками, украшает и защищает. Короче, эта краска — настоящее чудо.

Как красить кожу в черный цвет с помощью очень чистого и красивого красителя, изготовленного на основе русского синего цвета без каких-либо добавлений. Получается неподражаемая, несравненная и качественная черная кожа.

Как изготовить конопляный холст ни с чем не сравнимого, чистого желтого цвета различных оттенков и степеней блеска, который стирается водой с мылом и не линяет.

Как изготовить смешанную ткань из хлопка с шерстью, отличного желтого цвета различных оттенков, легко стираемую и нелиняющую.

Как изготовить серый холст, стираемый мыльной водой и нелиняющий.

Как изготовить смешанную серую ткань из хлопка и шерсти, стираемую мыльной водой и нелиняющую.

Как изготовить холст и ткань изо льна или конопли настоящего пурпурного, фиолетового или красного цветов. Все цвета стираются и совершенно не линяют.

Как изготовить очень красивые и долговечные шелковые ткани.

Как изготовить холст, покрашенный в совершенно новые и красивые цвета, в том числе различные оттенки серого, которые не линяют ни от кислоты, ни от воздуха, ни от воды с мылом.

Как изготовить серебряные плетеные ленты на треть дешевле и намного белее и долговечнее самых красивых лионских лент.

Как изготовить без золота и серебра золотую или серебряную краску очень экономично и так, что любой хороший химик удивится. Способ позволяет достигнуть большой экономии при изготовлении различных недолговечных украшений.

Как изготовить совершенно новый металл с удивительными особенностями.

Как изготовить различные ценные предметы, очень экономично, какими бы удивительными и невероятными эти способы ни казались.

Как окрашивать в самые различные тончайшие оттенки бумагу, перья, слоновую кость, дерево.

Хорошие химические способы изготовить хорошее вино.

Как изготовить ликер Россли, ликер из косточек и т. п. хорошего качества и дешево.

Как изготовить различные полезные вещи, о которых я умолчу[477].

Как защитить себя от всяких болезней и прочих неприятностей.

Настоящие слабительные средства, очищающие организм только от вредных веществ.

Настоящие, безопасные и благотворные косметические средства.

Сверхочищенное оливковое масло, изготовляемое в Германии за 12 часов.

Оставляю на потом то, что касается сельского хозяйства.

Л.П.Т.С. де Уэлдон

По различным причинам здесь нельзя упомянуть об одном дополнительном способе.

Осуществление этого промышленного плана может оказаться в высшей мере полезным для экономики страны и приведет к нерушимому единству между различными великими странами.

Уэлдон".

Помимо данного списка граф обещал вручить д'Алвенслебену письмо, но "опасаясь, что придется слишком углубиться в детали", он просто вручил следующую просьбу об аудиенции:

"Сир, говорить о себе иначе, чем с фактами в руках, не подобает, когда имеешь счастье обращаться к такому великому Королю. Поэтому пусть Ваше Величество вышлет мне свои приказания, коими он осчастливит покорнейшего, вернейшего и скромнейшего слугу Вашего Величества

Уэлдона"[478].

30 июня 1777 г. Фридрих II ответил д'Алвенслебену, что он не собирается отвечать графу Сен-Жермену, но разрешает передать ему, что тот может приехать в Потсдам. Король передал список графа своему брату, князю Генриху Прусскому, который написал следующее:

"Благодарю тебя, дорогой брат, за присланную памятку о чудесах, которые Сен-Жермен хочет осуществить. Он многое обещает, но многое и умеет. У него, наверное, глубокое образование, и он всегда слыл удивительным человеком. Возможно, он владеет некоторыми тайными способами использования и улучшения отдельных веществ. Эксперимент с двумя-тремя предметами не разорит нас, а может принести большую прибыль, конечно же не сокровища Креза или Монтесумы, но необязательно сравниваться с ними, чтобы быть богатым. Богатство меряется нашими собственными потребностями. Кто удовлетворяет их, не теряет ни радость, ни душевный покой, более того, он их увеличивает, если сумеет облегчить судьбу несчастных и нуждающихся"[479].

Нам неизвестно, последовал ли король Прусский бескорыстным советам своего брата, об этом архив умалчивает. По крайней мере, не жажда прибыли толкнула графа Сен-Жермена передать свой список Фридриху II: по этому поводу он сказал д'Алвенслебену: "Поскольку я владею большими богатствами, никакой правитель не сможет меня облагодетельствовать. Поскольку я сам — князь, он не сможет заметно улучшить мою судьбу".

Поскольку граф Сен-Жермен не ответил на приглашение Фридриха-Августа Брунсвикского, последний направил к нему посланца в лице своего личного советника, господина дю Воска — торговца шелками в Дрездене. Тот не знал, что граф "способен прочесть на лице человека, может ли собеседник понять его или нет. В последнем случае он избегал новой встречи с этим человеком"[480].

Именно это и случилось, когда господин дю Боск предстал перед графом Сен-Жерменом. Тайный советник рассчитывал, что

граф станет показывать ему различные документы, коими "адепты" любят размахивать, либо проделывать опыты по трансмутации. Граф всего лишь раскрыл "философский лор-трет" посетителя. Последний, страшно удивившись, возненавидел графа и, желая принизить его в глазах своего хозяина, представил его Фридриху-Августу таким образом: "Я увидел в нем лишь остроумного, начитанного, много видевшего и испытавшего человека, имеющего разрозненные познания в области химии, но не ставшего настоящим исследователем, короче, человека без системы. Я понял, что он ничуть не теософ, он не различает Бесконечное во всех его деталях, анализ Создания не дал ему правильного мнения о Причине создания"[481]. Дю Боек сумел убедить некоего Фрелиха, проживающего в Горлице, и оба придумывают в своих докладах Фридриху-Августу Брунсвикскому совершенно невероятные истории. Фрелих убедил князя не встречаться с графом, заметив, что тот — "не масон, не маг, ничего в масонстве не смыслит"[482]. Как известно, князь Брунсвикский был председателем ложи "Три глобуса Вселенной" в Берлине и проповедником в ложах обряда Строгого Послушания.

Что касается господина дю Боска, он познакомил князя с информацией о том, что русский офицер Давид ван Хоц[483] якобы встретил графа "с трудом — из-за ранения в ноге — шагающего по дороге в Россию. Граф едва передвигался, и офицер якобы взял его в свою карету, привез в Москву, где у графа была фабрика, которая не функционировала[484]. Дю Боск настаивал на этой информации, утверждая, что граф работал над изготовлением красителей для ткацкой фабрики в Москве[485]. Затем он стал утверждать, будто камни, которыми он обладал, происходили из рудника, открытого им в России, правом выработки которого он владел единолично, а в алмазах совершенно не разбирался[486]. Наконец дю Боск пустил слух о том, что разоренный граф попытался выпросить у него самого крупную сумму денег[487].

У графа Сен-Жермена нашлись в Дрездене два друга, готовых защитить его перед князем Брунсвикским. Одним из них был государственный советник — барон Вурмб. другим — камергер герцога Курляндского, барон Бишофсвердер.

Бишофсвердер[488] написал князю Фридриху-Августу Брауншвейгскому следующее: "Удивлен, узнав, что брат дю Боск не согласился дать денег взаймы графу Сен-Жермену. Браг не может не знать, что, если граф часто занимал деньги, он всегда возвращал крупные суммы, и нет никакой опасности в том, чтобы с ним познакомиться"[489]. Затем с согласия герцога Курляндского[490] Бншофсвердер уехал в Лейпциг на встречу с графом Сен-Жерменом[491].

Именно в это время граф написал князю Фридриху-Августу Брунсвикскому следующее письмо, датированное 8 мая 1777 г.

"Ваше Величество,

Позвольте мне открыть свое сердце Вашему Величеству. Оно изранено с тех пор, как советник господин дю Бокс передал мне распоряжения, которыми, судя по его письму, Ваше Величество удостоило его, но которые не имели ко мне никакого отношения, — способом, который не мог быть мне приятен. Господин де Вурмб и барон Бншофсвердер могут ручаться за прямоту и доброту моего демарша, вызванным тем уважением, ревностной и верной привязанностью, с которыми преклоняюсь перед Вашим Величеством, хотя из скромности я бы предпочел умолчать о своих побуждениях. Я постараюсь завершить как можно быстрее неотложные и важные дела, которые задерживают меня здесь, и смогу с неописуемой радостью приехать к Вам, несравненному Князю, на поклон. Когда Вы окажете мне честь хорошо меня узнать, я уверен, что Ваше Величество проявит ко мне всю справедливость и тонкое чутье, которые я заслуживаю и которые тем более ценны, что проявлены буду именно Вами; я весь, мой долг, мое стремление и моя учтивая и верная привязанность к Вашему Величеству, покорнейший и смирнейший слуга Вашего Величества

Господин Уэлдон"[492].

С этого момента деталей в нашем распоряжении мало, либо они не точны. Например, мы не нашли какой-либо информации о первых встречах Бишофсвердера с графом Сен-Жерменом.

Зато до нас дошел рассказ государственного советника господина Вурмба о его разговоре с графом в Лейпциге:

"Я увидел очень бодрого для своего возраста мужчину шестидесяти или семидесяти лет. Он смеется над теми, кто приписывает ему невероятный возраст. Благодаря режиму и лекарствам, которыми он пользуется, он, возможно, проживет еще долго. И все же выглядит он не долгожителем. Нельзя отказать ему в глубоких знаниях. Я буду работать с ним над некоторыми красителями, над обработкой шерсти и хлопка, чтобы проверить, можно ли из этого извлечь пользу для наших мануфактур.

После того как я вошел к нему в доверие, я заговорил о масонстве. Без рвения, как будто не придавая этому большого значения, он признался в том, что достиг четвертой ступени[493], но знаков не помнит. По этой причине я не смог углубиться в эту тему, поскольку, казалось, он ничего не знал о системе Строгого Послушания"[494].

Поскольку граф Сен-Жермен проявил интерес к делу Шрепфера, Вурмб, сыгравший в этой трагической истории одну из

главных ролей, рассказал то, что знал.

Шрепфер[495], официант в некоем постоялом дворе в Лейпциге, женился лет в 40. На приданое жены в 1772 г. он открыл кабак на Клостергассе в том же городе. Коэда его приняли в масонскую ложу, он заявил, что "не масон тот, кто магии не практикует"[496]. В связи с этим кому-то вздумалось распространить слух о том, что он обладает способностью "укрощать духов"[497] и устроил в бильярдной своего кабака академию магии или фантасмагории, как говорили тогда.

Саксонцы тут же стали видеть в нем "нового Аполлония Тианского"[498] и толпой ринулись в кабак Шрепфера присутствовать на его опытах. "Он вызывал духов, которые не только показывались, но и даже заговаривали с присутствующими"[499]. Говорят, что однажды в Берлине началась паника оттого, что его духи стали предсказывать смерть известных людей и. к слову сказать, во многих случаях предсказания сбылись"[500].

Ложа, членом которой он являлся, запретила ему его фокусы, но он проигнорировал запрет, утверждая, что герцог Курляндский разрешил ему делать все, что захочет. Герцог рассердился и велел дать Шрепферу палок. Самозваный колдун не притих, наоборот, он стал еще наглее в своем волшебном искусстве.

Ненадолго уехав из Лейпцига, он вернулся к Пасхе (1774 г.) под именем "барона Штейнбаха, полковника на службе Франции. Он возобновил вызывания духов; говорят, что при этом он проявлял определенный режиссерский талант"[501].

Самое интересное, что даже знатные люди стремились познакомиться с ним. Среди них три человека, о которых мы говорили выше: дю Боск, Вурмб и Бишофсвердер[502]. Господина дю Воска Шрепфер убедил, что великие мастера французских и немецких лож — герцог Шартрский[503] (которому-де он был обязан своим чином полковника французской армии) и герцог Брунсвикский[504] — поручили ему осуществить соединение масонства с распущенным папой римским обществом Иисуса, часть богатств которого он хранил. Эти богатства в размере нескольких миллионов лежали в банке во Франкфурте у братьев Бетманнов и должны были быть использованы на поощрение тех, кто готов помочь ему в работе[505].

Дю Боск и Вурмб дали Шрепферу большие денежные суммы, на расходы и содержание. Он приехал в Дрезден, снял комнату в гостинице "Полонь" и стал жить на широкую ногу.

Однако французский резидент в Дрездене Марбуа нарушил спокойствие. "Он попросил колдуна показать ему диплом полковника на французской службе, угрожая публично обозвать

самозванцем и потребовать его ареста"[506]. Весь Дрезден заволновался. Спас положение герцог Курляндский, публично разгуливающий со Шрепфером. Последний вернулся в Лейпциг. Тут случилась новая заминка. Дю Боск и Вурмб потребовали, чтобы он показал им сокровища иезуитов. На назначенную встречу Шрепфер не пришел, а в присланном банком братьев Бетманнов пакете ничего, кроме "белой бумаги и документов, относящихся к отсутствующим другим бумагам"[507], не было. Боск и Вурмб побоялись стать посмешищем и промолчали. Дело тем не менее шло к своей развязке.

7 октября 1774 г. Шрепфер собрал за ужином несколько своих друзей (среди них был Бишофсвердер) и сказал им: "Сегодня ночью мы спать не ляжем. Завтра утром, на заре, я покажу вам нечто экстраординарное". Около пяти часов утра он позвал их, сказав: "Господа, пора идти". Они направились в парк Розенталь, находящийся у ворот Лейпцига[508].

По дороге он показал им пистолет. "Я заказал его специально по образцу Комуса[509], он послужит моей славе. Я покажу вам, что я не ярмарочный фокусник"[510]. Каждому он указал, где ему стоять, удалился в сторону куста и сказал: "Посмотрите, вы сейчас увидите странное явление". Спутники открыли широко глаза и уши, чтобы ничего не пропустить из обещанного чуда. Они услышали выстрел, но ничего не увидели… Воцарилась тишина. Шрепфер застрелился[511].

Трагический инцидент стоил личному советнику дю Боску от 4 до 5000 талеров. Становится понятно, почему он не захотел дать денег графу Сен-Жермену, решив, что тот — новоявленный Шрепфер[512].

Рассказав графу эту историю, Вурмб ушел, и нам ничего не известно об их дальнейших встречах. Что касается Бишофсвердера, которому посчастливилось узнать от графа несколько химических секретов[513], он с радостью сообщил князю Фридриху-Августу Брауншвейгскому, что "судя по опытам, эти способы дают удивительные результаты"[514].

В течение июля граф Сен-Жермен уехал из Саксонии и приехал в Берлин[515].

Тринадцатая глава
В БЕРЛИНСКИХ САЛОНАХ

Граф Сен-Жермен направился в столицу Пруссии по приглашению князя Фридриха-Августа Брауншвейгского[516] и с согласия Фридриха II. Через д'Алвенслебена король передал графу еще до его отъезда из Лейпцига, что "в Потсдаме люди не легковерные и, как правило, верят только в то, что можно потрогать. Пусть граф подумает, готов ли он представить свою науку и свои способы изготовления. Иначе он потеряет время, которое мог бы с большей пользой использовать в другом месте"[517].

У нас нет каких-либо документов о том, что граф нанес визит королю[518] и его племяннику в их дворце в Сан-Суси, в Потсдаме. Зато точно известно, что он пробыл больше года в Берлине, с августа 1777-го по начало октября 1778 г.[519].

По приезде в Берлин "граф был стариком, возраст которого не знал никто. Он был очень крепким, несмотря на небольшой излишний вес. Снял апартаменты в одной из лучших гостиниц города, где стал жить уединенно, с двумя слугами. У его дверей стоял экипаж, который он также нанял, но которым не пользовался никогда"[520].

Первым визит графу нанес барон Книпхаузен, генеральный директор торговли в Берлине. Как мы помним, именно ему, бывшему тогда послом в Лондоне, граф был обязан возможностью отъезда из этого города в 1760 г.[521]. Барон направился к графу "как к старому знакомому, и пригласил его на обед".

— С удовольствием, — ответил граф Сен-Жермен, — но при условии, что Вы пришлете за мной карету. Я не могу пользоваться наемными экипажами, у них слишком жесткие рессоры[522].

Одна из характерных особенностей графа была в том, что ко всем он обращался не иначе как "сын мой"[523].

Несмотря на то что приезд графа в Берлин особо не афишировался, тем не менее он возымел некоторый отклик. Со всех сторон его стали приглашать в салоны прусской столицы. Княгиня Амалия, например, пожелала увидеть его.

Граф направился во дворец "Мон Бижу" ("Мое Сокровище"), находящийся у ворот Берлина. Перед ним стояла болезненного вида особа, в которой можно было угадать былую красоту. Княгиня приняла графа в роскошно обставленной и богатой библиотеке, в которой, как ни странно, почти все книги были аннотированы ее рукой. Княгиня была к тому же отличным

музыкантом. Они нашли почву для взаимопонимания. Увы, любопытство княгини нарушило согласие:

— Какая страна — ваша родина?

— Я из страны, над которой чужеземцы никогда не царствовали.

Такими же ловкими и таинственными фразами граф ответил на все вопросы княгини. Наконец она отчаялась и отослала его, так ничего и не узнав[524].

Другой человек, более скромного рождения, пожелал встретиться с графом. Это была госпожа дю Труссель — наперсница княгини Амалии, известная также под именем "Красавица из Клейста". О ней Фридрих II как-то высказался таким образом: "Вижу ее уже 30 лет, и она по-прежнему одна из самых красивых женщин при дворе. В ней есть сияние, которого нет в других, и кажется, что она не стареет"[525]. Госпожа дю Труссель предпочитала астрологию (пользовал ее астролог, которого она называла "планетарием", и он был-де замечательным человеком[526]), а княгиня Амалия отдавала предпочтение гаданию на картах. Поговаривали даже, что "во время Семилетней войны, особенно в самые критичные для Пруссии дни, княгине целыми днями гадали на картах для Фридриха II, и она посылала брату результаты и предупреждения[527].

Как-то вечером граф Сен-Жермен пришел на ужин к госпоже дю Труссель[528]. Общество было изысканное. Рискнули заговорить с ним о философском камне. Он всего лишь заметил, что те, кто этим занимается, допускают большую ошибку, используя лишь огонь в качестве действующего агента. Ибо огонь разделяет и расщепляет, и абсурдно прибегать к его помощи там, где нужно создавать новое соединение. Он довольно долго развивал эту мысль[529]. Данное заключение из области алхимии, кстати, абсолютно правомерное, исходя из принципов той эпохи, поразило профана, присутствовавшего на том вечере, и автора данного рассказа. Пронаблюдав за графом в течение всего вечера, он отметил, что "лицо у него тонкое и интеллигентное, видно, что он человек благородный и приятного общества"[530]. Автор добавил: "Если вправду говорят, что он был учителем Калиостро, никогда ученик не был достоин учителя: первый прожил спокойную жизнь без серьезных происшествий, второй закончил свою карьеру в тюрьме инквизиции в Риме". Наконец: "В случае с Сен-Жерменом мы видим более осторожного и мудрого шарлатана(!): никогда честь прямо не задета, ничто не противоречит честности, много чудесного, но нет ни низости, ни скандала"[531].

Далее мы читаем: "В то время когда этот странный человек жил в Берлине, я как-то поговорил о нем с французским посланником, маркизом Понсу Сен-Морису. Я сказал ему, что меня очень удивляет, что у этого человека были тесные и особые связи со многими людьми высокого рождения, в том числе с кардиналом Бернисом, как утверждали, конфиденциальные письма которого, написанные в то время, когда этот кардинал был министром иностранных дел, он хранил. Господин Понс об этом ничего не сказал. Зато он высказал целую цепочку простых предположений: "Предположим, что некий действительно оригинальный человек решил выразить себя и сыграть в мире необыкновенную роль, способную будоражить умы людей и производить впечатление на всех. Допустим, что этот человек занят только этой идеей и подчиняет весь свой ум, свои познания, свое внимание ко всем деталям, свое упорство осуществлению этой идеи. Допустим, что он может умело обманывать всех, когда речь идет о нем, что ни присутствия духа, ни гибкости ему не занимать. Наконец, допустим, что он заработал или получил большое состояние, скажем, рента в двадцать пять ливров: посмотрим, каким будет его поведение. Он не станет откровенно говорить ни о своем возрасте, ни о своей стране, ни о себе и накинет самую густую пелену на все, что его касается. Он сэкономит часть своего капитала, вложит в какой-нибудь надежный и малоизвестный банк. Например, он приедет в Берлин, а деньги будет держать в Лейпциге. Некоему берлинскому банкиру будет поручено передать ему двадцать тысяч франков или более. Получив их, он перешлет их какому-нибудь банкиру в Гамбург, который тут же отправит их ему обратно. То же самое он будет проделывать с банкирами из Франкфурта и других городов. Это будут все тс же самые деньги, на которых он потеряет каждый раз маленькие проценты, зато он достигнет своей цели: все будут думать, что каждую неделю он получает значительные суммы, и никто не будет знать зачем, тем более, что тратить он будет мало и ни в какие дела вмешиваться не станет. Все невероятные вещи, которые рассказывают об этих неизвестных и экстраординарных людях, могут объясниться так же легко, как загадка о суммах, постоянно получаемых графом Сен-Жерменом"[532].

Последний визит был нанесен ему Домом Пернети — хранителем городской библиотеки, членом Академии и аббатом в городе Бургель, в Тюрингии, с благословения Фридриха II[533].

Дом Пернети был горячим поклонником алхимии. Будучи бенедиктинцем, он нашел в библиотеке аббатства экземпляр работы герметиста Михаеля Майера: "Arcana Arcanissinia h.e.

Hieroglyphica Aegypto-graeca"[534]. Как настоящий адепт, он потрудился перевести это произведение, с небольшими изменениями и добавлениями[535], под названием "Разоблаченные египетские и греческие фабулы, сведенные к одному и тому же принципу, и объяснение иероглифов Троянской войны"[536]. Как раз перед отъездом в Пруссию он основал в Авиньоне герметический ритуал, имеющий шесть ступеней, с напоминающей греческие легенды символикой, объяснение которой можно было найти в его работе. Он даже создал седьмую ступень, ритуал которой содержит целый курс герметизма и гнозиса.

Можно сказать, что Дом Пернети был очень ученым человеком. Но его знание было только rudis indigestaque moles[537], и, наверное, поэтому граф Сен-Жермен мало с ним пообщался, даже если Дом Пернети пришел к нему как "к адепту"[538].

Четырнадцатая глава
КОЛЕБАНИЯ КНЯЗЯ ГЕССЕНСКОГО

Граф Сен-Жермен обосновался в Алтоне в октябре 1778 г. Большая деревня, название которой означает "слишком близко", стоит на берегу Эльбы и соединена с большим ганзейским городом Гамбургом широкой дорогой. В Алтоне находилось правительство герцогства Гольштейн, зависящего в то время от Дании. С 1777 г. этим герцогством, а также герцогством Шлезвигским, правил маркграф Карл, князь Гессенский[539]. Он был человеком серьезным, горячим приверженцем христианской доктрины. Его девиз был Omnia cum Deo[540].

Граф Сен-Жермен жил в Алтоне в гостинице "Кайзергоф", где обычно встречались местные художественные знаменитости. Узкая и длинная пивная на первом этаже иной раз становилась тесна для толп иностранных и местных гостей, привлеченных либо славой учреждения, либо ее постояльцами.

Как только граф приехал, каждый пожелал с ним познакомиться, но это оказалось трудным делом, ибо он оставался замкнутым и знакомств заводил мало. Некий адвокат из Гамбурга, Филипп Дрессер, попытался, но безуспешно, из-за этого затаил на графа злобу[541]. Поскольку последний жил на широкую ногу, не страдал отсутствием денег, платил за все наличными и не получал ниоткуда переводов, поползли слухи. Советник датского посольства утверждал, что был знаком с графом в Париже, в Лондоне и Гааге, что в тех городах он вел себя в точности так же, всюду был принят с почестями, однако никому никогда не удавалось узнать, кто он на самом деле. Другие утверждали, что опрос его слуг ничего не дал, поскольку он менял слуг, как только уезжал в новое место. Наконец, поговаривали, будто пишет он днем и ночью и находится в переписке со многими коронованными особами[542].

Тем не менее два человека стали его близкими знакомыми: графиня Бентинк, рожденная Олдембург, и представитель Франции в Гамбурге барон де ля Ус. Он был близко знаком с князем Гессенским, и именно благодаря ему была устроена встреча между ландграфом и графом Сен-Жерменом — в декабре 1778 г. в особняке губернатора. Об этой встрече князь Гессенский позже напишет:

"Граф, казалось, привязался ко мне, особенно, когда узнал, что я — не охотник и не охвачен другими страстями, противоречащими высшему изучению природы. Тогда он сказал

мне: "Я приеду к Вам в Шлезвиг, и Вы увидите, какие великие вещи мы проделаем вместе"[543].

Князь дал понять графу, что по ряду причин он не может сейчас согласиться и принять такую честь, но граф ответил: "Я знаю, что должен ехать к Вам, и поговорить с Вами". Князь не нашелся сказать ничего, кроме того, что "полковник Кепперн, заболев, едет следом, и с ним можно будет обсудить этот вопрос"[544].

Спустя несколько дней полковник Кепперн — маршал при дворе князя Гессенского — явился к графу Сен-Жермену и постарался сообщить ему пожелания своего хозяина, а именно — предупредить и отговорить его от поездки в Шлезвиг. Но граф ответил: "Говорите, что хотите, но я должен ехать в Шлезвиг, и не откажусь от этой мысли. Остальное приложится". Закончив, он попросил полковника Кепперна потрудиться подготовить ему квартиру. По приезде в Шлезвиг полковник передал князю Гессенскому ответ графа — князь остолбенел[545]. Однако он навел справки у полковника Франкенберга — офицера прусской армии, и тот сказал: "Вы можете быть уверены, что этот человек — не обманщик, и имеет большие познания". В качестве доказательства полковник привел следующий факт. Он познакомился с графом, когда жил с женой в Дрездене в 1777 г. Граф оказал им большую услугу. Жена офицера хотела продать пару серег. Ювелир предлагал за них маленькую сумму. Она рассказала об этом графу, и тот попросил ее показать серьги. Она так и сделала, а он сказал: "Можете ли Вы одолжить их мне на несколько дней?" Он вернул серьги после того, как улучшил их.

Ювелир, которому показали их впоследствии, сказал: "Вот это красивые камни, совсем не то, что Вы мне показывали тогда. И дал за них вдвое больше"[546].

Князь Гессенский поблагодарил полковника Франкенберга за рассказ, но все же в глубине души надеялся, что граф не приедет в Шлезвиг.

Пятнадцатая глава
УЧЕНИК

Князь Гессенский жил в старом феодальном замке, называвшемся Голторп, недалеко от города Шлезвига, у западного окончания бухты Шлея, на восточном побережье реки Шлезвиг.

Граф Сен-Жермен приехал в замок в августе 1779 г. С первых же своих встреч с князем Гессенским граф сообщил ему о планах, которые он намеревался осуществить на благо человечества. Князь напишет об этом: "Мне этого совсем не хотелось, но стало совестно отклонить такие знания, значительные во всех отношениях, из-за ложного представления о мудрости, или из-за скупости, и я сделался его учеником"[547].

Спустя некоторое время к князю Гессенскому приехал знатный гость — герцог Фердинанд Брауншвейгский[548]. Позже он напишет князю Фридриху-Августу Брауншвейгскому: "Я очень рад, что познакомился с графом Сен-Жерменом. Был у него три раза. У него огромные познания в изучении природы… Они очень обширны, и общение с ним конечно же поучительно"[549].

Так же, как и герцог Брауншвейгский, князь Гессенский "уважал графа и ценил его от всего сердца, каждый день занимался с ним по три часа"[550]. "Граф много говорил об улучшении красок, очень дешевых, об облагораживании металлов и при этом добавлял, что совершенно не нужно "изготовлять золото, даже если вы умеете", и оставался верным этому принципу[551]. Драгоценные камни стоят дорого при покупке, но если вы разбираетесь в деле их облагораживания, их ценность растет во много раз. Почти ничего не было в природе такого, чего он не умел бы использовать. Он доверил мне почти все свои знания о природе[552], но только начальные знания: он добивался того, чтобы я сам находил на опыте успешные способы экспериментирования над металлами и камнями и радовался моим успехам. Что касается красителей, он действительно мне их дал, вместе с другими, более важными знаниями"[553].

Он утверждал, что эти знания получил собственным трудом и исследованиями. Травы он знал в совершенстве и изобрел лекарства, которыми пользовался постоянно, они продлевали ему жизнь, укрепляя его здоровье[554].

В самом деле граф открыл князю Гессенскому, что ему уже 88 лет, хотя он выглядел моложе.

Князь Гессенский предоставил графу Сен-Жермену врача,

бывшего аптекаря по фамилии Лоссау. Он готовил лекарства по рецептам, которые граф ему диктовал. Одно из них — состав на основе чайного листа, который доставался богатым людям города Шлезвига за деньги, а бедным бесплатно[555], так же, как и лечение самого врача Лоссау. Согласно князю Гессенскому, "большое число людей были излечены, и — насколько он знает — никто не умер"[556]. В его глазах граф был одним из самых великих философов, когда-либо существовавших: "Он был другом человечества, принимал деньги лишь для того, чтобы передать их бедным, был также другом животных, сердце его было занято лишь одной мыслью о счастье других. Он верил, что можно сделать людей счастливее, давая им более красивые ткани, более яркие краски, и все это за меньшую плату. Никогда я не видел человека с более ясным умом"[557]. Согласно князю, философские воззрения графа в отношении религии сводились к чистому материализму. "Но он умел так тонко его представить, что было чрезвычайно трудно возразить ему. Он был кто угодно, но не поклонник Иисуса Христа и позволял себе в его отношении слова, которые не могли быть мне приятными:

— Милый граф, говорил я ему, думайте об Иисусе Христе, что хотите, но уверяю Вас, те слова, какие Вы говорите о нем. которому я так предан, меня очень печалят.

Он ненадолго задумался и ответил:

— Иисус Христос — ничто, но печалить Вас — это уже что-то, и поэтому я обещаю Вам больше никогда с Вами о нем не говорить"[558].

Шестнадцатая глава
ЗАНАВЕС ОПУСКАЕТСЯ

После того как граф выразил желание устроить в Шлезвиге мануфактуру по изготовлению красителей, князь Гессенский приобрел для него здание бывшей красильной мастерской покойного Отте[559] в Эккернфёрде[560] и устроил графа там. Было начало 1781 г.

"Я купил шелка, шерсть и т. п. Понадобились и необходимые инструменты для подобного рода фабрики. Там я увидел, как окрашивались, тем же способом, что я практиковал в чашечке, пятнадцать фунтов шелка в большом котле. Все получалось отлично. Нельзя говорить, что крупномасштабные опыты не удавались"[561]. Каждый раз, когда князь приезжал к графу в красильную мастерскую, он задавал ему много вопросов и никогда не возвращался в замок Готторп без новых интересных знаний.

Князь Гессенский проявлял ко всем одинаковое благодушие. Он познакомился письменно с торговцем шелками из Лиона, Жаном-Батистом Виллермозом[562], с которым почувствовал родство религиозных убеждений. Когда он узнал, что финансовые дела лионского торговца далеко не блестящи, то написал ему, предложив уехать из Франции и приехать в Эккернфёрде, — основать фабрику шелковых, хлопковых и льняных тканей при фабрике красителей графа Сен-Жермена, отличное качество изделий которого он хвалил: "Красивые, изящные, вечные цвета. которые ничто не портит из тех вещей, что обычно вредят цвету, как-то: кислота, солнце, воздух, дождливая погода"[563].

Князь Гессенский не сомневался, что сотрудничество этих двух людей в области ткацкого и красильного дела окажется плодотворным. Однако Виллермоз отказался эмигрировать, даже для того, чтобы поправить свое материальное положение. Зато он принял предложение эксклюзивного права на красители графа Сен-Жермена, и запросил образцы…[564] И, несмотря на повторные усилия князя Гессенского, дело на том застопорилось[565].

В течение этого времени граф Сен-Жермен не жалел ни времени, ни здоровья, так что в августе 1782 г. он заболел острым ревматизмом вследствие длительного пребывания во влажном помещении на первом этаже красильной мастерской, и, несмотря на все свои снадобья, окончательно не поправился. Князь рассказывает: "Однажды, в начале 1783 г., я нашел его совсем больного, он думал, что умирает. Он гас на глазах. Поужинав в

спальной, он усадил меня одного у своей кровати, говорил о многих вещах, предсказал многое и попросил меня приехать снова как можно раньше. Я так и сделал — и нашел его в лучшем состоянии, однако очень молчаливым"[566].

В одном из разговоров между князем и графом последний признал, что он старейший из масонов, что сильно удивило князя, поскольку граф всегда делал вид, что ничего в масонстве не смыслит. Когда князь стал расспрашивать его более детально, граф отвечал на удивление точно и быстро.

— Знали ли Вы Маршалла де Биберштейна?[567]

— Да, очень хорошо.

— Где познакомились с ним?

— В Варшаве.

— Были ли у него какие-нибудь познания?

— Relata refero[568], понимаете ли?

— Конечно, дорогой граф. Видимо, это значит, что у него были бумаги, и он мог передать эти инструкции другим.

Граф согласился с этим ответом, и князь продолжил:

— Покойный Хунд[569] ведь не хотел нас обманывать?

— Нет, это был добрый человек.

Вдруг князь Гессенский спросил:

— Кто был предшественником Маршалла де Биберштейна?

— Барон фон Род, из Кенигсберга.

Последний ответ убедил князя в том, что граф действительно был масоном, и он написал другу Жану-Батисту Виллермозу, рассказав ему все обстоятельства разговора: "В этом я усматриваю самое хорошее доказательство нашей исторической связи, но не более того"[570].

Перед своим отъездом в Кассель в декабре 1783 г. князь еще дважды встретился с графом. Во время первой встречи граф сказал, что "если он умрет во время отсутствия князя, тот найдет запечатанную записку, написанную его рукой, которой будет достаточно"[571]. Во время второй беседы, за два дня до отъезда, князь просил графа ознакомить его с содержанием записки, на что граф ответил опечаленным голосом: "Буду очень несчастным, если осмелюсь говорить"[572]. Князь не стал настаивать, простился с графом, и больше его не видел.

Граф Сен-Жермен умер от приступа паралича в Эккернфёрде 27 февраля 1784 г. Он попросил доктора Лоссау, который присутствовал при его последних мгновениях, передать князю Гессенскому (зная, что ему будет приятно), "что Бог позволил ему еще до смерти переменить свое мнение, и князь Гессенский многое сделает для его счастья в ином мире"[573]. К этим словам доктор добавит, что "граф умер при полном сознании"[574].

Похоронили его в Эккернфёрде утром 2 марта[575]. Согласно регистру церкви Св. Николая, обряд включил простое отпевание без песнопения, после которого тело было возложено в церковный склеп[576]. В регистре смертей можно прочесть следующую простую запись: "Тот, который звался графом Сен-Жерменом и Уэлдоном, умер здесь и был захоронен в церкви нашего города".

3 апреля 1784 г. бургомистр Эккернфёрде опубликовал по всему городу следующее объявление: "Мы, бургомистр и советник… доводим до сведения всех, кого это интересует, что человек, известный за рубежом и здесь под именем графа Сен-Жермена и Уэлдона, проживший четыре последних года в нашей стране, умер недавно в нашем городе; согласно закону и поскольку до сих пор не было найдено завещание, наследство было опечатано, для его наследников…" В силу этого бургомистр приглашал всех кредиторов, или тех, кто считал себя таковыми, предъявить доказательство своих притязаний до 14 октября 1784 г.[577].

Как раз в этом месяце князь Гессенский вернулся в Шлезвиг и узнал о смерти того, которого он считал больше, чем другом. Он тут же гарантировал оплату тех сумм, которые граф был должен. Одна-единственная вещь его интересовала — записка, которую граф должен был оставить для него, но ее нигде не было. Князь решил, что "бумага могла попасть в неверные руки"[578].

Говорили, будто князь Гессенский "получил в наследство все документы графа и получал письма, которые продолжали идти на адрес графа после его смерти"[579], хотя это не доказано. В своих "Воспоминаниях" он говорит лишь о рецептах лекарств, из-за которых у него были неприятности с врачами Шлезвига, так что после смерти доктора Лоссау князь, "которому надоели замечания, какие он слышал отовсюду, забрал свои рецепты и нового врача не завел"[580].

Так завершилась жизнь графа Сен-Жермена, которого одни поливали грязью, а другие возносили до небес, слава которого донесла во все уголки мира таинственное имя, под которым он был известен. От себя мы повторим характеристику, данную Казановой, и скажем, что граф Сен-Жермен был великим, чудесным и необыкновенным. Великим — талантами, чудесным — своими познаниями и необыкновенным — своим странствующим образом жизни. Он пришел, прожил, прошел, а имя его, как и все имена таинственных людей, окуталось легендой[581].

Часть третья
ЖИЛ ДА БЫЛ…

Настоящие маги. Они могут не жить,
а также и не умирать.

Вилье де Л'Иль-Адам

Первая глава
БЕССМЕРТНЫЙ СЕН-ЖЕРМЕН

На предыдущих страницах мы постарались проследить за жизненными перипетиями графа Сен-Жермена с 1743 г. — даты первого упоминания о нем, вплоть до 27 февраля 1784 г., даты его официальной смерти. Если бы дело касалось любого другого персонажа, на этом наша задача практически была бы выполнена, и оставалось бы нам лишь поделиться с читателем нашими предположениями о происхождении и юности нашего героя, но с графом Сен-Жерменом дело обстоит иначе. Едва гробница в Эккернферде была закрыта, как зародилась легенда, которая развивается вплоть до наших дней и достигла невероятной фантастичности. Так, по всему свету есть люди (и вопреки обычным предположениям их немало), которые каждый день ждут, что им явится граф Сен-Жермен, совершит над ними таинственный обряд посвящения и одарит их еще более таинственными способностями.

Практически отбросив всякий критический ум, мы попытаемся собрать в хронологическом порядке элементы "легенды" о графе Сен-Жермене, начиная с момента ее зарождения вплоть до ее последних проявлений[582]. Как ни удивительно, если и враги и поклонники графа принимали в равной степени участие в создании этой "легенды", то, похоже, именно с его врагов все и началось.

Так, 6 апреля 1784 г. в брауншвейгской газете "Нойен Брауншвейгишен Нахрихтен" за № 56 была опубликована следующая заметка за подписью д-ра Ж. А. Ремера — профессора истории Каролинского колледжа в Брауншвейге: "Великий химик Пьер-Жозеф Макер умер в Париже в прошлом месяце [15 февраля!], так же как и граф Сен-Жермен — известный путешественник и шарлатан". Такая клевета не могла остаться незамеченной. Через несколько дней, 12 апреля, в номере № 59 той же газеты можно было прочитать следующее: "Граф Сен-Жермен, смерть которого была объявлена на этих страницах, не заслужил эпитетов, какими его наградили. Он обладал всеми особенностями, отличающими гения. Достойные всякого доверия люди, знавшие его близко, утверждают, что он был человеком, глубоко знающим все тайны природы, и что до конца своей жизни он применял эти знания на благо человечества. Несколько благоразумных великих князей проявляли к нему благосклонность и покровительствовали ему. Когда его разбил

паралич, он сохранил трезвый ум и отнесся к решению Великой Причины Всего с просветленной и примерной покорностью"[583].

Это анонимное и спокойное разъяснение не вызвало реакции.

Однако в выпуске (от 6 июня 1784 г.) газеты "Л'Эспри де Журно", издаваемой в Париже, и о которой позже Сент-Бев скажет, что это "своеобразная газета, вор и собиратель", была опубликована следующая заметка: "Нам сообщают из Шлезвига, что знаменитый граф Сен-Жермен, который вот уже несколько лет как обосновался в Гамбурге и затем, четыре лада назад, уехал из этого города и переехал к князю Гессенскому, умер там". Заметка сопровождалась следующим комментарием: "По словам известного текста", в достижении своей цели, о которой он никогда не забывал, а именно оставлять всех в полном неведении относительно своего происхождения, возраста и родины, ему прекрасно служили его эрудиция и феноменальная память. Он утверждал, что был прекрасно знаком с Иисусом Христом и был рядом с ним на свадьбе в Кане, где он обратил воду в вино. Таким образом, он прожил больше 2000 лет, и стоит удивляться, отчего он не захотел прожить еще несколько тысячелетий, поскольку в таком деле лишь первые тысячи лет даются с трудом"[584].

Вот отличное начало для "легенды" о графе Сен-Жермене. В январе 1785 г. берлинский журнал ("Бинише Монатшрифт") дал характеристику изображению нашего героя[585] на гравюре. Данный портрет, выгравированный в 1783 г. художником Н. Тома, происходит из кабинета покойной госпожи д'Юрфе[586] и посвящен графу де Милли из Академии наук[587]. Вот что высказывал автор, д-р Биестер: "Граф Сен-Жермен — авантюрист, скончавшийся два года назад в провинции Гольштейне [ошибка, смерть наступила 27 февраля 1784 г. в Эккернфёрде, провинция Шлезвиг] был достойной копией покойного графа Калиостро [опять ошибка, Калиостро умрет лишь 26 августа 1795 г.]. Так же, как и он, Сен-Жермен находил поклонников и учеников среди благородных людей, и что же в нем находили? С гравюры, которую я недавно получил, на нас смотрит лицо незначительного [?] куртизана, одетого в роскошное меховое платье. Под портретом можно прочитать странные стихи, на которых имеет смысл остановиться, чтобы лучше узнать образ мысли тех, кто время от времени не гнушается распространять подобные вещи.

Я прекрасно знал, что многие великие мира сего и простолюдины позволили обмануть себя человеку, который ни открыто, ни тайно не владел никаким настоящим искусством или наукой, но умел заставить других поверить в свои чудотворные силы.

Этот человек знал огромное количество вещей, но ничего по-

настоящему; ни в Дрездене, ни в Берлине ни один разумный человек его не уважал [!], но он был достаточно нагл для того, чтобы дать понять, что он знает и умеет все. К сожалению, нашлись даже среди немецких князей люди, которые ему верили, Он был якобы музыкантом-виртуозом, и играл-де на скрипке так замечательно, что, казалось, слышатся три инструмента, тогда как, на самом деле, он играл очень посредственно. Он не только был-де способен улучшить качество кожи и шерсти, но еще и убрать дефекты с алмазов и слить несколько алмазов в один. Он славился также тем, что умел делать золото. Наконец, он нашел способ омолодиться, а то и вовсе не умирать[588]. Он закупил здания и участки, и можно задать себе вопрос о том, откуда происходили его деньги.

Все это мне известно. Я также знаю, как ему опять не верили, когда он распространял слухи или сам как будто случайно ронял или открыто утверждал, что он предельно стар. То всего-навсего он переписывался с императором Леопольдом, то с членами золотого братства Розы и Креста, то он дружил с детства с Фредериком Гуальдо[589], а то и с самим Иисусом Христом, которому он неоднократно советовал, как себя вести.

Так же я знаю людей, которые сейчас, после его смерти, утверждают, что он жив и скоро вернется. Поскольку он мертв и похоронен, как подобает любому простому, не способному творить чудеса человеку, такому, которого ни один князь не приветствовал и приветствовать не собирался, мне непонятно, как можно так его возносить:

ГРАФ СЕН-ЖЕРМЕН
Знаменитый алхимик.
Подобно Прометею, он украл огонь,
благодаря которому мир живет и все дышит;
природа внимает его голосу и движется.
Если сам он — не бог, то всемогущий Бог его вдохновляет.

Кто бы мог подумать, что в наши дни звание алхимика могло быть всерьез воспринято как хвалебный титул! Наверное, тот, голосу которого природа внимает и к которому она прислушивается, и впрямь достоин звания известного алхимика.

Природа! Но знаем ли мы, о чем мы говорим, употребляя это слово? Что до последней строки:

Если сам он — не бог, то всемогущий Бог его вдохновляет, —

предположение, озвученное в первой части предложения,

означает, что автор считает такую информацию либо верной, либо правдоподобной. Я отличаюсь веротерпимостью, я не еретик и не люблю выражаться слишком строго или объявлять суровые приговоры там, где можно обойтись иронией. Но я побоюсь оказаться недостойным звания почитателя Бога, если я не скажу со всей серьезностью, что мы имеем здесь дело с самым постыдным святотатством, которое когда-либо было высказано заблудившимися умами. Даже если допустить, что этот человек был настолько же мудр и проницателен, насколько был сумасшедшим или невежественным; настолько же благородным, великим и скромным, насколько он был ребячливым, горделивым и хвастливым; настолько же возвышенным, насколько эгоистичным; настолько же открытым и правдивым, насколько лживым и обманчивым и т. п., тем не менее любой человек должен был бы отказаться от таких похвал и слов в свой адрес, которые мне стыдно даже повторять. Отъявленный атеизм, как тот, который в последнее время вновь становится модным, хоть и тяжек, но менее вреден, нежели такое превозношение одного человека. Конечно же, грустно жить среди людей, которым недоступны возвышенные мысли, которые игнорируют Всевышнего Отца, творца природы и людей, для которых совесть существует лишь в виде сентиментальности или боязни наказания! Но все же такое общество в тысячу раз лучше таких людей, которые считают возможным, мыслимым, что такой слабый человек как вы или я мог бы повелевать природой, что ограниченное существо могло властвовать над всем живым, над всем тем, благодаря чему наш мир существует. Когда я себе представляю, какие последствия могут вызвать подобные верования, мне становится страшно.

И кто же высказывается таким образом? Не дикари, рудиментарное мышление которых сотворило себе тривиальный образ Бога и которые допускают, что человек — это творение из шины, — также может достичь этих высот, а культурные европейцы, которые знают, что даже самому проницательному уму не дано представить себе даже тень божественного качества. К тому же такие слова по отношению к человеку употребляют набожные христиане"[590].

Со своей стороны, берлинский издатель и писатель Фридрих Николай пишет: "Сен-Жермена рассматривали как бога, он привлек внимание князей и других не лишенных ума людей"[591].

Среди прочих сатирических сочинений, посвященных графу Сен-Жермену, некоторые появились из-под пера памфлетиста, о котором небесполезно сказать несколько слов.

Жан-Пьер-Луи де Люше — сын Фр. — Луи де Люше,

штальмейстера, пехотного лейтенанта полка Перш, и Мари-Анны Ревийо — родился в Сенте 13 января 1739 г. После того как он выучился в родном городе, так же, как и старшие братья, поступил в монахи и стал иезуитом. После отмены ордена иезуитов в 1763 г. он вернулся в мир и стал военным. Как кавалерийский офицер он был известен под именем "маркиз де ля Рош-дю-Мэн". После отставки он женился на девице Делон — дочери небогатого женевского купца и взял титул "маркиз де Люше". В 1766 г. он опубликовал "Историю города Орлеан", которая должна была состоять из двух томов. Однако после публикации первого тома поднялся большой шум, из-за нападок против провиденциальной миссии Жанны д'Арк, и продолжение книги так никогда и не вышло.

Затем де Люше занялся поисками золота. Он объявил в Париже о плане извлечения из некой реки провинции Лангедок предположительного золотого песка и забрал много денег, в том числе 80 000 ливр у герцогини Виллеруа[592].

Со своей стороны, у "маркизы" де Люше были неприятности: она не сумела, как хозяйка дома, удерживать своих гостей в тех рамках, за которыми шутка становится оскорблением[593]. Оскорбленная маркиза де Крюссоль подала жалобу, хозяйку вызвали в полицию, где ей объявили выговор. От такого позора невозможно было оправиться, и она покинула Париж[594].

Затем чета де Люше отправилась в Шамбери, где бывший офицер безуспешно опробовал свои силы в горнодобывающем деле, а также основал газету, которая никаким успехом не пользовалась. Тогда, разоренный, он переехал вместе с женой к Вольтеру в город Фернэ. Госпожа де Люше платила за гостеприимство "мелкими услугами, за которые благодарят, даже если они утомляют"[595].

В 1777 г. Фридрих II, ландграф Гессенский и Кассельский, которому Вольтер рекомендовал де Люше, пригласил последнего в Кассель в качестве камергера, библиотекаря и устроителя представлений. Де Люше остался в Касселе до 1785 г. 14 августа 1781 г. он произнес речь в ложе "Фридрих Дружественный" по случаю дня рождения своего покровителя. После смерти Фридриха II он перешел на службу к князю Генриху Прусскому и вернулся в Париж лишь в конце 1786 г., где и умер 6 апреля 1792 г.

Сначала в анонимном труде "Маркиз" де Люше решил изобразить встречу графа Сен-Жермена и Калиостро, имя которого было тогда у всех на устах в связи с "делом об ожерельях". Потже де Люше признает, что "о такой встречи нет никаких упоминаний, и такое приключение имело место лишь в

романе, но, надо полагать, роман основан на реальных фактах"[596]. Насколько нам известно, ни в одном тексте за или против Калиостро не упоминается о его пребывании в Гольштейне, ни до ни после его первой или второй поездки в Лондон. Это тем более установлено, что другой анонимный автор написал: "Такая придуманная встреча была сенсацией — и этого достаточно, чтобы узреть в этом вымысел"[597].

По версии де Люше, Калиостро с женой возвращались из Италии и направлялись через Вену и Гольштейн в Россию, в Санкт-Петербург[598]. Это неточно, поскольку, как утверждает д-р Марк Хавен, путешествие Калиостро в Россию пролегло через Амстердам, Брюссель, Франкфурт, Лейпциг, Берлин, Кенигсберг и Миттау[599]. Калиостро попросил секретную аудиенцию у графа Сен-Жермена, бога верующих (!) [600]. Собрание было назначено на два часа ночи. Калиостро и его жена, оба — одетые в длинное белое платье с нежно розовым поясом, прибыли в замок, "где уже несколько лет жил граф Сен-Жермен, мирно осчастлививший своим присутствием трех человек. Они поили его шампанским и венгерским вином в знак благодарности за то богатство, которое он ниспослал на их землю"[601]. Их повели в плохо освещенную залу: "Вдруг отворились две большие двери, и сияющий тысячами свечами храм поразил их взгляд. На алтаре сидел сам граф, у его ног две служительницы держали золотые курильницы, с которых возносились сладкие, но не одуряющие ароматы. На груди бога лежала пластинка с алмазами, ослепительный блеск которых выдерживали с трудом. Высокий прозрачный силуэт держал в руках вазу, на которой можно было прочесть: "Эликсир бессмертия"[602]. Немного поодаль виднелось огромное зеркало, перед которым разгуливал величественный человек и над которым висела надпись "Склад бродящих душ"[603].

Царило молчание. Голосом, не похожим на человеческий[604], были произнесены слова: "Кто вы? Откуда вы? Что хотите вы?" Услышав эти вопросы, Калиостро с женой распростерлись, затем Калиостро, встав, произнес: "Я взываю к богу верующих, к сыну природы, к отцу правды". Я пришел за одним из четырнадцати тысяч семисот тайн, которыми он владеет. Я пришел, чтобы стать его рабом, его апостолом, его мучеником". Бог ничего не ответил, но после долгого молчания послышался голос: "Что предлагает твоя спутница?" Она ответила: "Повиноваться и служить"[605].

Затем Калиостро и его жена были разлучены. После первых испытаний их привели обратно в храм, где им было сказано, что они будут приняты в различные мистерии. Некий человек произнес следующую речь, которую каждый ученик должен выучить наизусть со слуха: "Знайте, что великая тайна нашего

искусства в том, чтобы уметь управлять людьми, и единственное средство достижения этого состоит в том, чтобы никогда им правды не говорить. Не руководствуйтесь законами здравого смысла; ведите себя вопреки разуму и смело делайте самые абсурдные веши. Когда вы почувствуете, что эти ваши принципы пошатнулись, уходите от мира, соберитесь, путешествуйте: вы убедитесь, что самые экстравагантные вещи становятся объектом поклонения… Вместо тени св. Петра поклоняются могиле св. Мэдара[606], таз Месмера занял место бассейна мудреца из Назарея. Не забудьте, что первейшая двигательная сила природы, политики и общества — сила размножения, что заветная мечта смертных — стать бессмертными, знать будущее — даже когда они и настоящего толком не знают — и быть духовными, хотя все, что их окружает — материя"[607].

Затем Калиостро и его жена были подвергнуты второму испытанию: она прошла основные ритуалы отахитьянского культа, а он — ритуал культа мерзкого Антинооса — "оргию, которая выдает ложность брата, придумавшего эти отвратительные шутки"[608]. Грубая церемония закончилась банкетом, в ходе которого им сообщили, что нужно "избегать, ненавидеть и оклеветать умных людей; хвалить, лелеять и обманывать глупцов; распространять с таинственностью, что Сен-Жермену 500 лет; плодить вокруг себя золото, чай и, главным образом, обманутых людей"[609].

Именно после публикация этой предположительной встречи распространились слухи о том, что Калиостро был камердинером, а также учеником Сен-Жермена[610]. И это, несмотря на поразительную разницу между этими двумя персонажами, как об этом свидетельствует Максимилиан де Ламберг: "Калиостро непроницаем, и такой же загадочный, что и граф Сен-Жермен. О Калиостро утверждается, что он ученик Сен-Жермена, хотя он очень далек от своего учителя и талантом, и гением. Тот обязан славе своими знаниями, этот — везением и интригами"[611].

Де Люше не только ввел публику в заблуждение, рассказав о несостоявшейся встрече, но он захотел убедить читателей в том, что знает о действиях графа Сен-Жермена гораздо больше, и написал: "Это настоящий сумасшедший, он — небольшого ума. У него небольшие познания в химии, однако для шарлатана он недостаточно нагл, для фанатика — недостаточно красноречив, а для полуученого — недостаточно обаятелен"[612]. Для пущей убедительности своих слов он привел следующий эпизод: "Будучи в Шанбери, граф предложил свою химию маркизу Беллгард[613]. Они стали дуть, в тигле появилась материя, которая имела цвет и вес золота, но не его ковкость. Все это происходило в местности,

где в течение семи месяцев три раза рождались дети от графа. Стали исчезать предметы из серебряного сервиза. Граф занимал деньги налево и направо, ему посоветовали уйти"[614]. На самом деле здесь отражена авантюра, которая случилась с самим де Люше: когда он был в Шамберн и пытался обогатиться на раскопках в поисках золота. Обанкротившись, ему пришлось бежать от кредиторов в Лозанну[615].

Другой анекдот, распространенный де Люше, относится к графу Сен-Жермену постольку, поскольку он *повествует о* его современнике, известном мистификаторе: "Граф был связан с одним известным мошенником — бывшим шпионом маршала Бель-Иля, впоследствии поселившимся в Берси, где он носил крест крестоносцев, нашитый на свои обноски, и следы строительного раствора на спине. Они стали изготовлять купорос. Под этим предлогом они намеревались производить золото. Они поссорились, граф проиграл в ссоре и покинул город, где все мошенники земли находят убежище (Париж)"[616]. Человек, о котором идет речь — известный шутник Гов. он же милорд Гор, о нем мы говорили выше[617].

Наконец де Люше издал еще один анонимный рассказ[618], где описывается встреча графа Сен-Жермена и его друга и покровителя — ландграфа Карла Гессенского и то. что из этой встречи воспоследовало: "Этот Сен-Жермен, после того как оскандалил тридцать городов и обманул около двухсот учеников химиков, встретил настоящего вельможу, либерального и чувствительного от рождения. Вот что он ему сказал: "Вот уже почти восемьдесят лет [было тогда ему шестьдесят семь], как я ищу человека, из которого я мог бы слепить чудесный сосуд и заполнять его небесной росой, собранной мною в обетованной земле. Он не должен ничего знать, но быть способен ко всему. Другие знания заняли бы в его голове место тех, которые я должен в него вложить; ибо свет и тьма, чистое и нечистое, Бог и человек вместе не уживаются. Сам я с Вами мало знаком, но узнал о Вас от тех, которых Вы не знаете, но узнаете когда-нибудь. Небо вложило в Вашу душу зародыш всех качеств. Станьте небесным вместилищем, в которое стекутся все сверхъестественные истины. Вам предлагается, или предложат, управлять королевствами. Отдайте Ваши заботы и Ваш гений людям, но отдайте Ваше время и Ваше стремление к знанию Высшему Учителю. В возрасте двадцати семи лет, через несколько месяцев, Вы окажетесь девяностолетним. Через Вас я буду возбуждать, работать, осуществлять. Для остального человечества Вы станете чудом, но в глазах Бога Вы будете никем, если будете только светить планете. Вы станете хранилищем самых

удивительных секретов, сможете остановить ход светил, в Ваших руках будет судьба империй. Но наука — сокровище лишь тогда, когда тот, кто ее дает, управляет ее использованием".

Тог факт, что он гений, удивил вельможу; то, что он станет чудом, восхитило его, а при мысли о том, что он будет управлять всей Европой, он был вне себя и, низко поклонившись, стал заботиться лишь о том, чтобы подготовить замок, достойный чудотворца. Когда все было готово, начались приготовления, и великий день был назначен. И какие же чудеса были явлены? Искусство придавать меди больше блеска и ковкости, способ очистить жемчужины, то есть два чуда, которые трое немецких ученых уже раскрыли на своих лекциях. Что же еще? Касторку, которую любой фармацевт готовит и продает; множество ликеров, секреты которых давно куплены у виноделов Франции и

Италии. В остальном звезды двигались как обычно, в Европе не случались революции" ни одна, даже самая малая часть ее, не приняла политических рецептов, которые для нее изготовили. В течение нескольких лет ждали обещанного, но ничего не случалось. Иной раз заставали самого Бога, занятого сугубо земными делами. Ни разу глаза не раскрывались, и даже когда хоронили Пророка, верили в его чудесное воскрешение"[619].

В другом месте проявилась вся ненависть де Люше: "…зачем предоставлять подобные существования людям, которые скорее достойны враждебности законов, нежели доверия: безродные авантюристы, без образования, без врожденного ума, без нажитых талантов. Они вышли из грязи, бродят под вымышленными именами; лишь дураки оказывают им покровительство, лишь обманутые оказывают им поддержку, лишь фанатики становятся их учениками"[620].

Другой автор, которого мы уже цитировали, несмотря на то что его анонимность остается нераскрытой, выдвинул следующую гипотезу: "По мне, я очень верю, что он [граф Сен-Жермен] не умер. Его враги, должно быть, распространили этот слух, а старец где-нибудь бродит среди теней, то есть среди нас. Я даже не рискну пари держать — десять против одного, что в данное время уважаемый граф не заключен в какой-нибудь Бастилии"[621]. Отметим, что мысль о том, что граф мог быть еще живым, появляется во второй раз.

Оценка графа Сен-Жермена, как "великого алхимика", также вызвала определенную реакцию. В сборнике стихов, опубликованном издателем-писателем Мерсье из Компьеня[622], можно прочесть сонет "О сотворении мира" явно герметического характера, оригинал которого, по слухам, написан самим графом. Вот как звучит этот "философский сонет":

Любознательный наблюдатель всей природы,
Я познал причину и цель Всего,
Я видел будущее золото, таящееся в шахтах,
Я понял материю и обнаружил ее опару.
Я объяснил, каким образом душа гнездится
Во чреве матери и уносит свой дом.
И как семя рядом с зерном пшеницы под влажной пылью:
То — растение и этот — лоза. Они хлеб и вино.

Не было ничего, бог захотел, и ничто стало нечто,
Я усомнился, искал то, на чем мироздание покоится,
Ничто хранило равновесие и служило опорой.

Наконец, обремененный хвалой и хулой
Я измерил бессмертного, он позвал мою душу,
Я умер, обожал, и больше ничего не знал[623].

Увы, Мерсье не сообщает; каким образом сонет попал к нему.

Гипотеза де Люше о том, что Сен-Жермен был эмиссаром Иллюминатов, была развита Каде де Гассикуром. "Каждый капитул [Иллюминатов], — сообщает он нам, — имеет странствующего члена, который посещает других капитулов и устанавливает между ними связь. Знаменитый граф Сен-Жермен был таковым для Парижа"[624]. К тому же, "будучи одним из трех знаменитых и аккредитованных вождей современных Иллюминатов, в Париже он знаменит своими видениями и предсказаниями"[625].

Другой писатель, Арто де Монтор, развил эту гипотезу так: "В наше время стали известны некоторые из главных сторонников секты Иллюминатов: граф Сен-Жермен, Калиостро, Лаватер и т. п. привлекли к себе внимание во всех странах Европы. Талант графа Сен-Жермена и Калиостро состоял в том, чтобы завладеть слабыми умами, вскармливать их безумными мечтами о богатстве и могуществе, затем, после того как щедрость приютивших их людей была исчерпана и срок осуществления смехотворных, ими же придуманных, мечтаний[626] подходил, уехать из страны.

Однако ничто не может сравниться с фантастической историей, придуманной преп. Баррюэлем[627]. Из газетной вырезки, взятой из "Курьера Эско" от 9 мая 1785 г., он узнал, что таинственное общество собирается в Эрменонвиле "в поисках философского камня. Они находятся под предводительством кавальера де Плен и их нравы ужасные; среди них находится некий португалец, которого ученики прозвали вечным отцом,

настоящим новым графом Сен-Жерменом"[628]. Заметка представляла собой удобный случай для клеветнического комментария, который аббат не преминул добавить: "Известно" что замок Эрменонвиль, принадлежащий господину Жерарде-ну, в десяти лье от Парижа, был логовом Иллюминатов. Известно также, что здесь, рядом с могилой Жан-Жака [Руссо], царило самое страшное распутство, под предлогом возвращения к природному состоянию. Знаменитый шарлатан граф Сен-Жермен руководил этим мистериями, он был их богом… Ничто не может сравниться с бесстыдством нравов, которые царили среди этой публики. Любая женщина, допущенная до мистерии, становилась общей. Ту, которую Сен-Жермен себе выбирал, называли девой. Она одна пользовалась преимуществом не быть пущенной по рукам этих истинных адамитов, пока Сен-Жермену не было угодно выбрать себе другую деву. Этот презренный шарлатан, более хитрый, чем Калиостро, сумел действительно убедить своих адептов в том, что он владел эликсиром бессмертия, что, тем не менее, претерпел несколько превращений в ходе своих перерождений, умирал до трех раз, но больше не умрет, и что со времен своего последнего перерождения прожил полторы тысячи лет"[629].

Как известно, правительственное расследование выяснило, что это неправда, о чем проведшее его официальное лицо засвидетельствовало: "Самое детальное расследование доказало, что эрменонвильское общество является добропорядочным союзом двух семей и нескольких друзей — все люди, заслуживающие уважения своим возрастом, своими заслугами и качествами[630]. К тому же кружок в Эрменонвиле, которым руководили супруги Жерарден, озабочен был только мистико-научными задачами, в частности изучением электричества, "которое они рассматривали как аналог жизненной силы, а то и первопричиной органических существ или самой души"[631]. Утверждается, что среди присутствующих на этих собраниях были: "Кенэ де Сен-Жермен — внук экономиста Кенэ, сторонник Месмера — "все, кто его знали, могут утверждать, что никогда он не давал ни примеров, ни уроков распутства"[632], и кавальер де Буффлер, который рассказывал, что "цель этих собраний была в том, чтобы научить участников разным качествам; на них главным образом участники, освещенные разумом, проявляли добродетель и чувствительность"[633].

В воспоминаниях преподобного Баррюэля мы находим другую, столь же фантастичную информацию о нашем герое: "Уже в 1781 г. был образован в Париже, на улице Сурдиэр, клуб всяких Иллюминатов…[634] Знаменитый граф Сен-Жермен также проводил

встречи в этой ложе". Какая ценность таких утверждений, если в это время граф Сен-Жермен находился в Эккернфёрде? То же самое можно сказать по поводу сведений об участии графа[635] во втором конвенте Филалетов в апреле 1785 г, годом спустя его ухода из жизни.

Приписанное графу масонство объясняется, если вспомнить, что он назвался "князем Ракоци". Дело в том, что в начале XVIII в. немецкий государственный министр Карл-Аугуст Раготски был знаменит своим рвением как масон[636]. Отметим поразительное сходство фамилий.

Отныне имеются все аспекты "легенды" — она может вступать и в историю.

Прежде чем показать, как она продолжалась с 1800 г. до наших дней, нам, думается, полезно изложить удивительную историю "учителя" — гадателя на картах Этейя, "последнего колдуна", как его назвал Ж.Б. Мийэ-Сен-Пьер[637].

Этейя (Etteilla) является видоизмененной фамилией француза Альет (Alliette), рожденного в Париже: "Я родился, — скажет он, — первого марта (между утренней зарей и восходом солнца) в тысяча семьсот тридцать восьмом году"[638]. Еще в начале учебы он показал удивительные способности к математическим играм, к перестановкам цифр. После морального кризиса, который он объясняет следующим образом: "Я едва вышел из золотого возраста" как произнес нескромные обеты. Но истина покинула меня в ложной добродетели, и, в довершение ко всему, я ушел аг экзальтированных и пришел к поклонникам демона". Он предался магии, "совершал даже заклинания"[639].

В 1753 г. пятнадцатилетний Альет давал уроки арифметики, алгебры и геометрии. Считая, что прибыль от преподавания была невысокой, он решил подыскать себе другой источник доходов, предсказывая будущее на картах. Мысль об этом пришла к нему после того, как он сам обратился к гадалке, и некоторое время спустя он опубликовал первую работу — брошюру на восьми страницах под названием "Краткое изложение гадания на картах"[640], которая имела некоторый успех. После этой публикации "всячески искал возможность встретиться и познакомиться с людьми, лично обладающими волшебным даром предвидения, чтобы самому стать предсказателем"[641]. Начиная с этого времени, "истина призвала меня вновь, и наука, которую я узрел, привела меня к ней"[642].

Не встретив в Париже тех светил, которых искал, он решил путешествовать для того, чтобы их найти. В этих целях Альет побывал в Руане, затем в Лориане и в Ламбалле. Здесь он познакомился с неким Алексеем, который дал ему письменные

заметки об игре Таро, которую он называл "египетской игрой"[643]. Для него это была настоящая революция, которую, однако, он утаил от публики.

Любознательность и жажда знаний повели его в 1759 г. в Дюнкерк, Берг и Лилль. Дорогой Альет читал все книги о гадательных науках, которые смог приобрести[644], и тем самым растратил все, что оставалось от своего состояния. "У себя в стране я нашел только сумасшедших и невежд и отправился искать Мудрецов в далекие страны"[645]. В течение восьми лет, с 1759 по 1767 г., он посетил "Данию, Россию, Турцию, Германию, Венгрию, Испанию, Италию, Сардинию, Пьемонт"[646]. Длинная и тяжелая дорога ничего ему не принесла: "Будучи путешественником бедным, днем, в любое время года, я страдал от непогоды, а ночью у меня не было даже приюта, где бы я мог отдохнуть. Бродя таким образом, я все растратил и ничего не приобрел"[647].

Альет вернулся во Францию через Марсель в 1768 г.[648], а в 1771-м он в Страсбурге и называет себя "астрофиластром"[649]. Вернувшись в Париж, он снова дает уроки алгебры и консультации по гаданию на картах. Именно в это время он меняет свою фамилию на Этейя и публикует друг за другом "Этейя, или Единственный верный способ гадать на картах"[650], и странную работу "Таинственный Зодиак"[651]. В 1778 г. он предпринял последнее путешествие, на этот раз во Франкфурт-на-Майне[652].

Он окончательно обосновался в Париже и с 1783 по 1785 г. публикует свою главную работу "О том, как воссоздавать себя с помощью карт, названных Таро", в девяти тетрадях, настоящее, подвергшееся цензуре, название которой было "Египетское гадание на картах или Таро"[653].

Когда в 1784 г. газеты объявляют о смерти Сен-Жермена, Этейя открыто заявил, что это ложное сообщение и объяснил, что под одним именем жили два человека: "тот, которого он называет своим дорогим учителем, настоящим живым графом, и граф Уэлдон, которого звали также и де Сен-Жерменом и который умер, пользуясь славой отличного химика, но не алхимика". К сожалению, Этейя ничего не сообщает о другом Сен-Жермене, кроме того, что тот является "его прямым учителем вот уже более двадцати лет" и что, "если он не намного больше сообщает в письменном виде, нежели при непосредственном общении, он все равно объясняет все гораздо яснее любого другого"[654]. Согласно Этейя, второй "господин де Сен-Жермен, будучи магом-герметистом, стал каббалистом", то есть "он сочетал в себе превосходное знание духа трех гуманитарных наук"[655] и был

настоящим и единственным автором Филалета — "Вход в закрытый дворец короля"[656]. Последнее утверждение Этейя удивительное, зная, что эта работа была написана в 1645 г.

В следующем обращении Этейя выражает свое почтение учителю: "О друг Креста и Розы, ученый и мудрый Сен-Жермен, которому скоро 65 столетий, Вы, кто поручал мне начальное образование одной Вашей родственницы, внимите моей просьбе и помогите просвещать моих достопочтенных современников Вашими мудрыми советами!"[657]

Когда усомнились в его утверждении о том, что граф Сен-Жермен, учеником которого он себя считал, жив, Этейя ехидно заметил следующее: "Когда я сказал 1 января 1784 г. в письме господину Курту де Гебелэну, что мой учитель будет в Париже 20 и 21 июля, то говорили: "Он же умер"; когда журналист сообщил, что он только что умер, поговаривали: "Значит, тогда он был жив!" Да, он был жив, он и сейчас жив, и будет в Париже в 1787-м или 1788 г. — самое позднее"[658]. В подтверждение сказанного он говорит, что "22 июля 1784 г. лично обедал с господином Сен-Жерменом — настоящим адептом, а не с химиком, который, может быть, и умер. Живой же Сен-Жермен в настоящее время [то есть в 1785 г.] находится в Америке"[659].

Этейя больше не видел своего учителя, однако в 1790 г. он сообщает, что "алхимик, настоящий граф Сен-Жермен, ныне жив и здравствует"[660].

Что касается нашего гадателя на картах, он побывал в Лионе в самом начале 1789 г. и открыл 1 июля 1790 г. в Париже публичную бесплатную школу магии[661]. Стены французской столицы были покрыты огромными плакатами с объявлением этих курсов[662], и у него было достаточно последователей, чтобы жить безбедно.

Он умер 12 декабря 1791 г.[663]. Добавим лишь, что слава его в качестве цирюльника происходит от того, что он одно время, около 1790 г., жил на улице Шантр на четвертом этаже в доме парикмахера[664].

Перейдем теперь к другой проблеме, на этот раз библиографического свойства.

Если граф Сен-Жермен действительно является автором некоторого количества музыкальных произведений, которые были опубликованы, и рукописи о музыкальной технике, то нет уверенности в том, что он действительно является автором следующих, приписанных ему и восходящих, вероятно, к началу XVIII века, рукописей.

Первая рукопись называется "Священная Магия, явленная Мои[с] ею, найденная в египетском монументе, и бережно

сохраненная в Азии под девизом крылатого дракона"[665]. Данная рукопись составлена из знаков тайнописи, заключенных в треугольниках, и проиллюстрирована пятью кабаллистическими фигурами. Это ритуал церемониальной магии, дающий указания о том, как "сотворить три чуда": 1. Найти предметы, потерянные в морях со времен переустройства мира. 2. Обнаружить в недрах земли залежи алмазов, золота и серебра. 3. Продлить жизнь за столетие, сохраняя силу и здоровье. Затем обсуждаются манипуляции и экзорцизмы, способы вызывания духов, откровения. На втором титульном листе находится следующее указание, в треугольнике над крылатым драконом: "ex dono sapientissimi comitis Saint-Germain qui orbem terrarum percucurit" ("дана премудрым графом Сен-Жерменом, который объездил весь мир"). Такая дарственная надпись никак не гарантирует авторство Сен-Жермена, даже если иные утверждают, что данная работа является трудом "графа де Сен-Жермена, учителя Калиостро в масонстве"[666].

Вторая рукопись называется "Просвещенная триософия" и, согласно сноске на втором титульном листе, является "единственной в мире копией" этой работы, "которую граф Сен-Жермен уничтожил собственноручно в ходе одного из своих путешествий"[667]. Сноска подписана "Ж. Б.С. Филотом — автором нескольких работ". По нашему мнению, это не настоящая фамилия того, кто написал это замечание — скорее здесь идет речь о псевдониме[668]. Сама рукопись представляет собой книгу по каббалистической алхимии. В ней, в большом количестве, — записи на древнееврейском языке, слова, напоминающие арабские или даже санскрит, иероглифы, даже имитации клинописи. Вся символика книги выдержана в египетском стиле, как это было модно тогда[669]. "Верный синтетическому методу, использованному своими предшественниками, автор опирается на библейский текст о сотворении Космоса для того, чтобы объяснить принципы науки согласно традиции каббалистов"[670]. Многочисленные символы украшенного титула работы представляют краткое изложение герметической науки. Говорят, что данная рукопись была найдена в замке Сан-Анжело, в Риме, среди бумаг Калиостро (который был здесь заключенный)[671], солдатами Массена[672]. После смерти маршала, рукопись была приобретена третьим лицом, и затем подарена библиотеке города Труа[673].

Вернемся теперь к легенде и посмотрим, что же с ней делали писатели, сторонники или противники графа Сен-Жермена.

Депутат Генеральных Штатов Жан-Жозеф Мунье сообщает, что "Сен-Жермен ходил по масонским ложам, торгуя

бессмертностью, рассказывая, что он делал за несколько веков до этого. Он любил поражать людей удивительными рассказами, выдать себя за экстраординарного человека, обманывать тех. кто требовал от него чудеса"[674].

Согласно известному масону Буало, граф Сен-Жермен является одним из главарей берлинских Иллюминатов, вместе со Шрепфером и Калиостро. Эти трое ищут дураков, а не учеников[675].

Вот мнение известного масона Ф. Таставэна: "Знаменитый Сен-Жермен, иллюминат, организовал переворот 1762 г., в результате которого император Петр III лишился сначала престола, затем жизни"[676].

Госпожа Ленорман — известная гадалка времен Наполеона I — писала следующее: "Некоторые каббалисты утверждают, что знаменитый граф Сен-Жермен еще жив. Адепты этой герметической науки утверждают со всей серьезностью и убежденностью, что великий алхимик делает золото каждый день, проводит дни приятнейшим образом, путешествует то в одну страну, то в другую. У него нет определенного дома. Вселенная ему родина. Он посещает своих старых знакомых в виде подростка…". В сноске она добавляет: "Кабинет графа Сен-Жермена содержал самые редкие и странные вещи. Так же, как и Сократ, у него был домашний гений, а, по словам его воодушевленных сторонников, он должен родиться семь раз"[677].

Литератор Ж.Ф. Барьер заявляет со своей стороны: "Так же, как и все подобные ему шарлатаны, Сен-Жермен окружал себя наигранным величием и еще более обманчивым наукообразием. Фантасмагория ему служила как можно лучше. Оптическими эффектами он вызывал требуемых духов, которых почти всегда узнавали, и много людей свидетельствовало о его сношениях с потусторонним миром. Ту же роль он играл и в Лондоне, и в Венеции, и в Голландии, но всегда жалел о Париже, где его фокусы принимались с энтузиазмом"[678].

В своих мемуарах циник Казанова утверждает, будто "Сен-Жермен был мастером подчинять себе всех женщин. Ибо, давая им румяна и косметику, делающую их красивее, он обещал не омолодить их, — нет, он сознавал, что это ему не под силу, — а сохранить их в том состоянии, в котором они были на момент их встречи, посредством водички, якобы очень дорогостоящей, которую он им тем не менее дарил"[679].

Странное утверждение, первое в своем роде, мы нашли в работе, написанной под псевдонимом А. Ердан: "Достойные доверия люди говорили мне, что они слышали от Коссэна, будто он является воплощением Сен-Жермена"[680].

Менее экстравагантна мысль, высказанная писателем А.С. Пушкиным в одной из своих наилучших повестей — "Пиковая дама", — о том, что Сен-Жермен владел всего лишь секретом выигрыша в картах[681]".

То, что можно было бы назвать "шедевром" гадательного искусства Сен-Жермена, было сотворено из ничего писателем, который один из первых написал апокрифические воспоминания, а именно — барон Этьен-Леон де Ламот-Лангон. После написания так называемых приключений "Графа Сен-Жермена и Госпожи де Помпадур" "романист" продолжил в книге "Воспоминания графини д'Адемар о Марии-Антуанетте"[682], где можно прочитать "отредактированные" выдержки из "Хроники слухового окна", из "Воспоминаний" Казановы, госпожи де Оссет и пр.[683]. Сначала, желая завоевать доверие читателя, Ламот-Лангон обрушивается на своего собрата по перу Кузена де Куршан — автора ложных "Воспоминаний маркизы де Креки"[684]; Ламот-Лангон пишет от имени графини д'Адемар: "Я не согласна с госпожой де Креки о графе Сен-Жермене: она делает из него глупого шарлатана, мне же он показался хитрым и остроумным. Как разнятся наши суждения об одном и том же человеке! И это при том, что мы обе видели его"[685]. Далее мы читаем: "По правде сказать, я была все же ближе к нему, чем она. Он оставил мне странную рукопись, которую я, может быть, когда-нибудь опубликую, если события этому не воспрепятствуют"[686]. Вспомнив, видимо, что Кузен де Куршан опубликовал в "Воспоминаниях маркизы де Креки" предполагаемые выдержки из неопубликованных воспоминаний Калиостро, Ламот-Лангон не захотел оставаться в долгу[687].

"Шедевр" состоит из двух частей. Первый эпизод имеет место в районе 1775 г., сначала в Париже, в особняке графини д'Адемар[688]. Графиня одна дома, ее муж уехал к родственникам на юг Франции: "Дело было в воскресенье, в восемь часов утра". Прибыл граф Сен-Жермен и назвался графом де Сен-Ноэль[688].

"Появился граф. Он мне показался свежим, здоровым и даже помолодевшим. В свою очередь, он сделал мне комплимент, но я сомневаюсь, что он был настолько же искренним, насколько и я.

Я напомнила ему, что в лице покойного короля он потерял друга и покровителя.

— Я вдвойне сожалею об этой потере, за себя и за Францию.

— Страна с Вами не согласится, она ждет много хорошего от нового короля.

— Она ошибается: царствование будет трагичным.

— Что же Вы говорите? — сказала я. понижая голос и озираясь.

— Правду… Гигантский заговор образовывается, у него пока

нет видимого главаря, но скоро он появится. Они стремятся к тому, чтобы разрушить все существующее и построить заново на других основаниях. В опасности и королевская семья, и духовенство, и аристократия, и судьи. Однако пока еще можно раскрыть заговор. Позже — это будет невозможно сделать[690].

— Где же вы все это увидели? Во сне ли, или наяву?

— Отчасти благодаря собственным ушам, отчасти путем откровения. Повторяю, король Франции должен торопиться, время терять нельзя.

— Нужно попросить аудиенцию у господина де Морепа, сообщить ему ваши опасения, ибо он все может, ему король доверяет во всем.

— Он все может, я знаю, но не спасти Францию. Вернее, именно он и ускорит ее падение. Этот человек губит вас.

— Сказанного Вами достаточно, чтобы посадить Вас в Бастилию до конца дней Ваших.

— Я так говорю только тем друзьям, в которых я уверен.

— Добивайтесь все равно встречи с господином де Морепа, если он и неудачлив, у него самые благие намерения.

— Он откажется воспринимать очевидное, к тому же он меня ненавидит. Неужели Вы не помните тех глупых стишков, которые стоили ему изгнания? Маркиза де Помпадур узнала, что именно Морепа их написал, а он стал утверждать, что я у него украл оригинал и передал его этой гордой владычице[691]. За публикацией стишков воспоследовало его изгнание, и с тех пор он включил меня среди тех, которым собирается мстить. Он мне никогда не простит. Тем не менее я Вам предлагаю следующее: говорите обо мне королеве, о тех услугах, которые я оказал правительству, выполняя его поручения при различных дворах Европы[692]. Если ее высочество согласится принять меня, я ей открою то, что знаю. Тогда она решит, стоит ли мне встретиться с королем, без посредничества господина де Морепа — это мое непреложное условие.

Я внимательно слушала господина де Сен-Жермена и поняла, какие неприятности меня ждали, если впутаюсь в это дело. С другой стороны, я знала, насколько граф был в курсе европейской политики, и боялась, что упущу шанс послужить своей стране и королю. Догадавшись о моем замешательстве, граф Сен-Жермен сказал:

— Подумайте о моем предложении. Я в Париже инкогнито. Не говорите обо мне никому. Я буду ждать Вашей) ответа ровно в одиннадцать часов завтра в церкви Якобинцев на улице Сент-Оноре.

— Я бы предпочла видется с Вами у себя.

— С удовольствием, тогда до завтра.

И он ушел. Весь день я думала об этой встрече, напоминающей видение, и об угрожающих словах Сен-Жермена. Неужели мы приближались к разрушению общества, неужели нынешнее царствование, начатое под счастливым предзнаменованием, было чревато грозой! После долгих раздумий, я решила представить господина де Сен-Жермена королеве, если она на это согласится. Он пришел на нашу встречу вовремя и был рад моему решению. Я спросила, собирается ли он обосноваться в Париже, но он ответил, что его планы ему более не позволяют жить во Франции: "Пройдет целый век, — сказал он, — раньше, чем я появлюсь здесь вновь".

В тот же день госпожа д'Адемар съездила в Версаль, встретилась с королевой и рассказала ей то, что граф ей сообщил. Королева дала свое согласие на встречу, но при одном условии: "Я разрешаю привести его завтра в Версаль, переодетым в ливрею Ваших слуг. Он будет ждать в Вашем апартаменте, и как только я смогу его принять, я вас обоих вызову. Я послушаю его в Вашем присутствии — это мое непреложное условие".

"Господин де Сен-Жермен ждал меня у дверей. Как только он меня увидел, остановил мой экипаж, присоединился ко мне, и мы вернулись вместе ко мне в особняк. Он присутствовал на ужине, но, по своему обыкновению, ничего не ел. Затем предложил съездить обратно в Версаль: он будет спать в гостинице и присоединится ко мне завтра утром. Я согласилась, ибо стремилась ничего не упустить для благоприятного завершения дела.

Мы ждали у меня, в небольшом доме, который в Версале называется апартаменты, когда паж королевы пришел от ее имени за вторым томом книги, который она мне поручала привести из Парижа. Это был условный сигнал. Я передала пажу том какого-то новомодного романа и, как только он ушел, последовала за ним в сопровождении своего "лакея". Мы вошли через кабинет. Госпожа де Мизери повела нас в отдельную комнату, где ждала королева. Она встала с великодушной вежливостью.

— Господин граф, Версаль Вам знаком, не так ли?

— В течение двадцати лет я был близко знаком с покойным королем[693]. Он слушал меня с благосклонностью. Несколько раз он воспользовался моими талантами, и сдается, что он не пожалел об оказанном мне доверии.

— Вы просили госпожу д'Адемар привести Вас ко мне, она мне очень дорога, и я не сомневаюсь, что Ваши слова достойны внимания.

— Пусть мудрость королевы оценит то, что я сейчас скажу, —

начал граф торжественно. — Партия энциклопедистов хочет власть, чего она достигнет только при полном унижении духовенства, а это произойдет лишь при переустройстве королевской власти. Эта партия в поисках поддержки среди королевской семьи приглядела герцога Шартра. Эти люди воспользуются им, а затем предадут; когда он перестанет быть нужным. Ему пообещают корону, но лишь эшафот будет ему троном. Сколько зверств, сколько преступлений будут иметь место до этого справедливого дня! Законы не будут более защитой добропорядочных людей, не будут более пугать преступников. Последние захватят власть в свои обагренные кровью руки, они уничтожат католическую веру, аристократию, магистратуру…

— Таким образом, — с нетерпением вставила королева, — останется только королевская власть…

— И ее не будет!.. Будет кровожадная республика" скипетром которой будет служить топор палача.

При этих слов я не сдержалась и решилась прервать графа в присутствии королевы:

— Сударь, что же Вы говорите, опомнитесь. Вы же разговариваете с самой королевой!

— В самом деле, я не привыкла слушать подобные веши, — добавила взволнованная Мария-Антуанетта.

— Смелость мне придает только лишь серьезность положения, — сказал Сен-Жермен холодно. — Я сюда пришел не для того, чтобы выказывать Вашему Величеству мое почтение — Вам это, должно быть, надоело, — а для того, чтобы показать Вам, какие опасности подстерегают корону, если ничего не будет предпринято в самом скором времени.

— Как Вы, однако, прямы, — сердито сказала королева.

— Я в отчаянии от того, что неприятен Вам. Но сказать могу лишь правду.

— Говорят, что иногда правда выглядит неправдоподобно.

— Согласен с Вами, именно так. Позвольте напомнить Вашему Величеству о том, как Кассандра предсказала падение Трои и никто ей не поверил. Пройдут еще несколько лет обманчивого благополучия, затем отовсюду по всей стране появятся жаждущие мести, власти, денег люди, которые перевернут все на своем пути. Они найдут опору среди взбунтовавшейся толпы и некоторых вельмож, у всех закружится голова. Прогремит гражданская война, с ужасным шлейфом убийств, грабежей, изгнаний. Тогда пожалеют люди, что меня не послушались. Может быть, ко мне обратятся — но будет слишком поздно, гроза все унесет.

— Признаюсь, Ваши слова меня все больше удивляют, и если бы я не знала, что покойный король имел к Вам дружественные чувства… Вы хотели говорить с королем?

— Да, Ваше Высочество.

— Без посредничества господина де Морепа?

— Да, он — мой враг[694]. К тому же я рассматриваю его среди тех, кто поведет страну на грань гибели, не со злым умыслом, а в силу свей некомпетентности.

— Вы строго судите о человеке, которого толпа поддерживает.

— Он больше, чем премьер-министр, и поэтому окружен льстецами.

— Если Вы исключаете его из ваших сношений с королем, боюсь, что Вам не удастся дойти до его Высочества, ибо король ничего не решает без своего советника.

— Я нахожусь в распоряжении Ваших Высочеств столько, сколько Вам будет угодно. Но, не будучи Вашим поданным, любое послушание с моей стороны — лишь доказательство моей доброй воли.

К тому времени королева уже не была в состоянии долго обсуждать серьезные материи, поэтому она спросила графа, где он родился.

— В Иерусалиме.

— Как давно?

— Пусть Ваше Величество простит мне небольшое, широко разделенное суеверие: я не называю своего возраста, ибо это приносит несчастье.

— Что до меня, "Королевский Альманах" не позволяет мне кокетничать. Прощайте. Вам сообщат волю короля.

Это означало конец аудиенции. Мы вышли. По дороге ко мне граф сказал:

— Позвольте и с Вами проститься, я Вас покидаю, и надолго — я не собираюсь пробыть больше четырех дней во Франции.

— Что же побудило Вас так быстро уехать?

— Королева расскажет королю то, что я ей сейчас сказал. Людовик XVI, в свою очередь, передаст это господину де Морепа, и тот выдаст ордер на мой арест, лейтенанту полиции будет велено исполнить его. Я знаю, как это бывает, и вовсе не жажду оказаться в Бастилии.

— Какая Вам разница? Вы оттуда выйдете через замочную скважину.

— Предпочитаю не прибегать к чуду. Прощайте.

— А если король Вас пригласит?

— Я вернусь.

— Как Вы узнаете?

— У меня есть средство, не беспокойтесь об этом.

— А пока я буду скомпрометирована.

— Нет. Прощайте.

Он уехал, как только снял ливрею".

Спустя два часа госпожу д'Адемар вызвали к королю. Там же была и королева, слегка смущена. Король же улыбался. Он сказал господину де Морепа, что встреча состоится, если тот согласен. Успокоившись, госпожа д'Адемар возвратилась к себе. Прошло еще два часа, и к ней постучался господин де Морепа. Завязался разговор, и в это время открылась дверь — граф Сен-Жермен вошел, подошел к Морепа со словами: "Король призвал вас к себе для того, чтобы Вы дали ему хорошие советы, а Вы печетесь только о своем авторитете. Противясь тому, чтобы я встретился с королем, Вы губите монархию, ибо я могу посвятить Франции лишь ограниченное время, и когда оно истечет, я смогу вернуться сюда лишь спустя три поколения. Я сказал королеве все, что мне было дозволено сказать, королю же я сказал бы больше. Жаль, что Вы встали между Его Величеством и мной. Мне не в чем будет себя упрекать, когда ужасная анархия обрушится на Францию. Вам не суждено увидеть эти несчастья, но достаточно для памяти о Вас то, что Вы их подготовили… Не ждите от потомков уважения — Вы были легкомысленным и неспособным министром, и Вас отнесут к тем, кто губит империи".

Высказав все это, граф Сен-Жермен повернулся к двери, закрыл ее и исчез.

Господин де Морепа был минут десять в шоке, затем вновь овладел собой и, обращаясь к госпоже д'Адемар. сказал:

"Однако, каков наглец! Я сейчас кое-кому его отрекомендую".

Он позвал своих людей, распорядился схватить графа, но его и след простыл[695].

Второй эпизод "шедевра" имеет место спустя лет десять, в 1789 г. На этот раз нет предела чудесам "предсказательного" искусства графа. Ничего не забыто из того, что должно происходить в ближайшие сорок лет. Ретроспективность изложения и точность деталей и выдают вымысел.

Мы видим, как госпожа д'Адемар возвращается домой после гостей. Ей передают записку следующего содержания.

"Графиня, все пропало, солнце сегодня в последний раз зайдет при монархии, завтра уже ее не станет, будет хаос, анархия. Вы знаете, что я все предпринимал для того, чтобы повлиять на ход событий, но меня отвергли, сейчас слишком поздно. Я попытался познакомиться с работой Калиостро — это творение дьявола[696]: берегитесь, и я буду Вас охранять. Будьте

осторожной, и Вы будете жить после того, как буря все разрушит. Я борюсь с желанием увидеть Вас — о чем нам говорить? Вы станете просить меня сделать невозможное: ни для короля, ни для королевы я не могу ничего сделать, даже для герцога Орлеанского, который завтра будет торжествовать, но разом пройдет Капитолийский холм и окажется у Тарпейской скалы. Однако если Вам очень хочется встретиться с давним другом, приходите в восемь часов на службу в церкви Реколле, зайдите во вторую часовню справа.

С уважением к Вам….

граф Сен-Жермен".

"Прочитав это имя, которое я уже угадывала, я вскрикнула. Неужели он жив, ведь еще в 1784 г объявили о его кончине, и с тех пор ничего о нем не было слышно, и вот он появляется, и именно сейчас. Зачем же он приехал во Францию, неужели ему не суждено было умереть? Ведь я знавала стариков, утверждавших, что еще в начале века ему можно было дать сорок-пятьдесят лет.

Было уже около часа ночи, когда я читала это письмо. Встречу он мне назначил рано утром, и я легла. Спала мало, меня мучили ужасные сны, где увидела, сама не понимая этого, наше страшное будущее. К утру я встала еще более усталой, чем накануне, заказала у первого камердинера очень крепкий кофе, испила две чашечки, которые вернули мне силы. В полвосьмого я вызвала портшез и последовала в церковь Реколле в сопровождении верного слуги Ларош.

Церковь была пустая, Ларош я оставила на часах и зашла в нужную часовню. Едва я успела сосредоточиться в молитве, как появился человек. Это был он, собственной персоной. Лицо его было таким же, что и в 1760 г., тогда как на моем были морщины и прочие следы старости. Я была поражена. Он же мне улыбнулся, подошел, взял мою руку и галантно поцеловал ее; я была столь удивлена, что не остановила его, несмотря на святость этого места.

— Вы здесь? Откуда же?

— Я был в Китае и в Японии.

— Скажите лучше — с того света.

— Разница невелика. Поверьте, госпожа, там не лучше. Что же стало с монархией Людовика XIV! Вы этого не видели, Вы не можете сравнить, но я…

— Ловлю Вас на слове, Вы — человек прошлого.

— Всем известна история его царствования. А кардинал Ришелье, если бы он вернулся… он бы сошел с ума! Неужели каналья должна царствовать? Я же Вам говорил, и королеве

говорил, что господин де Морепа все погубит, потому, что все компрометирует. Я был Кассандрой, пророчествовал беду — а что с вами стало?

— Ваша мудрость оказалась невостребованной.

— Кто посеет ветер — бурю пожнет. Иисус сказал это в Евангелии, после меня, быть может, но именно его слова, а не мои были записаны, вот они и остались.

— Опять… — сказала я, пытаясь улыбнуться. Но он мне не ответил и продолжил:

— Я писал Вам об этом — я ничего не могу, мне руки связал тот, кто сильнее меня — бывают моменты, когда можно дать обратный ход. другие же, когда решение оглашено и надо его выполнять, — сейчас наступает именно такое время.

— Увидите ли Вы королеву?

— Нет, она обречена.

— Обречена! К чему?

— К смерти!

Тут я не смогла сдержать крик, встала, оттолкнула руками графа и сказала дрожащим голосом:

— И Вы о том же! ВЫ! Тоже!

— Да, я, так же, как и Казот.

— Значит, Вы знаете.

— Знаю даже то, о чем Вы не подозреваете. Вернитесь в замок, идите к королеве, скажите ей, пусть она будет осторожной — сегодняшний день может быть для нее роковым, есть заговор, замышляется убийство.

— Ваши слова наполнили меня ужасом, но ведь граф д'Эстэн обещал…

— Он испугается и спрячется.

— А господин де Лафайет?…

— Он надутый пузырь, в данное время решается — быть ли ему орудием или жертвой. В полдень все будет решено.

— Вы бы могли оказывать великую услугу нашим правителям, если бы Вы этого хотели.

— А что, если я этого не могу?

— Как?

— Да, не могу. Насколько я понимаю, меня не слушают. Час отдыха прошел, решения Провидения должны быть исполнены.

— Чего же они хотят?

— Полного уничтожения Бурбонов. Их изгонят ото всюду, где они царствуют, и меньше, чем за столетие они станут вновь простыми гражданами, в различных отраслях.

— Что станет с Францией?

— Королевство, республика, империя, государство

смешанное, замученное, взволнованное, разорванное. Франция перейдет от хитрых тиранов к бездарным карьеристам. Ее будут делить, резать, рвать на куски. Я не играю словами — скоро повторится то, что было при падении Рима. Гордость будет торжествовать, из гордости же отменят знаки отличия, не из благих побуждений — нет, из тщеславия. Из тщеславия же их восстановят. Как дети играют в куклы и в войну, французы будут играть в титулы, в должности, в ордена. Все, вплоть до фурнитуры Национальной гвардии, станет им побрякушкой. Люди с непомерным аппетитом съедят все кредиты. Сегодня делают революции из-за пятидесятимиллионного дефицита, а при диктатуре филантропов, горе-ораторов, долг государства составит несколько миллиардов.

— Вы страшный пророк. Когда увижу я Вас вновь?

— Вы меня увидите еще пять раз, дай бог шестого не будет.

Признаюсь, у меня не было желания продолжать такой торжественный, мрачный, пугающий разговор. Присутствие графа Сен-Жермена давило мне на сердце тяжким грузом, как страшный сон. Как мы меняемся с возрастом, с каким безразличием, иной раз с каким отвращением мы видим тех, кто раньше нам нравился. В тот момент я находилась в таком положении, к тому же меня беспокоила опасность, в которой королева находилась. Я не стала настаивать — может быть, если его упрашивать, граф пришел бы к королеве. После небольшого молчания, граф добавил:

— Я Вас больше не задерживаю, город уже неспокоен. Как Аталия[697], я просто хотел посмотреть. Сейчас я сяду в дилижанс и отправляюсь в Швецию. Там готовится тяжкое преступление, которое я постараюсь предотвратить: меня интересует Его Величество Густав III, он стоит больше, чем молва говорит.

— И он находится под угрозой?

— Да. Нельзя больше говорить "счастливый, как король" н особенно нет — "как королева"[698].

— Прощайте же, граф. Право, я бы предпочла ничего не знать.

— Такова судьба тех, кто открывает людям правду: шарлатанов приветствуют, а тем, то говорит то, что будет, выражают лишь презрение. Прощайте, мадам, и до свидания.

Он ушел, и я осталась, погруженная в глубокие думы, в нерешительности — должна ли я рассказать королеве об этой встрече? Я решила подождать до конца недели, и если она будет богата печалями — промолчать. Наконец я встала, спросила у Ларошa, увидел ли он графа Сен-Жермена, когда тот прошел.

— Какой граф? Министр?[699]

— Нет, этот уже давно умер. Другой.

— А, тот хитрый фокусник! Нет, не видел. Что ли Ваше сиятельство с ним встретилось?

— Он только что вышел, он прошел мимо Вас.

— Наверное, я отвлекся, я его не заметил.

— Быть такого не может, Вы меня разыгрываете.

— Чем хуже становятся времена, тем больше я испытываю к вам уважения!

— Как можно, неужели он не проходил эту дверь?

— Я этого сказать не могу, просто я его не заметил.

— Наверное, он сделался невидимым, ничего я не понимаю"[700].

Для того чтобы придать своему "творению" больший размах, Ламот-Лангон утверждал, что он нашел прикрепленную к "оригиналу" своей рукописи записку, написанную рукой самой госпожи д'Адемар, датированную 12 мая 1821 г., с указанием времени пяти остальных встреч с "невидимкой": "Я виделась с графом Сен-Жерменом, каждый раз к моему великому изумлению, в день убийства королевы[701], незадолго до 18 брюмер[702], на следующий день после смерти графа Энгиенского[703], в январе 1815 г.[704], и накануне смерти графа де Бэрри[705]. Бог решит о времени следующего визита"[706]. Ламот-Лангон попытался укрепить гипотезу о долгожительстве графа, рассказав о разговоре между госпожой д'Адемар и графом де Шалоном, в Париже. "Вернувшись из своего посольства в Венеции, в 1788 г., последний сказал мне, что встретился с графом Сен-Жерменом на площади Сан-Марко, накануне своего отъезда отсюда в Португалию"[707]. Граф де Шалон действительно был представителем Франции в Венеции начиная с 1786 г.[708]. Однако он уехал из Италии в начале 1789 г. и был заменен маркизом де Бомбелль, которого де Шалон сменил в Лиссабоне[709].

Без всякой связи с гипотезой Ламот-Лангона немецкий ученый-библиограф и биограф Е.М. Эттингер издал следующий удивительный рассказ: "В 1835 г. я находился в Париже. Было воскресенье, и по обыкновению я сходил в салон Жюля Жанэна, на улице де Турнон, дом 8[710]. Было около восьми вечера, я находился в бильярдной, когда зашел человек, внешне ничем особо не выдающийся.

— Кто же это? — спросил я у подруги Жанэна.

— Человек, о котором Вы наверняка слышали, настоящее явление — во всех смыслах этого слова.

— Я сгораю от любопытства…

— Этот человек — знаменитый граф Сен-Жермен.

Я так испугался, что выронил бильярдный кий.

— Мне же говорили, что граф умер в Шлезвиге около 1780 г.
— Должно быть — ошибка. Этот человек вообще не умирает.
— Кто это говорит?
— Он сам.
— И вы в это верите?
— Я верю всему и ни во что"[711].

В 1846 г. венский писатель Франц Грэффер опубликовал странный рассказ о встрече своего брата Рудольфа с графом Сен-Жерменом в Вене между 1788-м и 1790 г. Самое странное — это то, что Грэффер ждал больше 50 лет для того, чтобы поведал" об этой встрече. "Однажды прошел слух, что граф Сен-Жермен, самый таинственный и непонятный человек, находится в Вене.

Среди всех, кто был с ним знаком, прошел как будто удар током. Наш кружок адептов в трансе — Сен-Жермен в Вене! Как только Р. Грэффер оправился, он поспешно отправился в Хиниберг. где, в деревенском доме, хранил свои документы. Среди них находится рекомендательное письмо для Сен-Жермена от гениального авантюриста Казановы, с которым ему довелось встретиться в Амстердаме[712]. Затем Грэффер поспешно же возвратился в контору. Тут его информируют о том, что час назад приходил к нему человек, внешний вид которого всех удивил. Он был ни высоким, ни низким, очень пропорционально сложенным, и носил на себе печать бесспорного благородства… Сказал он по-французски, как будто для себя и не заботясь о присутствующих: "Я проживаю в Федальхофе, в комнате, которую занимал Лейбниц в 1713 г.". Ушел он раньше, чем кто-либо успел слово сказать. С тех пор мы, как видите, как будто окаменели…"

Пять минут спустя они были в Федальхофе, но комната Лейбница была пуста. Никто не знал, когда "американский джентльмен"[713] вернется. Не было следов багажа, кроме небольшого металлического сундука. Время близилось к ужину. В голове Грэффера сидела мысль о том, что нужно сходить к барону Линдену. Встретившись в "Энте", они вместе отправились на Ландштрассе[714], куда их торопило смутное предчувствие.

"Лаборатория была открыта, и они вскрикнули одновременно: Сен-Жермен сидел за столом, мирно читал большую книгу Парацельса. Они стояли на пороге и молчали. Таинственный гость медленно закрыл книгу и также медленно встал. Те прекрасно знали, что именно "чудесный человек" им явился. Описание служащих конторы лишь отдаленно напоминало действительность. Как будто величественная аура окружала его целиком. От него исходило и держалось в воздухе царственное достоинство. Оба мужчины стояли в молчании. Граф пошел им навстречу, и они зашли. Затем простыми словами, без

формальностей, удивительно гармоничным и звучащим в глубине души тенором, он сказал Грэфферу по-французски: "У Вас для меня рекомендательное письмо от господина де Сейнгалта"[715]. В этом нет нужды. Этот господин — барон Линден. Я знал, что вы оба будете здесь сейчас. У вас есть второе письмо для меня из Брюля. Но художника спасти нельзя — легкое задето. Он умрет 8 июля 1805 г.[716]. Человек, который сейчас лишь ребенок и которого зовут Буонапарте, будет тому косвенно виной. А теперь, господа (я знаю, к чему вы стремитесь), чем могу быть полезным? Говорите".

Но говорить мы не могли. Тогда Линден выдвинул небольшой столик, достал из шкафчика сладости, поставил их перед гостем и спустился в подвал.

Жестом граф усадил Грэффера, уселся сам и сказал: "Я знал, что Ваш друг Линден выйдет, он вынужден был это сделать. Я хочу услужить Вам одному. Я знаю Вас от Анжело Солимана, которому я оказал услугу в Африке. Если Линден вернется, я его вновь отправлю". Грэффер пришел в себя, но, тем не менее, был слишком шокирован, чтобы ответить иначе чем: "Я понимаю, у меня есть предчувствие".

Между тем Линден вернулся и поставил две бутылки на стол. Сен-Жермен улыбнулся с невыразимым благородством. Линден предложил освежиться. Улыбка графа превратилась в смех.

— Скажите мне, — сказал он, — есть ли на Земле человек, который видел бы, как я ем или пью? — и. указывая пальцем на бутылку, — этот токай не прямо из Венгрии: он послан моей подругой, российской Екатериной Великой. Ей так понравились картины больного художника[717] о битве при Медлинге, что она ему прислала целую бочку этого вина.

Грэффер и Линден были в изумлении: вино было куплено у Казановы[718].

Граф попросил принести все для того, чтобы писать, что Линден и сделал. "Чудотворец" разрезал лист бумаги на две одинаковые части, поставил их рядом, взял перо в каждую руку и стал писать одновременно двумя руками по полстраницы, расписался, и сказал: "Вы собираете автографы — вот два одинаковых текста!". Друзья воскликнули: "Волшебство", ибо оба почерка были абсолютно идентичными: разницы никакой не было.

Граф улыбнулся, наложил оба текста друг на друга и приставил их к окну: казалось, здесь был только один лист — экземпляры были настолько же похожими, насколько могут ими быть два оттиска одной гравюры. Изумленные свидетели молчали[719].

Граф сказал: "Я хотел бы, чтобы один из этих листов был передан как можно скорее Анжело. Через пятнадцать минут он выйдет вместе с князем Лихтенштейном; посыльному будет передана маленькая шкатулка.

Постепенно граф принял торжественный вид. В течение нескольких секунд он был твердым как статуя. Его неизменно живые глаза стали тусклыми, без огня и цвета. Вскоре он снова ожил. Рукой он обозначил свой уход, затем сказал: "Ухожу. Вы меня увидите еще раз. Завтра ночью я уеду. Я крайне нужен в Константинополе, затем в Англии, чтобы подготовить два открытия, которыми будут пользоваться в будущем — железные дороги и паровую машину. Они понадобятся Германии. Постепенно времена года будут меняться, сначала весна, затем лето. Именно постепенная остановка времени обозначает конец цикла. Я все это вижу. Поверьте, ни астрологи, ни метеорологи ничего не знают. Нужно учиться в пирамидах, как я это делал. К концу века я исчезну из Европы и уеду в пределы Гималаев. Я буду там отдыхать: мне нужно отдохнуть. Ровно через восемьдесят пять лет люди вновь вспомнят обо мне. Прощайте, я вас люблю…"

Торжественно сказав эти слова, граф повторил знак рукой, а оба адепта, опустошенные силой дотоле неизвестных впечатлений, вышли из комнаты в неописуемом смятении. В то же время начался сильнейший ливень, прогремел гром. Не думая, они вернулись в лабораторию, чтобы спрятаться от дождя, открыли дверь — Сен-Жермена там больше не было…[720]

По поводу долгожительства графа Сен-Жермена Коплен де Планси придумал следующую сцену: "Однажды, когда он рассказывал, что хорошо знавал Понтия Пилата в Иерусалиме, он описал подробно дом римского наместника и начал перечислять блюда, поданные к столу в один из тех вечеров, когда Сен-Жермен у него ужинал. Кардинал де Роан[721], подумав, что все это бредни, обратился к камердинеру графа, седому старику с честным лицом:

— Друг мой, мне трудно поверить тому, что говорит Ваш хозяин. Может быть, он и в самом деле чревовещатель, я могу согласиться и с тем, что он делает золото. Но тому, что ему 2000 лет и что он виделся с Пилатом, нет, этому верить не могу. Вы там тоже были?

— Нет, что вы, Ваше Высокопреосвященство, — ответил прямо слуга, я всего лишь около 400 лет служу господину графу[722].

Так же, как это делал Ф. Баррьер, преп. Леканю захотел увидеть в графе Сен-Жермене человека, вызывающего духов

подобно Шрепферу. Вот что он описывает: "Сказывают, что в доме графа происходили странные вещи, которые сеяли страх у публики. Говорили, что по просьбе тех, кто был достаточно смел, он вызывал духов, которых всегда узнавали. Иногда он запрашивал ответы на вопросы о грядущем у подземных голосов, которые были отчетливо слышны, если приложить ухо к паркету таинственной комнаты. Некоторые предсказания сбылись-де, и для многих не было сомнения в сношении графа с миром иным"[723].

Среди анекдотов, где графу приписывают различные способы "омоложения" придворных дам, этот переходит всякие рамки: "Если дуэнья настаивала на том, чтобы он немедленно омолодил ее и мигом сделал из нее богиню, он говорил: "Что же, пейте вот это" — и протягивал флакончик с чистой водой, удостоверившись при этом, что поблизости не было зеркала. Спустя несколько минут раздавались шаги в прихожей и входил молодой маркиз со словами: "Ах это вы, мадемуазель".

Услышав слово "мадемуазель", семидесятилетняя маркиза была на вершине блаженства, маркиз — сообщник графа — восторгался, изливал комплименты. И когда маркиза горевала, что у нее нет зеркала, ей подносили искусный портрет молодой девушки. Получив сполна за услуги, Сен-Жермен исчезал, чтобы повторять все это в другом месте"[724].

Господин Ле Куте де Кантеле, человек, заверяющий, что он свои сведения имеет из достоверного источника, а именно — из рукописей князя Гессенского (!), рассказывает, что "при своих таинственных появлениях граф Сен-Жермен часто прибегал к помощи магического зеркала, которому он отчасти обязан своей репутацией. Известно, что он показал Людовику XV судьбу его детей в одном из этих магических зеркал, секрет которых наука еще не разгадала, и король отпрянул в ужасе, увидев образ обезглавленного дофина"[725].

Это, конечно, новая информация. Но поскольку мы не можем ее проверить (Людовик XV ничего не сказал и не сделал по этому поводу), нам придется считать ее такой же фантастической, как и мысль, высказанную Эрнестом Капендю в его романе "Граф Сен-Жермен", опубликованном в 1865 г. Некий молодой человек, желающий отомстить за смерть своих родителей, принимает образ то знаменитого бандита Пулайе, то более благородного персонажа — графа Сен-Жермена. Действие происходит в 1745 г.[726].

Дошла очередь рассказывать о Т.П. Барнуме — знаменитом американском устроителе спектаклей, у которого тоже было что сказать о графе Сен-Жермене. Вот что мы узнаем: "Он утверждал,

что родился в Халдее, в начале веков, и что он единственный наследник забытых наук и таинств своего и египетского народов. Еще более удивительными были его предсказания, и доподлинно известно, что он предсказал время, место и обстоятельства смерти Людовика XV за несколько лет до того, как это произошло. Его память была удивительной. Прочитав однажды газету, он мог свободно пересказать все ее содержание, от начала до конца. К прочим способностям относится и его умение писать обеими руками каллиграфическим почерком. Он мог, например, писать любовное письмо правой рукой, а левой переписывать стихи, и это с большой легкостью…

К тому же граф впадал иногда в каталепсию, приступы длились от нескольких часов до нескольких дней, и он утверждал, что в это время посещал отдаленные регионы земли, а то и самые дальние звезды. Он рассказывал с удивительной убедительностью о том, свидетелем чего он там был"[727].

Примерно в 1869 г. легенда о графе на некоторое время отходит от "оккультной" тематики и приобретает "масонские" черты.

Так, голландский писатель Ван Сипестейн утверждает: "Вне всякого сомнения граф Сен-Жермен был членом ложи Мартинистов, считается даже, что маркиз Сен-Мартен поручал ему создать такую же ложу в Гааге, но Сен-Жермену это не удалось"[728].

Прошло 18 лет. В 1884 г. за подписью А.В. д'Эльб был опубликован в веймарской газете "Дер Гартендаубе" рассказ, действие которого происходит между 1775-м и 1778 г. "Карл-Август [герцог Веймарский] направился к ландграфу Гессенскому Адольфу Филиппсталь-Баршфель. Сен-Жермен там присутствовал и был представлен герцогу. Он был очарователен, и после ужина герцог спросил ландграфа:

— Сколько лет графу?

— Об этом ничего доподлинно неизвестно, — ответил Баршфельд. — Факт тот, что граф знает подробности, которые доступны только современнику тех событий, о которых он рассказывает. Здесь в Касселе принято с уважением слушать его и ничему не удивляться. Граф не хвастает, он не болтун и не нахлебник, этого приятного в общении человека всяк рад у себя принимать. Наш хозяин — ландграф Фридрих II — его не очень любит и называет в шутку утомительным моралистом. Но он связан со многими знаменитыми людьми, и сам оказывает огромное влияние на других. Карл — ландграф Гессенский, мой кузен, к нему очень привязан. Они вместе трудятся в масонстве и в других темных науках. Лаватер посылает к нему отборных

людей[729]. Он умеет говорить разными голосами, как бы из разных мест. Он может имитировать любой, кажется, почерк. Говорят, духи ему прислуживают. Он врач и геолог. О нем также говорят, что он продлевает жизнь.

[По возвращении в Веймар] герцог зашел в гости к графу Герц[730], о котором он знал, что тот враг и противник Гёте. Поэтому герцог тогда поспешно принял сторону гофмаршала Герца.

Герц принял этого неожиданного гостя с некоторой обреченностью, но когда понял, что герцог не намеревается говорить о Гете, его лицо прояснилось. Наконец, герцог сказал с некоторым смущением:

— Дорогой маркиз! В начале мая я встретил интересного человека у ландграфа Баршфельда, и мне хотелось бы продолжать это знакомство. Речь идет о некоем Сен-Жермене, графе, проживающем в Касселе. Напишите, пожалуйста, этому господину, и любезно пригласите его сюда.

Герц обещал исполнить это желание как можно скорее и лучше. Когда герцог ушел, Герц сел за стол и написал следующее:

"Торжествуйте, дорогой граф, Ваше знание людей и Ваша ловкость одержали победу. Как Вы и предсказали, наш хозяин был Вами очарован и просит меня настоящим пригласить Вас прийти к нему, ко двору.

Вы действительно гениальный человек, а его проклятый любимец, этот плебей, пошатнулся… Еще немного, и этому вмешавшемуся в наши дела франкфуртскому адвокату[731] поставят мат. Захотите ли Вы открыто сражаться с ним уже сейчас, или Вы предпочтете остаться пока не узнанным и сначала провести рекогносцировку поля будущего сражения? Ставьте одну-две мины, где надо, и не показывайтесь, пока он не будет полностью сражен. Тогда Вы займете его место с большим правом и возможностями.

Оставляю этот вопрос на Ваше рассмотрение. Вы можете полностью полагаться, как и прежде, на меня и на небольшую группу верных аристократов, среди которых есть такие, которых Вы сможете более тесно к себе приблизить, если Вам заблагорассудится.

Ваш искренне
граф Герц, гофмаршал".

Вот и ответ графа Сен-Жермена:

"Дорогой граф!

Я готов присоединиться в мыслях к Вам и Вашим товарищам, я благодарен Вам за Ваше выступление в мою пользу. Я этим

воспользуюсь позже.

Пока я обещал заехать в Ганау для встречи с ландграфом Карлом у его брата[732] и трудиться вместе с ним над системой "Строгого Послушания", той реформы масонского ордена в сторону аристократизма[733], в которой и Вы заинтересованы[734].

Ландграф для меня — дорогой и симпатичный покровитель, и. даже не будучи царствующим, пользуется прямо-таки княжеским положением в Шлезвиге в качестве атташе датской службы. В любом случае, перед тем как окончательно встать на его сторону, я приеду к Вам в Веймар и освобожу Вас от ненужного гостя, оценю обстановку. Возможно, я предпочту сделать это инкогнито.

Отрекомендуйте меня своему хозяину, обещайте ему что приеду очень скоро.

Во имя осторожности, молчания и мудрости, приветствую Вас.

Ваш Сен-Жермен"[735].

Рассказ, достоверность которого кажется более чем сомнительной[736], получил отклик во Франции. На следующий год журналист Эдуар Дрюмон высказал свою версию: "Таинственный граф Сен-Жермен путешествовал из одного города в другой, распространял таинственный пароль, скреплял Ложи между собой, подкупал всюду тех, кого можно купить, будоражил умы чудесами или ерундой, высказанными с невозмутимым спокойствием"[737].

Жюль Дуанель — хотя и анонимно — "раскрыл" оригинальным способом "масонскую" роль, приписанную Сен-Жермену[738]: "Есть самые веские основания полагать, что граф Сен-Жермен был одним из самых могущественных эмиссаров сатаны. Он исчезал так же легко, как и появлялся, мог сделаться невидимым. Его видели одновременно в разных местах. Несмотря на предпринятые расследования, никто не смог узнать ни его возраст, ни его родину, ни место его смерти. Дальше — больше: его видели в Египте во время экспедиции Бонапарта, и пули его не достигали".

"Когда однажды спросили его, сколько ему лет, он сказал, что был знаком с Иисусом Христом. Можно к этому относиться как к хвастовству, шарлатанству. Однако когда он сказал, что знавал Юлия Цезаря, он привел такие детали, что историки оказались в тупике. Он привел эти детали так, что лишь исследования последних лет смогли это проверить. Он описал внутренние помещения катакомб с большой точностью. Об Индии, тогда совершенно неизвестной, он привел яркие и неожиданные

данные, которые затем были подтверждены прекрасными открытиями ученых Анкетиль-Дюперрона и Бюрну-фа. Все это могло быть объяснено либо тем, что он видел все то, о чем говорил с такой непоколебимой уверенностью, либо тем, что он был хранителем непрерываемой и математически точной традиции, во что труднее поверить, чем в возможность делаться невидимым".

Далее мы читаем:

"Фигура графа Сен-Жермена выделяется в мире оккультизма умирающего XVIII века. Когда он появился, все, что было враждебно церкви и монархии, ополчилось вокруг него. Ложи стали размножаться, Иллюминаты кишеть. Месмер, Сен-Мартен, Пюисегюр, Калиостро, Вейсгаупт, Казотт — вот какие черные звезды крутятся вокруг этого инфернального солнца. Он распространял пароль среди масонов, устраивал ритуалы, обряды посвящения, организовал женские ложи, закабалил аристократов в цехах Хирама. Самое главное — он готовит революцию, посещает стареющего Вольтера, помогает Жан-Жаку Руссо, руководит Нэжоном и Дидро, просачивается в салоны, запускает в них дух поиска вожделений и негативизма, просачивается и во двор, где он пробует свои чары над всеми, добирается до королевы, подсказывает ей ту бездумную легкомысленность, которая станет для нее гибельной. Появляющийся то туг, то там. граф Сен-Жермен остается неразрешимой загадкой для тех, кто его видел и слышал, но не для нас. Это человек, которым водит Сатана, а может быть даже — это сатанинский дух, посланный им в Европу с заданием. С момента его появления оккультизм стал расширяться. Когда он исчез, прогремела революция".

Видимо, лишь один человек в Германии знал его подлинное лицо: это был Вейсгаупт. Он говорил с ним с религиозным подобострастием. Он писал ему, как божеству[739].

По всей видимости, лишь один человек во Франции знал его подлинное лицо: это был Калиостро. Известно, как он простирался перед ним. Он слушал его, как оракула[740].

Спустя несколько лет легенда о Сен-Жермене, готовящем французскую революцию, была снова раздута эрудитом, автором "Эссе о проклятых науках", Станислав Гуаита. Он заявил без каких-либо доказательств, что "Сен-Жермен тихо организовал то, что станет шумными клубами, нескончаемым золотым потоком питал будущий бунт, который силой свергнет королевскую власть"[741].

В работах фельетониста Эмиля Коломбэ зазвучала музыкальная нота. Опираясь на два текста, "Воспоминания и портреты" герцога Левиса[742] — с одной стороны, "Воспоминания"

барона Глейшена — с другой, он перефразирует их таким образом: "Однажды Сен-Жермен посетил госпожу де Маршэ. Едва он вошел, как кинул шляпу и шпагу на мебель, сед за рояль и исполнил пьесу, которая всем очень понравилась. Его спросили, как зовут автора:

— Не знаю, — сказал он. — Могу сказать лишь то, что я услышал этот марш при вступлении Александра Македонского в Вавилон[743].

Отметим также среди произведений того же времени пьесу Эмиля Бержера "Помпадур", где граф Сен-Жермен играет эпизодическую роль наряду с Гэем, гравером по драгоценным камням короля. Там есть и такая сцена: граф выпрашивает жемчужину у госпожи де Помпадур, растворяет ее и читает будущее на такой необычной "кофейной гуще"[744].

На следующий год, 13 июня 1893 г., писатель Жюль Буа в своем выступлении в зале Капуцин говорил об "эликсире бессмертия" графа Сен-Жермена.

Несколько лет спустя Анри д'Альмерас писал: "В тех салонах, где он бывал, граф Сен-Жермен не делал тайны из эликсира бессмертия, благодаря которому он достиг удивительного долголетия. В тех Ложах, где его принимали, он иногда раздавал крошечные флакончики этой жидкости, эффект которой, по слухам, был чудесным"[745].

Чуть раньше автор книги "В стране духов", рассказывая о сеансах магии, которые были в моде в Англии около 1860 г., сообщает, что большинство английских последователей магии строго выполняли магические ритуалы, "повторяли формулы, о которых говорили, что они исходят от магов Египта и Халдеи, и которыми пользовались знаменитые мистики, такие, как Фома Аквинский, Альберт Великий, Нострадамус, граф Сен-Жермен и др."[746].

Между 1904-м и 1920 г. писатели мало затрагивали тему о графе. Отметим лишь Анри Фабра, который в автобиографическом эссе не побоялся написать о "…движении великого копта, величественном и чудесном маскараде, который во Франции представлен был Калиостро и которым руководил и режиссировал знаменитый граф Сен-Жермен"[747].

Основываясь на фантастических данных, Клод Фаррер изображает графа волшебником, обладателем секрета долголетия в современной трактовке[748].

В опубликованной в 1920 г. работе Октава Белиара мы находим уже известные нам вещи, интерпретация которых, однако, удивила нас: "В течение десяти лет граф Сен-Жермен удивлял двор изяществом, красноречием и красотой. Что больше

всего удивляло, и ради чего Людовик XV и госпожа де Помпадур захотели с ним познакомиться, было то, что он утверждал, что жил несколько раз, и помнит свои предыдущие жизни… В 1760 г. неожиданным образом он покинул Париж и направился в Лондон удивлять лондонцев… Некоторые авторы утверждают, что он спасался бегством от мести Иллюминатов, тайны которых он якобы предал. Фактом остается то, что он вдруг исчез из всех своих домов, и ходили самые разноречивые слухи о его смерти. Есть авторы, которые утверждают в своих воспоминаниях, что он был убит розенкрейцерами в замке Рюель…"[749].

В книге Рейнер-Мариа Рильке, из тех нескольких страниц, что он посвятил графу, мы также ничего нового не узнали[750].

Наше повествование доходит до 1928 г. Русский конферансье Мекк ничего нового, кроме банальностей, не открывает: "Своими бесспорными способностями, как-то: чтение чужих мыслей или предсказания будущего, граф Сен-Жермен производил глубочайшее впечатление… Жаль, что такой человек счел нужным смешивать науку и шарлатанство. Оно сводилось к тому, что он производил впечатление на людей, которые становились более восприимчивыми. Шарлатанство его заключалось в том, что он заставлял людей верить в вещи, в которых ложь перемешивалась с правдой"[751].

Наш покойный друг, писатель Морис Магр. сообщил интересную информацию, взятую из журнала "Голубой Логос"[752]: "Наполеон III был заинтригован всем, что он услышат о замечательной жизни графа Сен-Жермена и поручил одному из библиотекарей собрать все, что было доступно о нем в архивах и документах конца XVIII века. Работа была выполнена, и папка, содержащая огромное количество различных документов, была отдана на хранение в библиотеку префектуры полиции.

В 1870 г. случилась война, затем Коммуна, и часть префектуры, в которой находилась папка, сгорела"[753].

Среди писателей последних десяти лет можно цитировать итальянского автора Джованни Папини, который рассказывает в автобиографическом романе о своей встрече с Сен-Жерменом: "Тог (автор) находился на борту парохода "Prince of Whales", направляющегося в Бомбей. Однажды, ночью, он столкнулся с мужчиной лет пятидесяти, внешность которого его взволновала. Это был Сен-Жермен, который признался, что ему порядком надоела его длинная жизнь". Все бы ничего, но Дж. Папини добавляет, что "он родился в первые годы XIV века, достаточно рано, чтобы успеть познакомиться с Христофором Колумбом"[754]. Вот неожиданные детали. Другой писатель, француз, мистик Седир, никаких сенсационных откровений не делает: "Среди

посланцев, принадлежавших, видимо, к ордену Розенкрейцеров, нужно упоминать и знаменитого графа Сен-Жермена. Его путешествия, политические поручения, с которыми он ездил в Россию, в Амстердам, в Лондон, в Париж, чудесные секреты, держателем которых он, кажется, был — все это будоражило воображение людей"[755].

Робер де Шавело и Робер Мажери возвращают нас к россказням: первый придумал как, после эксгумации, оживить Сен-Жермена — "Великого невидимку, главу Иллюминатов Востока" — и заставил своего "героя" пережить новые невероятные приключения[756], второй же вкладывает в уста графа такие слова, к которым этот элегантный господин явно не был приучен[757].

Пьер Жеро, со своей стороны, лишь повторяет привычные слухи: таинственный граф Сен-Жермен был розенкрейцером, он был элегантным, остроумным любимцем салонов. Его возраст был неопределенным, поскольку он знавал Христа и, как упоминал Вольтер, "когда-то ужинал в городе Тренте вместе с участниками Собора". Он, кстати сказать, до сих пор находится в Венеции в палаццио на берегу Большого канала[758].

Последнее утверждение не просто шутка журналиста, как могло показаться, и в следующей главе мы подробно рассмотрим то, что можно называть хроникой "Учителя" теософов[759].

Вторая глава
"УЧИТЕЛЬ" ТЕОСОФОВ

Читатель помнит отрывок из "Коротких венских воспоминаний" Ф. Грэффера, опубликованных в 1846 г., где указывалось, что граф Сен-Жермен уехал отдыхать "куда-то в Гималаи". Уже в 1877 г. мы находим несколько строк, принадлежащих перу Елены Петровны Блаватской — основательницы Теософского общества, которые могли бы иметь отношение к нашей истории: "Кто в Индии не слыхал о Хутухту… столице Верхнего Тибета? Его братство Хе-Лан прославилось на всю страну, и одним из наиболее знаменитых "братьев" был пелинг (англичанин), который однажды в первой половине этого века прибыл с Запада; он был убежденный буддист и после месячной подготовки был принят в хеланы. Он говорил на всех языках, включая тибетский, знал все науки, — гласит традиция. Его святость и творимые им феномены послужили причиной тому, что он был провозглашен шабероном по истечении лишь нескольких лет. Память о нем живет среди тибетцев и по сей день, но настоящее его имя знают лишь только шабероны"[760]. Мы не можем быть уверены в том, что же хотела госпожа Блаватская сказать, ибо она говорит здесь об "англичанине" — а таковым никто Сен-Жермена никогда не считал, — что тем более странно, поскольку термин "пелинг" или "пилинг" означает лишь европейца.

Вторая цитата Е.П. Блаватской из работы 1889 г. гораздо более развернута: "Только что умер здесь [в Лондоне] пожилой "брат", великий каббалист, дедушка которого был известным масоном и близким другом графа Сен-Жермена в тот период, когда тот был откомандирован в Англию в 1760 г., как утверждают, Людовиком XV для разработки мирного договора между двумя странами[761]. Граф Сен-Жермен оставил этому масону несколько документов об истории масонства, в которых содержится ключ ко многим нераскрытым загадкам[762]. Он это сделал при условии, что документы будут тайным наследством тех его наследников, которые станут масонами. Документы, на самом деле, оказались полезными лишь двум масонам — отцу и сыну, тому, кто только что умер, и больше никому в Европе. Перед смертью владельца ценные документы были переданы восточному человеку (индусу), которому было поручено передать их определенному человеку, приехавшему за ними в Амритсу — город бессмертия"[763].

Приведем, наконец, последнее высказывание Е.П. Блаватской о графе Сен-Жермене, которое перекликается с предыдущей цитатой: "Граф Сен-Жермен был, без сомнения, самым великим восточным адептом, которого Европа знала за последние несколько веков"[764].

На собрании парижских членов Теософского общества в ноябре 1894 г. графиня Вахмейстер, проездом в Париж и Индию, куца она направлялась на жительство, сообщила присутствующим, что "по замыслу УЧИТЕЛЕЙ, орудием которых была Е.П.Б., Теософское общество должно было быть создано уже в последней четверти предыдущего столетия. Посланцы учителей, и среди них Мартинес Паскуалис, де Сен-Мартен, Калиостро, Месмер и граф Сен-Жермен, прочно обосновали его в Париже, но движение, которому они должны были дать жизнь, было задушено Французской революцией 1789 г.". Графиня Вахмейстер добавила: "Е.П.Б. была в прошлом веке так же, как и в этом, избранным агентом Учителей. Она была в Париже во времена Людовика XVI, когда создавалось первое ядро Теософского общества"[765].

Спустя некоторое время В.К. Джадж — другой член Теосовского общества — утверждал: "Волею Учителей — или Махатм — в конце каждого века сильный поток духовной энергии льется на Землю. Он начинается в последние двадцать пять лет и длится до конца века, а возобновляется лишь в последней четверти следующего столетия"[766]. Поэтому, согласно Генри Олкопу, президенту Теосовского общества, "всегда сомнительно, чтобы адепт умирал[767], как это иногда кажется, в том или ином теле. Учитывая способности иллюзионистов, которыми они обладают, даже погребение их трупа не является доказательством реальности их смерти. Что же стало с Сен-Жерменом, "авантюристом, шпионом", каким его считали энциклопедисты, и который ослепил все дворы Европы столетие тому назад (в 1795 г.)? После того как он обосновался в Гольштейне (!), он исчез так же таинственно, как и появился"[768].

Мы узнаем из "сенсационной" статьи под названием "Тайна графа Сен-Жермена", опубликованной в сентябре 1895 г. в "Голубом Лотосе" о том, что же случилось с графом: "Граф Сен-Жермен, наверное, самый удивительный человек, о котором помнит история. Он появился во Франции в прошлом веке, при Людовике XV, под именем графа Сен-Жермена: это имя пришло к нему от названия купленной им в Тироле земли; он заплатил Папе за право носить этот титул[769]. Он был необыкновенно красив, его манеры — безупречны, он обладал замечательным даром красноречия, чудесным образованием и культурой, он знал

и отлично говорил почти на всех известных языках… Он был замечательным музыкантом, играл на всех инструментах, но особенно любил скрипку Он играл на ней так, так вибрировал, что два человека, впоследствии услышав игру знаменитого генуэзского маэстро Паганини, ставили их на один уровень. Восьмидесятилетний бельгиец говорил в 1834 г.: "Сен-Жермен мог бы состязаться с Паганини"[770], а восторженный литовец воскликнул, услышав Паганини: "Воскресший Сен-Жермен играет в теле итальянского скелета"[771].

Он был безумно богат, однако с большим презрением относился к богатствам, раздавал друзьям, а то и князьям, баснословные подарки: его шкатулки никогда не оказывались пустыми. Он превращал металлы, делал золото и говорил, что научился у старого индийского брахмана способу "оживлять" чистый углерод, т. е. превращать его в алмаз. В 1780 г., во время своего визита во французское посольство в Гааге (так в оригинале), он разбил молотком отличный алмаз, который только что произвел алхимией; до этого, он продал такой же ювелиру за 5500 луидоров[772].

Жил он в роскоши; у него была фантастическая память; умел писать обеими руками, читал письма, не открывая их, даже раньше, чем они были ему вручены; неоднократно, во дворе Людовика XV и Людовика XVI, он пророчествовал…[773]

Часто впадал в летаргический сон, длящийся 30, а то и 50 часов, и тогда его тело казалось мертвым. Затем он вставал, отдохнувшим, обновленным, вдохновленным этим волшебным сном, и удивлял присутствующих тем, что мог рассказывать все то, что произошло в городе или в делах за это время. Его предсказания, его пророчества всегда оправдывались[774].

Его близкий друг (!) Фридрих II Прусский говорил, что никто не сумел раскрыть его тайну. В 1772 г. он был советником князя Орлова в Вене, которого спас от смерти, в период политических заговоров[775]. Он исчез так же таинственно, как и появился. Князь Гессенский рассказывал, что он умер в 1785 г.[776], во время экспериментов, которые он проводил в Эккендорфе (так в оригинале) над красками. Странная вещь, но история сохранила о смерти человека, который приводил в восторг всех великих в Европе, лишь сомнительное свидетельство одного друга.

Чрезвычайно удивительно, что никогда ничего не рассказывалось о его похоронах, что они нигде не зарегистрированы, что никакой трактат о них не повествует…[777]

Более или менее доказано, что он жил после 1784 г. Говорят, у него была важная встреча с российской императрицей в 1786-м или 1788 г. Рассказывают, что он явился перед принцессой

Ламбалл, когда она стояла перед революционным судом, за несколько мгновений до того, как ей отрубили голову, а также перед любовницей Людовика XV — Жанной Дюбарри, ожидающей фатального удара, в 1793 г. "Этот человек не должен умереть", — говорил о нем его друг Фридрих Прусский[778].

Сен-Жермен нес свет (Великого Братства) во Францию в конце прошлого века. Ему было поручено организовать нечто, похожее на сегодняшнее Теософическое общество. Посланник настоящего цикла Е.П. Блаватская была почти такой же чудесной, что и Сен-Жермен… Она была Сен-Жерменом XIX века[779], то же братство ее прислало"[780].

Со своей стороны г. Олкотт пишет: "Если бы госпоже Фадеевой, тете Е.П.Б., пришлось опубликовать несколько документов, хранящихся в ее знаменитой (!) библиотеке, мир имел бы более точное представление о предреволюционной миссии в Европе этого восточного адепта (графа Сен-Жермена)"[781].

В январе 1899 г. господин Курм объявил на конференции о скорой публикации многочисленных исследований о графе Сен-Жермене, которые госпожа Купер-Оукли, давняя подруга Е.П.Б., производила в публичных библиотеках Парижа и Берлина[782].

Доктору Паскалю, на тот момент вице-президенту Теосовского общества, выпала честь объявить об этих откровениях в передовице первого номера десятого года издания "Голубого Лотоса". Откровения касались спасительной миссии графа Сен-Жермена, которая была подхвачена затем Е.П. Блаватской: "Теософическое зерно было брошено во французскую почву в прошлом веке — тогда, когда три великих посланца Великого Братства попытались создать организацию, способную регенерировать исчезающую расу и отвести страшную грозу, которая должна была залить кровью нашу страну. Несмотря на их усилия и несмотря на мощь последнего из них — графа Сен-Жермена, — драгоценное семя не смогло прорасти. Оно сгнило в почве, инфицированной материализмом и замороженной скептицизмом, а революционный смерч завершил это разрушение. Когда "посланцу" нашего века — Е.П.Б. — было поручено возобновить незаконченное дело, она обратилась к странам, которым закон эволюции прочит большое будущее, — Америке и Индии, и зерно ожило в Нью-Йорке"[783].

В книге Фр. Гэффера "Маленькие венские воспоминания" графу Сен-Жермену приписывают следующие слова: "Я исчезну в конце века из Европы… меня увидят через 85 лет, день в день". Поскольку эти слова были-де сказаны в 1790 г., соответственно, в 1875 г. граф должен был снова проявить себя. Именно в 1875 г.

было создано Теософское общество (однако не в Европе, а в Америке). Трудно с уверенностью сказать, случайно ли эта дата была выбрана, или совпадение было задним числом использовано. В чем нельзя сомневаться, так это в том, что значение роли, приписанной графу Сен-Жермену основателями и руководителями Теосовского общества, все больше и больше росло.

Когда в 1899 г. были опубликованы знаменитые "Случаи из жизни графа Сен-Жермена" госпожи Купер-Оукли, редакция "Голубого Лотоса", под руководством которой осуществлялась публикация, роскошно отпраздновала событие: "Граф Сен-Жермен был посланцем высших существ, управляющих человечеством, для того, чтобы попытаться изменить состояние общества в XVIII веке и чтобы дать то, чего не хватало Энциклопедистам и их школе: основу, на которой можно было бы обновить идеи и законы.

Сен-Жермен тщетно пытался оказать влияние на представителей привилегированных классов и монархической власти, чтобы добиться от них уступок и реформ, которые не дали бы народным страстям взорваться.

Ему не удалось выполнить свою миссию, и он исчез бесследно…

Попытка прошлого века не удалась, но граф Сен-Жермен тем не менее продолжает свое дело, и он выступит открыто, как только сочтет нужным, а именно — в нашу эпоху…"[784]

Анекдоты, опубликованные в откровениях госпожи Купер-Оукли, были, наверное, достаточно экстраординарными: редакция "Голубого Лотоса" предупредила своих читателей следующим образом: "Не смотрите свысока на эти откровения, где мы видим, как высокие умы помогают нам осуществить духовное и моральное продвижение человечества, как это делал и будет еще делать тот, которого знали в прошлом веке под именем графа Сен-Жермена"[785].

Стоило, действительно, оговориться, ибо знаменитые "откровения" оказались на самом деле выдержками якобы "редких и ценных" "Воспоминаний о Марин-Антуанетте "господина Ламот-Лангона[786] и "интересных и странно написанных" "Кратких воспоминаний" Ф. Грэффера. Эти "сногсшибательные откровения", извлеченные из знаменитой "библиотеки" госпожи Фадеевой, тети Е.П.Б., не вызвали никакого интереса вне теософических кругов. Их автор покинул Францию, уехал в Италию, где спустя несколько лет, в 1912 г., опубликовал отдельным томом отредактированные и прокомментированные "Случаи…" под названием "Тайна Королей"[787]. Несмотря ни на что, заданный

импульс интереса к графу Сен-Жермену уже не угасал — наоборот, и достоинства новоявленного "Учителя" были прославлены в 1901 г. Луи Ревелом — одним из самых авторитетных теософов того времени: "К мистикам XVIII в. нужно прежде всего добавить графа Сен-Жермена — мистического носителя света, посланца цикла, который первым обратился с теософической речью к королям и аристократам, но семя которого было затушено пожаром страстей"[788].

Однако такому признанию все еще недоставало "официального" подтверждения председателя Теосовского общества г. Олкотта. Долго ждать не пришлось, и вот уже выходит статья под названием "Граф Сен-Жермен и Е.П.Б."[789]. Для г. Олкотта граф Сен-Жермен — "удивительный человек", "один из самых колоритных, самых впечатляющих, самих восхитительных персонажей современной истории". "После того как я прочел о нем все, что смог найти, и стал его любить и восхищаться им так, как это делала Е.П. Блаватская, и по той же причине: будучи посланцем Белой Ложи, он был преданным агентом и все свои силы тратил на помощь другим".

Г. Олкотт добавил, что все, что он читал и слышал о графе Сен-Жермене, убедило его в том, что он был одним из тех очаровательных невидимых существ, которые проявляли себя под личиной Е.П.Б. во время написания "Разоблаченной Изиды". "Чем более я об этом думаю, тем больше я убеждаюсь в верности своего предположения"[790].

Затем Олкотт приходит к выводу, что оба эти таинственные личности "агенты и посланники Белой Ложи. Первому было поручено способствовать управлению конвергирующих кармических связей, результатом которых была страшная революция конца XVIII века, смерть, очистившая моральную атмосферу европейского общества. Вторая пришла к нам в то время, когда материализму должен был быть дан бой, и Теософическое общество призвано было возвестить о воцарении духовной мысли"[791].

После смерти г. Олкотта в следующем, 1907 г. А. Безант стала председателем Теосовского общества. В свою очередь, она изложила в одной работе, что граф Сен-Жермен в своем последнем воплощении не был один, и что у него был ученик: "В конце XVIII века была предпринята большая попытка просветить "белых западных варваров", и задача эта была возложена на две великие личности. Они были тесно связаны с Белой Ложей, однако ни тот ни другой, насколько мне известно, не были Учителями. Тот, которого звали графом Сен-Жерменом, стал теперь одним из Учителей, и его близкий сотрудник в этом

великом деле, член австрийской аристократической семьи, стал позже известен под именем Е.П.Б. Их попытка изменить лицо Европы провалилась, ибо времена еще не наступили"[792]. Там же А. Безант утверждает, что "великий оккультист, брат Белой Ложи, был самой большой силой, стимулирующей движение интеллектуальных реформ, которые французская революция уничтожила.

Как легендарный Феникс, эта сила восстала из пепла и появилась вновь в XIX в. в виде Теософского общества, одним из признанных глав которого является этот Брат. Он до сих пор живет в той же физической оболочке, вечная молодость которой удивляла уже тех, кто знавал его в прошлом веке"[793].

Одно из наименее известных воплощений графа Сен-Жермена — то, что ему приписал Дж. Ш. Уедгвуд — секретарь Теосовского общества в Англии: "В 1796 г. граф Сен-Жермен был избран Великим мастером Мальтийского ордена под именем графа Гомпеша и в этом качестве, два года спустя, подписал капитуляцию этого острова французской флотилии, увозящей в Египет армию Бонапарта"[794].

Данное "откровение" не удивило председателя Теосовского общества. Наоборот, А. Безант дала знать, что она видела в Риме, в часовне мальтийских рыцарей, серию портретов, среди которых было и изображение графа Сен-Жермена[795], выдаваемого за Великого мастера фон Гомпеша[796].

В своей книге "Учителя" А. Безант приводит "полный" перечень воплощений графа Сен-Жермена. Так, Учитель был в обратном порядке: последний отпрыск королевского дома Ракоци[797] в XVIII в. Фрэнсис Бэкон Верулам в XVII в. Роберт Ле Муан (Роберт Монах)[798] в XVI в. Хунайи Янош в XV в.[799] и Христиан Розенкрейц, Великий розенкрейцер, в XIV в. Теперь он достиг ступени "Учителя", он венгерский адепт "оккультного мира", и некоторые из нас знают его в этой физической оболочке"[800]. Однако вскоре не осталось и следа правдоподобия. А. Безант и С.В. Ледбитер без смущения рассказывают следующее: "Перед тем как он стал сверхчеловеком, граф Сен-Жермен — венгерский адепт, был богиней Венерой"[801]. Это новое, "первичное" воплощение объясняется следующим образом: "Известно, что Сен-Жермен является объектом особого поклонения в кругах современной теософии, а также в масонских ложах. Там его портрету поклоняются как Учителю, принявшему на себя именно женское движение в масонстве".

Желая подтвердить гипотезу А. Безанта о том. что граф Сен-Жермен до сих пор жив, теософ Ч.У. Ледбитер утверждает, что виделся с венгерским адептом в 1926 г.: "Я встретился с ним при

самых обычных обстоятельствах, без предварительной договоренности, как будто случайно спускаясь по бульвару Корсо в Риме[802]. Он был одет, как первый лопавшимся итальянский джентльмен. Он меня повел в сад на холме Пинчио, мы сели и поговорили больше часа об обществе и о его будущем, вернее сказать он говорил, а я его слушал и отвечал лишь тогда, когда он задавал вопросы"[803].

Вот, со слов Ч.У. Ледбитера, внешний вид графа Сен-Жермена: "Учитель во многих отношениях напоминает Маха Чохана. Несмотря на средний рост, он держится прямо и проявляет военную выправку[804]. Его характеризуют безупречная учтивость и достоинство гранда XVIII века, сразу догадаешься, что он происходит из старинной и благородной семьи. Его большие карие глаза излучают нежность и юмор, а также властный авторитет. Лицо смуглое, волосы темные, коротко стриженые, разделенные посередине пробором и зачесанные назад. Борода короткая, стрижена клином. Он часто носит темную форму с золотыми бантами, а также великолепный красный офицерский китель, который подчеркивает его военный вид[805]. Обычно он живет в старинном замке на востоке Европы, принадлежащем его семье в течение нескольких веков"[806].

К различным уже упоминаемым "воплощениям" графа Ч.У. Ледбитер прибавляет Роберта Бэкона в XIII в., неоплатоника Прокла в V в. и святого Албана — первого христианского мученика в Англии в III в. н. э.

По мнению того же автора, Сен-Жермен совершал чудеса, "в своей работе он использовал главным образом ритуальную магию, ему прислуживают великие преданные ангелы, которые рады исполнять его приказы. Несмотря на то что он знает все европейские и многие восточные языки, он использует в основном латынь, которая соответствует его образу мышления, а красота и ритм которой не имеют равных в этом мире.

В церемониях, в которых он участвует, он надевает платья различных цветов и роскошные украшения. У него есть золотая кольчуга, некогда принадлежавшая римскому императору, поверх которой он надевает великолепную алую накидку, на булавке которой прикреплены аметист и алмаз в виде семилучевой звезды. Иногда он одет в прекрасный фиолетовый костюм.

Церемонии и ритуалы древних мистерий, даже имена которых давно забыты внешним миром, не являются его единственной работой, он проявляет большой интерес к политической ситуации в Европе, а также к развитию современной науки"[807].

Наверное, читатель имеет теперь достаточное представление

о "фантастических историях", распространенных писателями из Теосовского общества, которые в течение тридцати лет и больше читали архивы "акаши"[808] и таким волшебным образом восстановили древнейшее прошлое графа Сен-Жермена.

Но вот и другой сказ. В 1935 г. в некоторых американских журналах было упомянуто о существовании в Калифорнии центра под названием "Братья горы Шаста" ("The Brotherhood of Mont Shasta"). Затем появилась в небольшом вашингтонском журнале статья за подписью доктора Стока о деятельности графа Сен-Жермена в Америке, в связи с недавно опубликованной книгой. Книга называлась "Разоблаченные тайны" ("Unveiled mysteries"), автор ее — Годфри Рей Кинг, он же писатель С.У. Баллар[809]. В предисловии автор рассказывает, что книга создавалась под руководством графа Сен-Жермена — Великого Учителя, одного из братьев Великой Белой Ложи, находящегося в Америке с 1930 г В книге утверждается, что речь идет о реальных опытах, проведенных в течение трех месяцев, с августа по сентябрь 1930 г., на горе Шаста. О разговорах автора и графа Сен-Жермена упоминается, как о реальных событиях, Баллар утверждает, что видел графа в материальном теле и что он посетил вместе с ним несколько храмов в Сахаре. Во время одного из таких посещений граф представил автору книги свою жену и сына, призванного продолжать дело отца. На самом деле никогда никакого братства не существовало — ни на горе Шаста, ни где-нибудь еще в окрестности, о чем свидетельствует расследование, проведенное на месте американским журналистом Гео Л. Смитом. Вся эта история лишь вымысел и обман[810].

В 1936 г. в "Тетрадях полярного братства"[811] за подписью Энрико Контарди-Родио был опубликован рассказ о посещении этого писателя графом Сен-Жерменом в Париже в 1934 г. Самое удивительное то, что для того чтобы об этом рассказать, автору пришлось обратиться к тексту Элифаса Леви о визите к некоему Жулиано Капелла. Тождество некоторых деталей поразительно: то, как граф стучался в дверь, описание посетителя, его манера входить и вести себя в комнате, детали его жизни и его предсказаний — ничего не было пропущено[812].

Писатель Морис Магр также рассказал о другом парижском визите графа. Сен-Жермен пришел к человеку которого писатель не знал. "Бессмертный Сен-Жермен" посетил этого молодого человека "из уважения к его предку, розенкрейцеру, так же как и он сам, и который оказал ему в стародавнее время услугу. Добавим, однако, что М. Магр приводит этот рассказ с большими оговорками[813].

Как бы в подтверждение так называемого визита журнал

"Пари-Миди" опубликовал 6 мая 1940 г. за подписью Л. де Ж. статью с таким названием: "Воплотился ли знаменитый маг XVIII века граф Сен-Жермен в декабре 1939 г.?"

Пришлось ждать до 2 февраля 1945 г., чтобы точно узнать, в чем дело: в газете "Паризьен Либере" Рожер Лани писал: "С Юга Франции пришло сообщение, что граф Сен-Жермен вернулся и скоро станет известна его оккультная роль!"

На этой информации мы закрываем вторую главу легенды, которая, надо признать, околдовала всех, кто занимался графом Сен-Жерменом. В последней главе нашего исследования мы попытаемся определить, какая часть правды могла дать пищу фантастическим историям, не всегда бескорыстно передаваемым.

Часть четвертая
ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАГАДКА

История — наука предположений.

Э. Реман

Единственная глава
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТАЙНА МАДРИДСКОГО ДВОРА

Итак, мы дошли до последней части этого исследования. В предыдущих мы попытались показать, каким человеком был граф Сен-Жермен, отвлекаясь от его легендарного нимба и всяких невероятных домыслов вокруг его имени и национальности. Теперь постараемся изложить наши соображения по поводу его происхождения, которое мы считаем немецко-испанским. Просим читателя отнестись к изложенному не как к истине, а как к гипотезе, которую мы, однако же. считаем правдоподобной, опираясь на слова самого графа о первых годах своей жизни.

Отправную точку этого странного вопроса дает нам госпожа де Жанлис. На прямой вопрос, заданный ее матерью. Граф Сен-Жермен ответил: "О своем детстве я могу сказать только, что в семь лет я бродил в лесах со своим гувернером… и за мою голову было назначено вознаграждение!.. Накануне бегства, — продолжал граф, — мать, которую я больше никогда не видел, привязала к моей руке свой портрет!.. — И граф, задрав рукав, расстегнул браслет с портретом из эмали очень красивой женщины…" Госпожа де Жанлис добавляет, что граф больше

ничего не сказал и быстро переменил тему. Сама же от себя добавляет: "После его ухода мне стало очень грустно от того, что моя мать смеялась над его изгнанием, над его матерью — королевой, ибо назначенная цена за голову семилетнего мальчика, бегство в леса с гувернером — все это были намеки на то, что он был сыном потерявшего корону короля"[814].

В этом документе есть очень странное место: мать госпожи де Жанлис смеется над королевой — матерью графа Сен-Жермена, хотя о ней выше в тексте речь не шла. Такая странность может означать, что госпожа де Жанлис опустила какие-то слова графа, касающиеся тайны, которую не хотела раскрыть.

С другой стороны, очень многое говорит последняя строка абзаца, где содержится намек на то, что граф, может быть, королевского происхождения. С этим согласуется и мнение Людовика XV. пересказанное госпожой дю Оссет: "Король иногда говорит о нем, как о человеке высочайшего рождения"[815].

Со своей стороны, барон Глейшен сообщает нам характерную деталь, прекрасно сочетающуюся с вышеизложенными цитатами: "Он [граф Сен-Жермен] любил рассказывать о своем детстве, и изображал себя окруженным многочисленной свитой, гуляющим

на прекраснейших террасах, при замечательном климате, как будто он был наследным принцем Гренадского короля при Маврах"[816].

Последнее указание, подтверждающее королевское рождение графа Сен-Жермена и намекающее на его испанское происхождение, перекликается с фрагментом "Воспоминаний" Жана де Харденброка: "Он похож на высокорожденного испанца, о покойной матери своей говорит с большим уважением. Подписывается: "Принц Бис…"[817]. Несомненно, хотели написать "Принц Испанский". Об этом титуле Сен-Симон пишет, что он настолько малоизвестен в Испании, и даже не оценен, что никто его никогда не носил, даже дети королей, кроме нескольких предположительных наследников престола[818]. Последнее замечание автора знаменитых мемуаров будто бы подкрепляет наше предположение о королевской крови графа Сен-Жермена. Но чей же он может быть сын? Наверняка не испанского короля Карла II, поскольку о нем широко известно, что у нею никогда не было детей. К тому же наличие ребенка предотвратило бы войну за испанское наследство. Тайна остается полной.

Что касается испанского происхождения графа, добавим сюда и слова господина де Каудербаха, который в письме другу сообщает, что "граф Сен-Жермен выдает себя за испанца"[819].

Наконец, вот отличное покаянное признание господина де Люше — одного из "посмертных" преследователей графа Сен-Жермена, также сторонника его испанского происхождения. Даже если Люше не называет графа, его не трудно узнать, ошибки быть не может. Он говорит: "Знавали мы одного испанского гранда, богатого умом, талантами и знаниями. Он хорошо писал и стихи и прозу, говорил на всех языках, играл на всех инструментах, и был самым несносным из всех смертных. Впоследствии он стал известен своими чудачествами, путешествиями, несчастьями: его незаслуженно очернили, некстати лишили наследства. Возможно, он обладал смешными чертами, многими недостатками, даже мелкими пороками, но не теми, в которых его пытались обвинить"[820].

Мы пришли к сердцевине исторической проблемы, волновавшей всех исследователей: кто же были его родители? Как нам кажется, мы нашли решение этой запутанной проблемы, и даже если у нас нет материальных доказательств, мы собрали большое количество сходящихся и убедительных указаний.

Что касается его матери, все историки сходятся во мнении, что ею была вдова короля Карла II Испанского, Мария-Анна Нейбургская, немецкого происхождения, что не противоречит тому, что мы знаем. В самом деле, передают, что когда мать

госпожи де Жанлис спросила его, "правда ли, что Германия — его родина, он таинственно потряс головой и глубоко вздохнул"[821].

Самым понятным текстом о его материнской линии является следующий. В ответ на вопрос княгини Амалии, сестры Фридриха II, граф Сен-Жермен выразился так: "Я из страны, где никогда не правили мужчины иностранного происхождения". К этому времени единственная княжеская династия в Европе, отвечающая данному условию, — мужская линия Витгельсбахов, правившая Баварией, Палатинатом и Цвейбрюккеном с 1180-й по 1777 г. По линии отца, рейнского удельного князя Филиппа-Вильгейма, Мария-Анна Нейбургская — рожденная Виттельсбах.

Другой фрагмент подтверждает это. Глейшен пишет: "Я слышал, что в числе прочих он [граф Сен-Жермен] носил когда-то титул маркиза Монферрат. Я помню, как старый барон Штош сказал мне во Флоренции, что он знавал при регенте маркиза Монферрата, слывшего внебрачным сыном вдовы Карла IL жившей в изгнании в Байонне, и мадридского банкира"[822].

Мы доказывали выше, что титул "маркиз Монферрат" был фамильным именем семьи в провинции Дофине и что барон Штош не был в Париже при регенте[823], однако писатель из города Труа Пьер-Жан Гролэ подтверждает указание о предположительной матери графа Сен-Жермена: "Один голландец говорил мне, что в Голландии все знают, что граф Сен-Жермен — сын княгини, жившей в изгнании в Байонне в начале века (год 1706-й), и еврея из города Бордо"[824].

Если вспомнить богобоязненность княгини-католички и кастовую гордость немецкой и испанской аристократии, очень маловероятно, чтобы королева имела любовника-еврея. Это всего лишь ничем не подтвержденная гипотеза.

То же самое можно сказать и о предположении испанского историка Энрике Флореса, называющего среди фаворитов Марии-Анны Нейбургской некоего Аданеро, банкира и, вероятно, еврея, которого королева возвела во дворянство и назначила министром финансов[825]. В это же время при дворе Карла II находился знаменитый персонаж — испанский гранд, представитель высшей аристократии своей страны, которого за огромное богатство прозвали "мадридским банкиром" — аналогично тому, как Вольтер прозвал Фридриха II "лейпцигским банкиром"[826]. Мы имеем в виду кастильского амиранте.

Можно допустить, и мы постараемся это доказать, что нет ничего невозможного в том, чтобы граф Сен-Жермен был сыном королевы, вдовы Карла II и кастильского амиранте. Ничего невероятного нет в таком происхождении, однако в таких делах можно лишь предполагать. Оба персонажа свои секрет не выдали.

Известно лишь одно: они любили друг друга[827].

Хуан-Тома Энрикез де Кабрера, герцог Риосеко, граф Мелгар был одиннадцатым и последним амиранте Кастильи[828] и, по рождению, одним из первых знатных людей Испании, поскольку возводил свой род к королевской линии, хотя и незаконно. Он был прямым потомком по мужской линии короля Кастильи Альфонса XI, сына Фердинанда IV и Констанции Португальской, и мужем Марии, дочери короля Португалии Альфонса IV. от которой родились два сына: Фердинанд, умерший в молодом возрасте, и Педро Жестокий, который и занял место отца на престоле.

От любовницы, Элеоноры Гузман, госпожи Медины-Сидонии, вдовы Хуана Веласкоса, родилась двойня. Первым сыном был Энрике Транстамаре, убивший Педро Жестокого в 1368 г. и занявший его место на престоле Кастильи с помощью Бертана дю Геклена. Он стал прародителем линии католических королей и Карла V, т. е. испанской, имперской ветви Австрийского дома.

Второй сын, Фредерико Транстамаре, Великий магистр ордена Св. Иакова Меченосца, был убит в Севилье по приказу Педро Жестокого, но его потомки по мужской линии стали кастильскими амиранте. Его младший сын, Альфонсо Энрикез[829], получил это потомственное звание 4 октября 1405 г. от короля Энрико III Кастильского, "дающее ему право вершить правосудие, получать ренту и различные права, а также иметь своих агентов в морских портах"[830].

Вторым амиранте был Фредерико Энрикез, первый граф Мелгар. Он выдал свою дочь Хуану замуж за короля Наварры и Арагона Хуана III. Их сын Фердинанд Католический женился па Изабелле, королеве Кастильи, и их дочь Хуана Безумная стала матерью Карла V[831]. От первого брака с Бланш Наваррской, дочерью Карла III, у Хуана III была дочь — Элеонора, которая вышла замуж за графа Фуа Гастона IV. Ее сын Гастон, граф Кастелбонский, женился на Марии Французской, дочери Карла VII, родившей ему дочь, Екатерину Фуа, мать Генриха д'Албре, прадеда короля Франции Генриха IV.

С другой стороны, Хуан-Тома Кабрера[832] находился в родственных отношениях с французским домом, сначала через Анну Австрийскую — дочь Филиппа III, жену Людовика XIII и шестую внучку первого кастильского амиранте Фридриха Транстамаре и затем через Анну-Марию-Терезу Австрийскую — дочь Филиппа IV, жену Людовика XIV, седьмую внучку все того же амиранте[833].

К тому же его отец — Хуан-Гаспар Энрикез — был связан с Медичи браком с Эльвирой Толедской-Оссорио[834], так что можно

сказать, что кастильский амиранте был связан с королями Испании, Португалии, с императорским домом Германии, с Францией и с Медичи[835].

Последний амиранте родился в Генуе 21 декабря 1646 г. во дворце Дория, любезно предоставленном его родителям герцогом Тарси. Крестили его 6 января следующего года в церкви Св. Марии-Магдалины, и он получил от генуэзской знати право считаться ее членом.

Детство его было особенно счастливым, и его биографы А. Сиенуегос[836] и Ф. Дуро утверждают, что он получил изысканное образование не только за счет своего высокого рождения: его вдохновлял пример отца, человека тонкого ума, принимавшего у себя дома на окраине Мадрида самое изысканное общество, самых знаменитых писателей и художников. "Этот дом с прекрасной обстановкой, украшенный большим количеством самых красивых и роскошных картин Европы, был, несомненно, самым приятным домом Мадрида"[837].

Поговаривают также, что молодой Кабрера с некоторым успехом занимался искусством; по окончании детского возраста он получил от отца титул графа Мелгара, имеющий хождение в их семье.

В 17 лет отец женил молодого графа Мелгара на Анне-Екатерине де ла Серда, дочери Людовика-Франциска, седьмою герцога Медина-Сели[838].

Два года спустя он был замешан в судебном деле, начатом из-за драки между людьми его отца и людьми графа Оропеза, и его отцу с большим трудом удалось отложить решение дела, В 1670 г. он принял вызов на дуэль, спровоцированный эмиссарами дона Хуана Австрийского — незаконнорожденною сына Филиппа V. Его противник был арестован и казнен.

Спустя некоторое время он был зачислен на службу в знаменитую Чамбергу — телохранителем Карла II, откуда он вышел в офицерском чине и получил под свое командование корпус испанских добровольцев Ломбардскою Терцио. Он содержал и экипировал корпус на свои деньги, и немногим позже был назначен генералом кавалерии в Милане, затем чрезвычайным послом католического короля при папе римском. В то время, после смерти Климентия X, папский престол был еще свободен, и послу надлежало следить за проведением выборов следующего папы. 4 октября 1676 г. им стал кандидат от Испании, кардинал Бенедикт Одескалчи, нареченный Иннокентием XI. Таким образом, ловкость Мелгара как дипломата была доказана, его могущество и слава в Мадриде, которые и так были не маленькими, еще более возросли.

Королевским указом, подписанным в Эскориале 17 октября 1678 г.[839], граф Мелгар был назначен губернатором и генерал-капитаном Милана. В то время ситуация в Ломбардии была критической из-за войны с Францией. Граф достойно выполнил свою роль и после Неймегского мира (1679) сумел навести порядок там, где царила паника. Как мог, он сопротивлялся передаче Франции Казаля, столицы Монферрата, что противоречило договору между Карлом IV Гонзагским, герцогом Мантуи, и Людовиком XIV[840].

Согласно Сиенфуэгосу, в июне 1684 г. граф Мелгар повел себя блестяще. Когда французский адмирал Декэн, по приказу министра морского флота маркиза Сеньелэ, сына Лувуа, вероломно атаковал город Геную, не объявив войны, войска Его превосходительства и войска миланского генерал-капитана заставили французов вернуться на свои корабли и снятся с якоря, понеся большие потери[841].

Опала герцога Медина-Сели, его тестя, его уход с поста премьер-министра Карла II и замена его графом Оропезой, убедили графа Мелгара, что ему необходимо вернуться в Испанию, и он послал королю прошение о возвращении. В ответ король назначил его послом в Риме (1686), эту должность граф не принял. Он уехал в Мадрид, вопреки приказу короля, и объяснил, что личные дела не дают ему возможность исполнять эти обязанности.

По возвращении в Мадрид граф Мелгар нашел двор в печальном виде. Король Карл II был нерешительным, болезненным человеком, которым манипулировали королева-мать, гранды и министр — граф Оропеза. Граф Мелгар занял сторону королевы-матери Марии-Луизы и постарался сохранить хорошие отношения со всеми партиями. Оропеза назначил его вице-королем Каталонии (1688). На новом посту граф попытался разделить партизан, чтобы укрепить власть короля. Служил он там недолго, вернулся в Мадрид, где снова заявил о себе, когда умерла королева Мария-Луиза (12 февраля 1689 г.).

Именно в это время граф Мелгар оказал незаменимую услугу королевскому Альказару в Мадриде. Он был приближенным королевы Марии-Луизы и постарался стать тем же при только что приехавшей в Испанию второй жене Карла II.

Мария-Анна Нейбургская была третьей дочерью герцога Филиппа-Вильгельма, рейнского пфальцграфа, потомка знаменитого рода Виттельсбахов[842], различные ветви которого (Баварская, Пфальская и Цвейбрюккенская) правили всей западной частью Священной империи, вплоть до Швеции. Кроме Нейбургского герцогства Филипп-Вильгельм властвовал над

герцогствами Клев, Жулиерса и Берга со столицей в Дюссельдорфе. Он был крестным сыном Филиппа III и троюродным братом Марии-Анны Австрийской, матери Карла И. Его предок Фридрих Мудрый был другом испанского короля Филиппа Австрийского и его несчастной супруги Хуаны Безумной. Его отец, герцог Вольфганг, долгое время жил при дворе Филиппа IV.

В первом браке Филипп-Вильгельм был женат на Анне-Катерине Польской, от которой у нет не было детей, а во втором браке женился на Изабелле-Амалии Дармштадской, родившей ему 17 детей: 9 мальчиков и 8 девочек. Умер он в октябре 1690 г.[843].

Мария-Анна родилась в Дюссельдорфе 28 октября 1667 г. между 3 и 4 часами утра[844]. До замужества она жила в Нейбурге[845]. У нее был возвышенный склад ума — "была ученой, особенно в науках, в том числе в математике и географии, которыми она в совершенстве владела. Говорит на восьми или десяти языках, особенно на французском, в совершенстве. Она была также отличным музыкантом и даже сочиняла временами музыку, которую исполнял дворцовый оркестр"[846].

Ей было 22 года, когда 28 августа 1689 г. в Нейбурге в присутствии императора Леопольда и ее сестры-императрицы, Мария-Анна "вышла замуж" за испанского короля Карла II в лице венгерского короля[847]. Собственно свадьба случилась позже, 4 мая 1690 г. в Валладолиде. Из всей ее семьи только брат, князь Людовик-Антон, Великий магистр Тевтонского ордена, сопровождал сестру в Испанию[848].

О приезде королевы в свои владения рассказывают удивительную историю: "Вельможа двора ее мужа, представляя княгиню, прочитал длинную речь, в которой все достоинства княгини были представлены в самом лучшем свете. Маркиз дель Карпио[849], которому надлежало принимать королеву, в ответ спросил всего лишь: "Беременна ли она? Это было бы как раз кстати"[850]. Таким образом, видно, что уже к этому времени кое-кто был очень озабочен тем, что случится в Испании, если Карл II умрет без наследника, о чем можно судить по выдержке из письма "Палатинянки": "Получаю иногда очень милые письма от королевы Испании. Жаль мне, что бедняга так несчастна. Было бы большим счастьем для всей Европы, если бы она родила — кого угодно, дочь или сына, лишь бы он выжил[851]. Ибо не нужно быть пророком, чтобы догадаться, что если король Испании умрет бездетно, начнется страшная война: все державы претендуют на это наследство. Никто не согласится отказаться от своих прав, и только война сможет все решить"[852].

Как известно, дальнейшие события оправдали эти опасения, поскольку "политический" союз Марии-Анны Нейбургской и Карла II остался бездетным. Однако, поговаривая о слабостях любящего сердца, которое было от природы слишком чувствительным, называли одно имя, а именно имя графа Мелгара, который в то время был почти более могущественным, чем сам король. Отец графа Мелгара, амиранте Хуан-Гаспар, умер в 1691 г., и титул амиранте перешел к графу вместе с почтеннейшим титулом "двадцать четвертого в городе Севильи", титулом герцога Медины де Риосеко, титулом командора Пиетрабуена, ордена Алкантара. Спустя некоторое время, он стал одним из генерал-лейтенантов королевства, блистал на советах и опережал графов Монтерей и Бенавенте, маркиза Миллафранка, даже премьер-министра, могущественного герцога Монталто, Фердинанда де Мокада[853].

Граф Мелгар, которого отныне будут звать Амиранте, обошел всех. "Его ум и образование были под стать его рангу, изящное и свободное красноречие позволяло ему применять свои обширные и разнообразные познания"[854]. Он создал партию, продолжающую политику, проводимую им в Ломбардии, со следующим девизом: "В ослаблении власти Франции состоит высшее спасение Испании". Король Карл II симпатизировал этим мыслям, защищавшим его собственный интерес против амбиций Людовика XIV, и был настолько признателен Амиранте, что пожаловал ему (в 1695 г.) должность "Каваллеризо Майор", те. Великого Кабальеро, высшую должность, которая при дворе очень ценилась. В самом деле Амиранте стал любимым премьер-министром и управлял с энергией и дипломатией одновременно.

Однако в декабре 1696-го в лице кардинала Луиса-Мануэля-Фернандеса Портокарреро, архиепископа Толедского, сторонника Людовика XIV, объявился упорный противник Амиранте. Кардинал направил Карлу II меморандум, в котором излагал свои упреки против Амиранте и с присущей сану властностью выставлял себя как его непримиримого соперника.

Несмотря на интриги архиепископа и на мощную силу, которая его поддерживала, Амиранте торжествовал, и, кода он женился вторым браком (1697) на Анне-Екатерине де ла Серда, дочери Хуан-Франсиско, восьмого герцога Медина-Сели[855] и Екатерины-Антуанетты, герцогини Сегорба, он был на вершине славы[856]. Тогда архиепископ постарался поссорить графа Мелгара и его лучшего друга, графа Сифуентеса, но добился лишь только того, что король пустил Амиранте жить во дворец, что защищало его от нападок недругов.

После Рисвикского мира (20 сентября 1697 г.) Людовик XIV

предпринял попытки подкупить всех, кого мог. Он купил продажных вельмож, и французское золото стало подтачивать власть Амиранте.

К тому времени в Испании была страшная разруха и нищета, и за несколько миллионов Людовик XIV — "король-солнце" — сумел на деле превратить ее в государство, подчиняющееся его политике. Он добился отставки ставленников австрийской партии: королевского исповедника и графа Харраша, и с того дня скрытое доселе влияние кардинала Портокарреро при дворе Карла II стало расти.

Будучи тонким дипломатом, Амиранте постарался помешать влиянию своего соперника, объединившись с графом Оропезой[857] в правительстве, назначив его премьер-министром и президентом Кастилии. Но голод 1698 г. надоумил врагов Оропезы обвинить его в том. что он копил товары первой необходимости, и спровоцированный агентами кардинала Портокарреро бунт разрушил дворцы Оропезы и Амиранте. Пор-токарреро тут же добился от слабовольного Карла II отставки Оропезы и Амиранте, вплоть до высылки из страны (указ от 23 мая 1699 г.). Архиепископ Толедский интригами добился должности премьер-министра и предал свою родину воле Людовика XIV[858], уничтожив неустойчивую и ослабевшую власть несчастного короля Карла II.

Чтобы добиться отставки Амиранте, кардинал Портокарреро обвинил его в том, что он "околдовал" короля[859], и при сообществе генерального инквизитора Ж. Тома де Рокаберти, попытался заточить Амиранте в тюрьму Св. Уффици, вместе с королевой Марией-Анной. Смерть инквизитора, с одной стороны, энергия королевы, сумевшей защитить себя и своего друга, — с другой, помещали этому. Тем не менее Амиранте был лишен титула Великого Кабальеро, а Людовику XIV посоветовали добиться его изгнания.

Второй брак Амиранте продлился недолго — его жена умерла 16 декабря 1698 г. Тогда он обратил свои взоры на королеву[860], а она, со своей стороны, наверно, не отвергла его. Амиранте истратил огромные суммы, чтобы понравиться Марии-Анне. Он устраивал праздники и спектакли всему двору и городу, ради одной королевы[861]. Он был красив[862], и тем более нравился ей, что обладал природным даром художника, скульптора и музыканта. Он говорил на нескольких языках, что в то время было в Испании большой редкостью, любил окружать себя учеными и искал их общества[863]. Что касается королевы — она была высокой, хорошо сложенной женщиной, белизна ее кожи подчеркивалась светлыми волосами, образующими вокруг нее

очаровательный ореол красоты[864]. Она блистала умом и эрудицией, и была рада найти в нем те же качества, которыми обладала сама. Ощущая себя в изгнании, окруженная строгими запретами, она не отклонила дружбу и любовь Амиранте. Новейшие работы о том времени считают достоверным тот факт, что между ними, действительно, завязался любовный роман[865].

1700 г. был для Испании трагичным. Карл II умирал[866], никакой наследник не был назначен, несмотря на то, что наследство было прекрасным: Испания, Королевство обеих Сицилии (Юг Италии с Сицилией), Тоскания, Миланская область, Сардиния, а также самые плодородные земли Америки. Тогда вокруг Карла 11 началась беспощадная борьба, и неизвестно было, чья возьмет: Австрия или Франция.

Верх одержала Франция благодаря интригам кардинала Портокарреро[867]. Договор, составленный в строжайшей тайне государственным секретарем Антоном де Убиллой, был предложен королю на подпись 20 октября в полдень в Буэн-Ретиро. А 1 ноября в 3 часа дня Карл II умер[868].

Под именем Филиппа V герцог Анжуйский начал свою деятельность с того, что попытался привлечь на свою сторону испанскую знать[869]. Одним из первых был Амиранте, и, несмотря на сопротивление кардинала Портокарреро, его назначили чрезвычайным послом при Людовике XIV. Но архиепископ Толедский добился изменения города назначения и должности на должность простого посла. Гордый Амиранте, оскорбившись, что ему предлагают то, что он рассматривал как изгнание, стал готовиться к отъезду, отчитав при этом и кардинала Портокарреро, и королеву Марию-Луизу, жену Филиппа V, правившую в его отсутствии (он был в Италии) и даже (в 1702 г.) самого короля.

Вдовствующая королева Мария-Анна давно уже была вынуждена покинуть Мадрид из-за вражды архиепископа Толедского[870]. Она пожаловалась Филиппу V. Тот ответил, чтобы она выбрала себе испанский город по своему вкусу, "среди тех, которые он ей предложит"[871]. Несмотря на это, кардинал Портокарреро отправил ее в Толедо, обещав верность[872].

Тем временем Амиранте предпринимал большие, но медленные шаги для того, чтобы добраться до места назначения. "Он уехал позже (13 сентября 1702 г.) и двигался черепашьим шагом. Его сопровождали его незаконнорожденный сын (?), несколько доверенных вельмож[873] и его исповедник — иезуит Сиенфуэгос[874]. Взял он с собой все драгоценные камни, все, что мог, из серебра[875]; остальные деньги и вещи[876] спрятал в надежном месте. Приблизившись к Наварре, он исчез вместе со

своими спутниками и обходными путями, на которых у него заранее были оговорены переправы, добрался до границы Португалии раньше, чем новость о его побеге дошла до Мадрида, так что догнать его никто не успел"[877].

По прибытии в Лиссабон, он встал на сторону императора и австрийского дома, которому пообещал оказать поддержку. Говорят, тогда он и вспомнил о некоторых правах своей семьи на перуанскую корону, через своего племянника, потомка инков[878].

Тем временем в Мадриде кардинал Портокарреро и госпожа де Юрсен, главная камеристка королевы, развернули активную деятельность против Амиранте. Его судили (в августе 1703 г.) и заочно приговорили к смерти с конфискацией всего имущества, что возмутило знать, в частности герцога Медина-Сели, сказавшего: "Нельзя так обращаться с такими людьми, как мы"[879].

Из Лиссабона Амиранте ответил открытым письмом, в котором он обвинял архиепископа в низости[880], а Людовика XIV, унижающего Испанию до роли сателлита Франции[881], в вероломстве. Роль этого письма оказалась решающей, и его непосредственным следствием стала гражданская война.

По совету Амиранте император Леопольд I отказался от престола в пользу своего, приехавшего в Лиссабон, сына — эрцгерцога Карла, его провозгласили королем Испании под именем Карла III, пользуясь поддержкой английских, португальских, голландских и австрийских армий и флотов.

Эрцгерцог Карл нашел в Амиранте "советника, о каком можно было только мечтать, лучше всех разбирающегося в испанских делах. Он был осью, вокруг которой вращалась вся махина союзников. Свое бегство Амиранте представил Карлу III как подвиг, как жертву, принесенную Карлу по велению совести, поскольку Амиранте не мог смириться с приходом герцога Анжуйского на испанский престол"[882].

В ответ на письмо с упреками, которое ему прислал из Мадрида председатель испанской хунты, архиепископ Валенсии

Мануэл Ариас, Амиранте написал (февраль 1704 г): "Ваши упреки несправедливы, а также и советы, которые Вы мне даете с тем, чтобы я отвернулся от Австрийского дома, интересы которого я защищаю справедливо и с полным правом. Я знаю, что человек, наделенный хотя бы немногим характером, непременно подвергается цензуре, как только рушится то, что он предпринимал, а если оно удается, ему завидуют. Мне кажется, что хорошие и настоящие испанцы могут питать только такие же чувства, как и я, по отношению к французскому правлению, по поводу ничтожных прав бурбонского дома на испанский престол. Меня даже удивляет, что такой просвещенный первосвященник,

как Вы, позволил себя обмануть относительно истинных и ложных претензий, выдвинутых обоими претендентами на нашу обширную страну, и я уверен, что если бы Вы уделили этому делу больше внимания и не были бы лично заинтересованы, Вы бы (как и я) признали неоспоримым право Светлейшего архиепископа Австрийского, а претензии герцога Анжуйского — вымышленными"[883].

Несмотря на все его политическое искусство, Амиранте не удалось убедить архиепископа Валенсии в правомочности своего выбора в пользу Австрии[884], и, тем не менее, нет сомнения, что если бы к его советам прислушивались, он был бы в состоянии довести эрцгерцога до испанского престола.

Сначала Амиранте пользовался большим авторитетом на Лиссабонском совете. Надеялись, что его друзья в Испании последуют за ним[885], но поскольку ничего не случалось[886], его стали всячески критиковать[887], так как народ рассматривал его как главного виновника войны. Сам эрцгерцог написал: "Вот уже давно Вы обещаете нам революцию в Испании. Не знаю, в какой мере в этом году Вы окажетесь больше правы, чем в предыдущих. Я убежден, что если бы успех зависел от вашего старания, мы бы могли только этому радоваться"[888].

Несмотря на то что недостаток доверия со стороны эрцгерцога оскорблял Амиранте, он собрал на свои средства кавалерийский полк, одел его по форме кастильских королей, и подвергал Филиппа V повторяющимся атакам, которые серьезно беспокоили последнего.

План Амиранте был следующим: "Чтобы нанести Испании смертельный удар, нужно напасть на Андалусию, потому что Кастилия никогда не станет повиноваться королю, пришедшему через Аррагона. Нужно, прежде всего, напасть на голову, т. е. на Кастилию, и лучшими воротами в нее является Андалусия"[889]. Это предложение, которое могло все изменить, было отвергнуто.

После этого провала Амиранте заявил о своем намерении отправиться в Эстремоз, чтобы перейти в армию Эстремадуры, куда, как он считал, ему велит направиться его чувство чести. Просьба была плохо воспринята. Эрцгерцог в конце концов разрешил, но только по просьбе короля Португалии.

В отчаянии от того, что Карл III так мало оценил его жертву и его самого, Амиранте перенес по приезде в Эстремоз инсульт, от которого и умер 21 июня 1705 г. около 9 часов вечера. Тело было забальзамировано и временно помещено в усыпальнице королей Португалии церкви Иеронимитов в Белеме[890].

Спустя несколько месяцев после кончины последнего кастильского Амиранте Мария-Анна Нейбургская, вдовствующая

королева Испании, увезенная, как мы помним, в Толедо в 1702 г. в крепость Альказар, возвышающуюся над всем городом, вознамерилась выразить свою радость при въезде армии эрцгерцога в Мадрид (июнь 1706 г.). Она все больше принимала сторону австрийского дома, защищала его всем сердцем и чем могла, и сочла нужным поднять над Альказаром знамя Карла III. Жители города сорвали вражеский флаг, воззвали к Филиппу V и приставили к королеве стражу. Обращались с ней, тем не менее, с уважением[891].

Как только Филипп V прибыл в Мадрид, он, по наущению госпожи де Юрсен, счел целесообразным выслать королеву из страны. Он попросил ее дедушку Людовика XIV приютить ее. Тот согласился, но потребовал, чтобы ее принимали и обращались с ней согласно ее королевскому достоинству[892].

Король Испании "поручил одному из капитанов гвардии, герцогу Оссонскому, взяв пятьсот лошадей, отправиться в Толедо[893], к вдовствующей королеве и сказать, что она находится слишком близко к армиям, а это небезопасно, и что король желает, чтобы она немедленно отправилась к королеве в Бургос. Вдовствующую королеву данный "комплимент" очень удивил и опечалил, она стала искать отговорки, тянуть со сроками, но герцог Оссонский так ловко сумел перемежать твердость с уважением, что дал ей всего лишь 24 часа, после чего отправил ее вместе со всем, что было вокруг нее, и не в Бургос, а в Витторию. По дороге связались с королем, чтобы узнать, к какому пограничному пункту на границе с Францией ее следует отвезти. Было решено, что город По подойдет, благодаря его удобствам и красоте замка и садов. Но когда вдовствующая королева наконец узнала, куда ее везут, она предпочла Байонну, и ее просьба была уважена"[894].

Королева Мария-Анна Нейбургская торжественно въехала в Байонну 20 сентября 1706 г. Губернатор провинции Гасконь — герцог Граммон — пришел встречать ее у ворот города во главе с торжественно одетыми должностными лицами и преподнес ей ключи от города, что было прокомментировано в газете следующим образом: "Честь, оказанная этой княгине, мало напоминает те почести, что обычно оказывают государственным пленникам"[895]. Если этот автор мог и не быть в курсе дела, что же думать о том, в каких выражениях госпожа де Юрсен писала герцогу Граммону: "Княгиня была очень несчастна. Одна из ее бед, и не наименьшая, состояла в том, что те, кто ее окружал, не были достаточно бескорыстны, чтобы заботиться лишь о ее славе и настоящих интересах. К сожалению для нее. она многим сделала добро, но отплатили ей неблагодарностью"[896]. Мы уже

столкнулись, и впоследствии еще столкнемся, с "заботой" главной камеристки о вдовствующей королеве.

Около 1713 г. министры Людовика XIV, которых напутали большие затраты на содержание королевы, захотели было отправить ее обратно в Испанию. По приказу короля маркиз Торси написал госпоже де Юрсен следующее: "Король считает, что ей было бы намного лучше в Испании, нежели во Франции, и дело чести католического короля Испании не оставлять вдову своего предшественника в своеобразном изгнании, когда кажется, что ее возвращение в Испанию не может ничем нарушить спокойствие государства. Прошу Вас узнать намерение Его Католического Величества по этому поводу"[897]. Однако Филиппа V нельзя было переубедить, а неприязнь между вдовствующей королевой и госпожой де Юрсен возросла[898] настолько, что, когда следующим летом Елизавета Фарнезе, новая испанская королева, приходящаяся Марии-Анне Нейбургской[899] племянницей, по пути к мужу заехала в город По, произошла встреча между королевами, на которой была решена судьба госпожи де Юрсен. Мы согласны с герцогом Сен-Аньаном, писавшим: "Я слышал, что королева [Елизавета Фарнезе] объясняла удаление госпожи де Юрсен и ее поведение за границами королевства примерно в тех же выражениях, что и княгиня [госпожа де Юрсен] говорила о необходимости выдворения вдовствующей королевы из Испании"[900]. Когда после "экзекуции", заехав через Байонну, госпожа де Юрсен вознамерилась приветствовать королеву Марию-Анну, та наотрез отказала ей в приеме. Об этом господин Сен-Аньан написал так: "Торжествующая соперница обращается с ней как с чумной или прокаженной"[901].

Мария-Анна Нейбургская не упускала возможности напомнить о себе французскому и испанскому дворам, все еще надеясь, что ее долгое изгнание закончится. Однако ждать ей пришлось долго. Она прожила в Байонне 32 года, прежде чем получила наконец разрешение вернуться в Испанию, где почти тотчас же и умерла.

Во время ее пребывания во Франции французские власти неотступно следили за ней, оказывая, тем не менее, большие почести. Она последовательно жила в трех замках: Старый Замок (1706–1712), дворец епископа (1712–1715) и, наконец, дворец Св. Михаила (1715–1738)[902].

Во время своего пребывания в Байонне она жила в достатке, но без страстей[403]. Была очень богобоязненной, отличалась благотворительностью и щедростью ко всем, несмотря на то, что молва приписала ей прижимистость и стремление копить золото и украшения, "которые она, тем не менее, отправляла, на всякий

случай, за рубеж"[904].

Она любила давать ужины, сама же нигде, кроме дома, не ела. Ее маленький двор состоял из небольшого количества жителей города. Обслуживали ее испанцы, итальянцы или немцы. Она была очень любезной и устраивала роскошные праздники, многочисленные концерты, содержала группу музыкантов и сама исполняла свои сочинения[905].

Однако пришла пора ей возвращаться, ибо здоровье стало сдавать[906]. В 1738 г. испанское правительство, которое министры Людовика XIV и Людовика XV упрашивали не один раз, наконец-то разрешило ей вернуться в Испанию. Она покинула Байонну 17 сентября. Приехав в Памплону, она тяжело заболела и медленно добралась до Гвадалахары, где ей было предписано проживать. Спустя два года, в августе 1740 г., вдовствующая испанская королева, вдова Карла II, тихо скончалась, и воспоминание о ней, наверное, исчезло бы из памяти людской, если бы она не оказалась замешанной в странной драме, поэтическая и сценическая ценность которой превосходит ее историческое значение[907].

Наша гипотеза о немецко-испанских корнях графа Сен-Жермена[908] может быть подтверждена различными фактами из биографий королевы Марии-Анны Нейбургской и кастильского Амиранте, в сопоставлении с некоторыми высказываниями нашего героя в течение жизни.

Возвращаясь к тексту князя Гессенского, мы читаем: "Он [граф Сен-Жермен] пользовался огромной поддержкой последнего Медичи. Как известно, в этом доме высокая наука была в ходу, и неудивительно, что он черпал оттуда свои первые знания"[909].

Рассказывая о жизни королевы Марии-Анны, мы упомянули, что последний Медичи, Джио-Гастон, сын Маргариты-

Луизы Орлеанской и великого герцога Тосканы — Козимо III, стал дядей Марии-Анны Нейбургской после того, как его сестра Анна Медичи вышла замуж за пфальцграфа Вильгельма Нейбургского, брата Марии-Анны, и что последняя, овдовев, прожила во Флоренции с 1716 г. до своей смерти в 1743 г.

Нет ничего противоестественного в том, чтобы молодой граф Сен-Жермен "оказался под покровительством последнего Медичи, который укладывал его, как ребенка, в своей комнате"[910], во дворце Питти, где и жил эрцгерцог Тосканский во Флоренции.

Джио-Гастон Медичи "высоко ценил науки и изучение языков, которые он много практиковал. Он владел не только тосканским и латинским языками, но также в совершенстве английским, немецким, богемским, французским, испанским и турецким"[911]. К

тому же он был прекрасным музыкантом. Он любил уединиться для работы в части прекрасного парка Бо-боли, близ дворца Питти, в небольшом домике над террасой, "откуда открывалась прекрасная панорама на Флоренцию и ее округу"[912].

Нельзя ли усмотреть здесь связь с тем, что рассказывал граф Сен-Жермен: "Он любил рассказывать о своем детстве, видел себя в окружении многочисленной свиты, гуляющим по великолепным террасам, при замечательном климате"[913], что как раз типично для Флоренции.

Если граф Сен-Жермен впоследствии занимался химией, то, может быть, он обязан своими познаниями своему пребыванию у эрцгерцога Тосканского, "который ничем не пренебрегал для того, чтобы расширить область исследований"[914]. Благодаря его отцу Козимо III вокруг Джио-Гастоно находились превосходные учителя[915].

Каким образом объяснить присутствие нашего героя в Италии? Если верить Сен-Симону, "кастильский амиранте уехал из Мадрида вместе со своим незаконнорожденным сыном", выходит, что ребенок был в Португалии вместе с отцом. Когда в 1705 г. Амиранте умер, ребенку пришлось бежать, чтобы избежать смертельной опасности, нависшей над ним. Вспомним, что говорил Сен-Жермен: "… в семь лет я скитался в лесах вместе со своим гувернером" — это означает, что он родился около 1698 г.[916]. Предположим, что он действительно родился в это время, несмотря на строгое наблюдение французов за испанским двором. Говорят даже, что Людовик XIV настолько внимательно следил за королевским двором, через маркиза д'Аркура и его доверенных лиц, что ему удалось установить и запротоколировать факт импотенции Карла II.

Если допустить, что наш герой является незаконнорожденным сыном королевы Испании и кастильского Амиранте, он может называть себя испанским князем, поскольку восходит по прямой линии к Альфонсу XI Кастильскому. И если де-юре кастильский закон исключал унаследование титула незаконнорожденными детьми, де-факто оно практиковалось, поскольку Хуана Кастильская, прозванная Белтранеха, рожденная вне брака от Хуаны Португальской и Белтрана де ла Куева, была признана законной наследницей кастильского престола Генрихом IV, мужем Хуаны Португальской.

Возможно даже, что Амиранте тайно женился на вдове Карла II, в надежде стать таким образом регентом Испании, с согласия Марии-Анны Нейбургской. Однако скорый приезд Филиппа V в свои владения полностью изменил ход вещей: вдовствующая королева была отправлена в Толедо, а Амиранте сбежал в

Португалию.

Предположим, что начатая Австрией, Англией, Португалией и Голландией кампания удалась, тогда, возможно, эрцгерцог захотел бы видеть на престоле одного из своих приближенных, либо восстановил бы королеву в ее правах, так же, как хотела это сделать впоследствии его дочь Мария-Тереза, но преждевременная смерть Амиранте в 1705 г. изменила его планы. Уходит со сцены главное действующее лицо, вдовствующая королева изгнана во Францию, эрцгерцог женится, и все рушится.

Именно по этой причине незаконнорожденный сын кастильского Амиранте пытается спрятаться от взглядов тех, кому поручено его уничтожить. "За мою голову было назначено вознаграждение" — скажет впоследствии граф Сен-Жермен. Но кто тот гувернер, сопровождавший его в побеге? Лишь важное лицо могло играть эту роль. Нам кажется, что это граф Сифуентес, который был сначала врагом, но затем другом и союзником кастильского Амиранте. Он был одним из самых видных сторонников австрийской партии при первом походе Филиппа V в Каталонию, командовал каталонским вспомогательным взводом архиепископа Карла и вместе со сторонниками постоянно беспокоил арьергард маршала Тессе, начальника войск Филиппа V перед Барселоной[917].

Вполне возможно, что граф Сифуентес, которому было неудобно следить за незаконнорожденным ребенком, оставил его в укрепленном месте, например, в монастыре Монсеррат[918], издавна славившимся как прибежище знатных людей, а также своей школой бенедиктинцев, пронесших свое увлечение химией и естествознанием до сегодняшнего дня[919]. Не здесь ли граф Сен-Жермен получил свое первое образование?

Где же наш герой увидел мать в последний раз? Можно предположить, что это произошло в сентябре 1706 г., по дороге вдовы Карла 11 в изгнание, во Францию. Дорога должна была пролегать через Бургос. На самом деле прошли через Витторию, и мы думаем, что встреча произошла в городе Каталайуд, по инициативе графа Сифуентеса и с помощью герцога Оссонского, сопровождающего Марию-Анну Нейбургскую.

Наконец, предположительно 27 сентября 1711 г., незаконнорожденный сын кастильского Амиранте сел в Барселоне на корабль, отправляющийся в Италию, вместе с графом Сифуентесом. Он прибыл бы в Геную 12 октября, отсюда направился бы во Флоренцию, чтобы оказаться под покровительством последнего из Медичи.

Допустим, граф Сен-Жермен остался во Флоренции до смерти Джио-Гастоно Медичи в 1737 г., затем он уехал из Тосканы и

направился на Сицилию, где у кастильского Амиранте были владения, отчего о нашем персонаже поговаривали, мог-да он жил в Англии, что он "богатый сицилийский землевладелец". Вполне возможно, что граф заехал в бенедиктинскую обитель в Монреале, недалеко от Палермо, чтобы встретиться с большим другом своего отца, Алваресом Сиенфуегосом, бывшим в го время архиепископом в этом городе,

Как мы помним, в Англии ценили нашего героя как музыканта и композитора. Мария-Анна Нейбургская была страстным любителем этого вида искусства, временами даже сочиняла. Поразительное сходство вкусов. Но самое странное заключается в мысли писателя Горация Уолпола, считающего, что граф Сен-Жермен был каким-то образом связан с Претендентом. Гипотеза этого писателя перекликается с тем фактом, что внучка сестры Марии-Анны Нейбургской была матерью Карла-Эдварда Стюарта. С другой стороны, Казанова пишет, что наш герой был "великим, под именем маркиза черного креста в Англии"[920]. Двое из братьев Марии-Анны были последовательно, с 1684-го по 1732 г., великими мастерами католического Тевтонского ордена. Если учитывать, что наряд этих рыцарей состоит из большого белого плаща с черным крестом, то мы имеем еще одно поразительное совпадение[921].

Последуем теперь за графом Сен-Жерменом в Германию[922]. Что же он там делает? Согласно его словам, он работает над самым роскошным открытием в области красителей. Не есть ли это приложение тех познаний, которые он получил при дворе эрцгерцога Тосканского?

Рассмотрим его приезд во Францию. Людовик XV, знающий о родословной графа Сен-Жермена, принимает его как "брата" и обращается с ним как с приближенным, тогда как по отношению к Помпадур или к придворным граф ведет себя как подобает, т. е. как высокорожденный представитель знати. Тем и другим он показывает свои украшения и картины. Богатое собрание украшений находит свое объяснение в том, что, будучи в Байонне, Мария-Анна Нейбургская "отсылала золото и украшения за границу на всякий случай". Не для того ли королева так поступала, чтобы обеспечить своего незаконнорожденного сына? Что до картин, граф Сен-Жермен получил их от своего предполагаемого отца, у которого была, как утверждалось, самая богатая коллекция в Европе. Подобным образом находит объяснение и таинственный источник доходов, так и не разгаданный Шуазелем: у кастильского амиранте лежали "крупные денежные суммы в различных банках Венеции, Генуи и Амстердама", что позволяло графу Сен-Жермену защититься от

нужды, выписывая себе нужные суммы.

Не забудем указать способность нашего героя к языкам, которую он унаследовал от предполагаемого отца и от предполагаемой матери, говорившей "на восьми или десяти языках", и была закреплена пребыванием у Джио-Гастоно Медичи, "в совершенстве изучившего языки".

Когда Людовик XV, "который ему очень доверял, использовал его для мирных переговоров с Англией и послал его в Гаагу"[923], граф Сен-Жермен, возможно, зря пожелал воспользоваться родственными связями, что вызвало подозрения Шуазеля, не сумевшего обнаружить, с кем имеет дело.

И когда барон Глейшен утверждает, что граф некогда носил титул маркиза Монферрат, для нас это звучит как дополнительное указание на кастильского Амиранте, который, как мы помним, сыграл решающую роль в передаче Монферрата Франции.

Наконец, граф Сен-Жермен, вынужденный таить свою родословную, после всех своих приключений приезжает умереть к одному из дальних родственников своей предполагаемой матери, к ландграфу Гессенскому, поскольку по матери Мария-Анна Нейбургская является Гессенской-Дармштадской, и именно это хотел сказать ландграф, когда он будто бы ошибся именем.

Не оставив потомства, граф Сен-Жермен умер вместе со своим именем. Вместе с родственными узами он разорвал и те узы, которые удерживали его в узких рамках человеческих страстей, и приобрел, таким образом, своеобразную безличность.

Часть пятая
…НОВАЯ ТАЙНА

Как путь птиц в воздухе, его путь с трудом обнаруживается.

Дхаммапада 93

Единственная глава
ЛЕГЕНДА О ГРАФЕ СЕН-ЖЕРМЕНЕ В СВЕТЕ ТРАДИЦИОННОЙ ДОКТРИНЫ

Если на предыдущих страницах можно найти удовлетворительное объяснение загадок, которые задает жизнь господина де Сен-Жермена, богатого космополита, ученого и артиста, то зато в них нет ничего, что может объяснить легенду, создавшуюся вокруг его персонажа. И тем не менее эта легенда существует, и какое бы ни было наше мнение о ней, она также — исторический факт, который нужно учитывать.

Если свести к минимуму легенду, развитие которой мы проследили в третьей части данной работы, скажем, что она приписывает Сен-Жермену оккультную роль, вернее — роль "посвященного" и удивительное долголетие. Это необычно для современных историков: если им случается признать, что тот иди иной персонаж сыграл важную и секретную роль в делах мира, они видят в этом политические махинации и более или менее честные средства. Что касается многовекового долголетия, само собой любому "серьезному" современному уму это может показаться либо мечтой, либо обманом.

На самом деле это лишь проявление чисто западного и современного, а в том, что приписывается Сен-Жермену, нет ничего, что удивило бы средневекового человека или жителя Востока, имеющего немного традиционных знаний.

И действительно, традиции всех народов упоминают о существовании людей, достигших очень высокой ступени духовного развития, о них говорят, что они прожили несколько веков, и даже, что они не умрут до конца нынешнего цикла[924]. Такими являлись в Ветхом Завете Енох, Мельхиседек и Илия, в Новом Завете — Иоанн Евангелист, который должен дождаться возвращения Торжествующего Христа[925]. К этим известным всем примерам нужно добавить те, которые нам предлагает восточная традиция: "Бессмертные" даосизма[926], и тех йогов Гималаев, о которых европейские путешественники слыхали в Индии[927], — им по нескольку сот лет, и они сияют молодостью и силой. В буддизме, в Maitreya Samiti и в другом тексте, взятом из Трипитаки, переведенном на китайский Дхарма-ракшой, указано, что Кашьяпа, ученик Шакьямуни, не умер, а ждет, погруженный в медитацию, приход Майтреи, "Будды будущего". Судя по китайскому тексту, Кашьяпа является одним из четырех высших учеников Будды, которые, несмотря на то что они достигли

ступени архата, тем не менее останутся живыми до конца цикла[928]. Из ламаизма можно процитировать пример великого тантрического гуру Падмашамбхава, который, судя по легенде, не умер и, покинув Тибет, верхом на летающем коне отправился в ракшасам (демонам-людоедам), которым он до сих пор проповедует доктрину[929]. Говорится также, что герой Гессар из Линга вернется в конце цикла "для того, чтобы уничтожить всех, кто сопротивляется воцарению справедливости"[930].

Исламская традиция также признает за некоторыми персонажами исключительное долголетие. "Спрятанный" имам шиитов исчез в IX в. в подземном мире в Самарре Иракской и должен вернуться до конца цикла в должности Мадхи — вождя — для того, чтобы объединить народы, оставшиеся верными. в борьбе с антихристом[931]. С другой стороны, Эль-Хидр, учитель Афрадов (одиноких)[932], таинственный спутник Моисея[933], считается до сих пор живущим: "У юрисконсультов я ненавижу больше всего две вещи, — говаривал знаменитый суфий Али аль-Шадхили, — они отрицают, что Эль-Хидр до сих пор жив, и изгоняют из лона церкви Эль-Халлажда!"[934] Эль-Хидр обновляет свою молодость каждые 120 лет, постоянно путешествует по свету и практикует алхимию[935].

На Востоке такие традиции известны всем. Тем (на Западе), кто занят эзотерикой, известны другие случаи, аналогичные упомянутым выше библейским и евангельским. Так, говорят; что Артур и Мерлин — герои легенды о Граале — лишь "уснули" и что они проснутся для того, чтобы побороть Антихриста в тог день, когда он захочет завладеть "священным сосудом"[936]. Легенда также утверждает, что Карл Великий не умер, он находится "в Вундерберге, с короной на голове и скипетром в руке: его длинная борода прикрывает всю его грудь, вокруг него стоят его лучшие рыцари. Никто не знает, чего он ждет. Традиция гласит; что эго тайна Бога"[937]. То же самое говорят и о Фридрихе Барбароссе, живущем уже много веков в горе Кисфхаузере, где он ждет Страшного суда: за несколько дней до этого рокового дня, этот могучий властелин вновь появится и увядшая империя возродится[938].

Согласно немецким легендам[939], Мастер Эккарт, "исчезнув, как Лао-цзы, не оставив следов"[940], стоит перед Венусбергом и не пустит туда никого вплоть до Страшного суда. Любой, кто интересуется герметизмом, знает, что и о Николя Фламеле[941] и об алхимике, известном под именем Филалета[942], говорят, что они не покинули землю. Стоит ли напоминать историю Гуальдо или Гуальди, относящуюся всего лишь к XVII в., во многом напоминающую историю самого графа Сен-Жермена, а также

таинственного Альтхотаса Калиостро[943].

Единодушие, проявленное в самых отдаленных друг от друга в пространстве и во времени традициях, доказывает; что долголетие, превышающее рамки обычной человеческой жизни, — реальная возможность, которая была проявлена не один раз. Остается понять, что же оно означает, и это не так просто, как казалось бы вначале.

* * *

Достаточно беглого знакомства с традиционными доктринами, чтобы узнать, что они обычно выражены в символах, использующих реалии плотного мира для отображения аналогичных явлений тонкого и духовного мира. Нет сомнения, что долголетие физического тела прежде всего — символ непрерывности духовной функции и лишь потом — непрерывности некоторых психических элементов. Это не значит, что долголетие физического тела невозможно. Наоборот, оно обязательно должно быть возможным, иначе оно не могло бы стать приемлемым символом непрерывности духовной функции.

Из вышеизложенного понятно, что долголетие, приписанное тому или иному персонажу в легендах, может быть различного характера. Именно эти варианты мы сейчас рассмотрим более подробно.

В книге "В стране благородных разбойников" А.Давид-Неель упоминает несколько из них: "Секрет долголетия разыскивался в Китае с таким же рвением, с каким искали философский камень на Западе. Некоторые утверждают даже, что то, что в наших странах обозначалось в эзотерике как трансмутация грубых металлов в золото, означало для посвященных искусство стать бессмертным. Древние китайские таоисты открыто заявляли о том, что владеют этим секретом…

В наше время говорят меньше об этой тайне среди тайн, тем не менее еще находятся искатели способов осуществить непрерывность своей личности в настоящем теле. С другой стороны, до сих пор, частью эзотерической доктрины некоторых учителей-мистиков и восточных оккультистов являются различного рода теории о возможности бесконечно продолжать существование своей личности, чисто ли духовно, материально ли, но вне тела, к которому она в данное время прикреплена… Согласно различным традициям, в числе тех тайных книг, которые Падмашамбхава спрятал, есть трактаты о том, как избежать смерти, и среди искателей "термы" небольшое

количество ищет именно их".

Если сравнить эту цитату и то, что мы излагали выше, мы увидим, что долголетие, символизируя непрерывность духовной функции, может означать:

Устойчивость индивидуальности в одной и той же телесной оболочке вне пределов обычного человеческого существования[944].

Устойчивость набора психических элементов в нескольких последовательных телесных формах и даже, как мы увидим далее, в одновременных формах.

Устойчивость индивидуальности в тонком мире без смерти тела, в данном случае телесная форма "трансмутируется", резорбируется в своем тонком начале.

По нашему мнению, первый вариант представлен в случае Николя Фламеля, может быть, и святого Иоанна[945]. Второй вариант — случай ламаистских тюльку. А третьему варианту соответствуют Енох и Илия. Другие варианты возможны, но в рамках этой работы мы не может их обсуждать.

Различные указания, найденные в документах о графе Сен-Жермене, приводят нас к выводу, что его случай может быть отнесен к тому же варианту, что и тюльку. Поэтому нам придется остановиться на этом вопросе — для тех наших читателей, кто не знаком с тибетской доктриной.

* * *

Тюльку, которых европейцы неправильно называют "живыми Буддами", являются членами ламаистской иерархии. Для того чтобы дать если не определение, то хотя бы приблизительное описание тюльку без лишних метафизических рассуждений, обратимся вновь к А. Давид-Неель:

"Согласно народным верованиям, тюльку — это перевоплощение[946] какого-нибудь святого или умершего ученого, либо воплощение существа нечеловеческой природы божества, демона и т. д. Первая категория тюльку самая многочисленная. Вторая насчитывает несколько редких воплощений мифических персонажей, например Далай-ламы.

Траши-ламы, женщины-ламы Дорджи-Пхагмо и воплощений низкого ранга, тюльку некоторых туземных божеств, например Пекара. Тюльку последнего выполняют функции официальных оракулов[947]. Некоторые ламы верят, что тонкая энергия, остающаяся после смерти создавшего — или питавшего ее, если он был уже тюльку ряда последовательных перевоплощений, притягивает и группирует созвучные ей элементы, превращаясь,

таким образом, в ядро нового существа. Другие придерживаются мнения, что пучок развоплощенных сил сливается с каким-нибудь живым существом, чьи физические и духовные наклонности, приобретенные в ряде предыдущих жизней, обеспечивают гармоническое соединение"[948].

"Случается, дух умершего переходит на несколько тюльку; существующих параллельно и официально признаваемых. С другой стороны, некоторые ламы слывут за тюльку нескольких личностей одновременно. Таким образом, Траши-лама не только тюльку Евпамеда, но и Субхути, ученика исторического Будды. Таким же образом, Далай-лама воплощает и мифического Ченрезигса, и Гедюндупа, ученика и последователя реформатора Тсонг-Кхапы… Довольно часто случается, что лама предсказывает на смертной одре место своего следующего рождения. Иногда он сообщает подробности о будущих родителях, их жилище и т. д. Напав на след более или менее подходящего мальчика, совещаются с ламой-прорицателем. Если тот одобряет предполагаемого кандидата, то последнего подвергают следующему испытанию: несколько личных предметов покойного ламы перемешивают с подобными предметами, и ребенок должен отобрать вещи ламы, как бы узнавая предметы, принадлежавшие ему в прошлой жизни"[949].

Цитаты достаточно хорошо освещают двойной аспект долголетия в случае тюльку. Тюльку божества соответствует постоянству духовной функции, тюльку исторического персонажа есть случай передачи различным персонажам, выполняющим данную функцию, набора психических элементов, среди которых, как видно из приведенного примера, фигурирует память. Это духовное и психическое наследство.

Если рассматривать все это с точки зрения интересующего нас под именем графа Сен-Жермена персонажа, вполне возможно, что он, будучи "рожденным" в последние годы XVII в. или в первые годы века XVIII, мог "помнить" и вещи, случившиеся за несколько сотен лет до этого.

* * *

Если признать все вышеизложенное возможным, остается вопрос: исходя из чего можно приложить данную ситуацию к графу Сен-Жермену? Можно ответить, что легенды на пустом месте не появляются и что, наверное, были особенные причины, чтобы приписать духовную роль и долголетие именно Сен-Жермену, а не какому-нибудь другому таинственному персонажу

с претензиями на роль посвященного (что было как раз не характерно для Сен-Жермена). Такими были, например, Калиостро и Мартинес де Паскуали. Надо полагать, что современники знали вещи, которые мы не знаем и которые как раз именно такой природы, что не оставляют следов, ощутимых для историка.

Например, если рассматривать уровень духовного развития, напоминающий то, что приписывают графу Сен-Жермену, а именно розенкрейцерство[950], ясно, что историку невозможно знать, было ли это состояние достигнуто тем иди иным персонажем или нет. Рене Генон пишет: "Знать, какими были настоящие розенкрейцеры, и определить, был ли тот или иной персонаж им — абсолютно невозможно, ибо речь идет о состоянии духовном, чисто внутреннем, о котором неосторожно судить по каким-либо внешним признакам. К тому же, именно в силу своей роли, розенкрейцеры не могли оставлять следов в мирской жизни, так что, даже если бы их имена стали бы известными, они бы ничего никому не говорили. К тому же ценность этих имен относительна, ибо известно, что они меняли имена свои в зависимости от стран, в которых находились, что является лишним доказательством того, что они были выше ограничений обычной жизни… Если и было, что какой-нибудь настоящий розенкрейцер случайно сыграл роль во внешних событиях, историк никогда не догадается об особенном качестве этого человека, поскольку эти вещи принадлежат совершенно различным мирам"[951].

Поэтому совершенно бесполезно искать в исторических документах доказательство того, что граф Сен-Жермен достиг того или иного уровня духовного развития или был посланцем духовного центра. Самое лучшее доказательство этому — легенда, однако можно поискать среди текстов, фактов и приписанных ему действий те, что сочетаются с подобными качествами.

Прежде всего, нельзя не остановиться на последнем стихе четверостишия, находящегося под единственным известным портретом графа Сен-Жермена, и по поводу которого так возмущался доктор Бистер: "Если не сам бог, то могущественный бог его вдохновляет". Отметим, что "бог" здесь с маленькой буквы, значит, вероятно, речь идет не о "Боге" христианской теологии, а о "божестве" политеистской традиции, то есть об "ангеле". Достаточно иметь элементарные понятия о теории "множественных состояний существа"[952], чтобы знать, что существо, находящееся в настоящее время на человеческой стадии может уже в этой жизни проявить ангельские состояния. В

этом ничего богохульного нет… Запомним, что современники графа Сен-Жермена были уверены, что он достиг высокого уровня духовного развития.

Много забавных деталей мы находим в речи, которую по недоброжелательному замыслу де Люше граф Сен-Жермен держал перед князем Гессенским. Дело в том, что речь противоречит самой цели памфлетиста, поскольку содержит явные намеки на оккультные знания. Именно поэтому мы думаем, что де Люше ее не придумал. Вернемся к этой речи и подчеркнем смысл, который следует придать самым важным местам.

"Я ищу [подходящего] человека, из которого я бы мог сделать избранный сосуд и заполнить его небесной росой [распространенный символ духовного влияния, часто употреблявмый герметистами и розенкрейцерскими авторами], которую я собрал в обетованной земле [символ райского состояния и высшего духовного центра, отождествляемого с Обетованной землей]. Он не должен знать ничего [с мирской точки зрения] и быть способен ко всему [то есть представить все качества адепта, "исходного сырья" гермегисгов]. Другие [мирского характера] познания заняли бы в его памяти моею тех, [традиционных, посвященческих], которые я собираюсь в него вложить. Свет и тьма, чистое и нечистое, Бог и человек не сочетаются. Я знаю Вас мало [как индивидуума], но много знаю о Вас от тех [членов духовного центра, который откомандировал графа Сен-Жермена и который имеет средства определить потенциальных посвящаемых], которых Вы не знаете, но можете когда-нибудь узнать [если Вы достигнете духовного состояния, дающего возможность вступить в контакт с центром посвящения]. Небо вложило в Вас зародыш всех добродетелей. Разрешите мне их развить [посредством подходящей технологии]. Станьте небесным вместилищем, куда стекутся сверхъестественные истины…"

Опубликованный Мерсье и цитируемый нами выше "философский сонет" также очень показателен. В первых двух четверостишиях лишь подтверждены философские познания графа, первый стих первого трехстишия: "Ничего не было, Бог захотел, ничто стало нечто" можно проинтерпретировать как сокращенный вариант сотворения мира ex nihilo (из ничего). Зато последний стих этого же трехстишия: "Ничто хранило равновесие и служило опорой" может иметь лишь один смысл, и он очень близок дальневосточным доктринам: "Ничто" здесь не "пустота", а Wu Wei таоистов, Непроявленное, принцип проявления. Согласимся, что такие воззрения не были обычными во дворе Людовика XV!

Удивителен также и последний стих сонета: "Я умер, я обожал, я больше ничего не знал", в котором смерть наступает раньше, чем поклонение. Логический смысл стих приобретает лишь, если речь идет о мистической смерти при инициации, а само посвящение выражается в обожании (бхакти индусов, махабба мусульманских посвященных). Конечное же незнание есть растворение всякого определенного знания в Высшем синтетическом и изначальном знании.

Наконец, даже странная история служанки, ставшей вновь девочкой благодаря эликсиру графа Сен-Жермена, может оказаться грубым искажением традиционной доктрины о возврате к состоянию "детства" — символу "изначального состояния", которую граф Сен-Жермен мог однажды излагать какому-то несведущему слушателю[953]. Известны другие случаи подобных искажений традиционных доктрин, ставших известными миру[954].

* * *

Остается уточнить: к какой традиции, к какой организации относится граф Сен-Жермен. Нам известно, что граф официально признал, что носит не свое имя. Его имя, а также имя Космополита или Филалета[955] — не фамилии, а имя посвящения, имя должности. Его графский титул, так же как и титул Калиостро, относится, наверное, не к его рождению, а к его оккультным способностям[956]. В самом деле, имя, под которым он главным образом был известен, означает всего лишь "Товарищ (лат. cornes) Священного Братства". О каком же братстве идет речь?[957]

Среди современников графа Этейя приводит самое большое количество странных сообщений о Сен-Жермене, даже если он не всегда ясно понимал, о чем писал. Этейя говорит о двух известных под этим именем людях, и похоже, что тог, кого он знает — не тог, о котором мы рассказываем. Например, для Этейи, только лишь "его" Сен-Жермен — настоящий "алхимик" и "каббалист". Похоже, ему невдомек, что раз имя Сен-Жермена — название функции, она могла быть выполнена последовательно или даже одновременно несколькими людьми[958].

Поскольку здесь нас интересует больше функция, нежели индивидуальность, запомним, что Этейя утверждал, будто Сен-Жермен является "единственным настоящим автором Филалета"[959]. Выше же мы видели, что Филалет — один из тех персонажей, о которых утверждают, что они Землю не покинули. Поэтому кажется, что герметическая функция, которая одно

время проявилась под названием "Филалет" ("друга правды") проявилась затем под названием "граф Сен-Жермен"[960].

В другом месте Этейя называет своего учителя "принятым в розенкрейцеры" и приводит существенное уточнение о том, что ему скоро 325 лет. За 325 лет до того, в 1784 г., в котором пишет Этейя, в 1459 г. произошла "химическая свадьба" Христиана Розенкрейца, легендарного основателя розенкрейцеров[961]. В том же, 1459 г. была издана первая оперативная конституция масонского ордена[962]. Возможно, поэтому Сен-Жермен себя называл "старейшим из всех масонов".

Еще одно странное совпадение: Грэффер приписывает графу Сен-Жермену желание исчезнуть из Европы и отправиться в Гималаи. О Николя Фламеле, о розенкрейцерах же было сказано, что они отправились в Индию, и Кунрат утверждает, что "верные восприемники мудрости эмигрировали за Каспийские горы…"[963]

Что до "возвращения" графа Сен-Жермена, мы не станем дискутировать с теософами, утверждающими, что в этом человеке, отождествляемом с их "учителем" R… можно узнать одного из основателей своего движения. В книге "Теософизм" Рене Генон достаточно ясно доказал, что вместо того чтобы передать миру оккультное учение, Теосовское общество всего лишь распространяет грубую подделку под индусские доктрины и карикатуру на эзотерическое христианство. Теософы использовали в своих корыстных целях уже готовую легенду. Дата — 1875 г., данная для "возвращения" графа Сен-Жермена, примерно соответствует возрождению влияния традиции на Западе, однако Теосовское общество является скорее препятствием этому явлению, нежели его источником[964].

Можно с уверенностью сказать лишь о том, что до конца цикла произойдет то, что иногда называют "новым появлением

Мудрецов", новое проявление традиционных функций, которые сейчас в оккультации, и что до решения судеб человечества вновь появятся Енох, Илия, Тайный Имам, святой Иоанн, Гессар. а также Артур, Мерлин, "Уснувший Император" и, если наши предположения верны, та сущность, которая была проявлена под именем графа Сен-Жермена.

Что же до нас касается, наша единственная цель была в том, чтобы собрать все, что можно знать об одной из индивидуальностей, что послужило проявлениями для этой таинственной сущности. Какими бы скромными ни были результаты нашей работы, нам показалось, что не лишена интереса тема, позволившая прикоснуться к тем проблемам, о которых мы написали в этой последней части. И мы почувствуем себя полностью вознагражденными, если нам удалось предложить

читателю тему для медитации.

Примечания

[1] Мы считаем своим долгом выразить благодарность тем людям, которые облегчили нашу работу, каждый по мере своих возможностей: S. Gardel, G. Corradini, G.C. Fascio, Lohy, Moth-Lund, A. Novellas, J. Reyor, Th. Tereschenko.

[2] Несмотря на то что Клод-Луи Сен-Жермен носил титул графа, мы не будем его называть "графом Сен-Жерменом", сохраняя этот термин для того человека, которому посвящена данная книга.

[3] Воспоминания графа Сен-Жермена, им же написанные. Амстердам, изд. "Рей", 1779. Немецкий перевод был опубликован в 1780 г. во Франкфурте и находится в "Универсальной биографической литературе" Е. М. Эттингера (Брюссель, 1854, т. II, стр. 1591), среди работ о "графе" Сен-Жермене.

[4] Вертамбо является небольшим населенным пунктом, зависящим от Клэрво в округе Лон-ле-Сонье.

[5] Ламот-Лангон, редактор "Воспоминаний госпожи графини д'Адемар о Марии Антуанетте", утверждает, что он родился в Салэне.

[6] *Гишнон.* История областей Бресс и Бюг. Лион. 1650. третья часть, стр. 343–345.

[7] "Частная корреспонденция графа Сен-Жермена и господина Парнса-Дювернэ, государственного советника". Лондон и Париж, 1800, т. 1, стр. 1. Данная корреспонденция была опубликована Ф.-Анри де Гримгаром.

[8] Перед тем как отправиться на службу во Францию. Сен-Жермен наведывался к Фридриху, королю Пруссии. Он был принят с распростертыми объятиями, и король обещал ему все. что он пожелает. Однако дисциплина и дух чинопочитания, царившие при прусском дворе, отвратили его, и он решил уехать во Францию.

[9] *Поль Фульд.* Луи-Августин Блондель, дипломат в XVIII веке. Париж, изд. "Плон", 1914, стр. 191–194.

[10] Отметим, что почти все историки относят это событие к жизни графа Сен-Жермена, который в это время, однако, был в Германии.

[11] Барон Фредерик Лефорт, из Женевы, подполковник полка саксонских добровольцев, был близким знакомым саксонского маршала. См.: *Ж. Раймон.* Саксонский маршал в Шамборе, журнал "Нувель Ревю", 15 августа 1927 г.

[12] "Корреспонденция госпожи де Помпадур со своим отцом — господином Пуассоном и братом г. де Вандьер", опубликованная

впервые А.П. Малассисом. Париж, изд. "Бор", 1878, стр. 37, письмо X. Из-за этого письма поверили в присутствие графа Сен-Жермена в Париже в 1750 г.

[13] В сентябре 1752 г. Сен-Жермен попытался создать фабрику по производству иголок в Живэ.

[14] *Анри Мало*. Кавалер Ж. Л. Бриансо де Мильвиль, пиратский судовладелец, в журнале "Ревю дю Норд", № 2, май 1911, стр. 89—113.

[15] *Анри Мало.* Последние корсары. Париж, изд. "Эмиль-Поль", 1925, а также "Париж при Людовике XV, доклады инспекторов полиции королю", опубликованные *Камилем Питоном.* Париж, журнал "Меркюр де Франс", 1908, серия вторая, стр. 176.

[16] *Д. Тьебо.* Воспоминания о двадцати годах, проведенных в Берлине. Париж, изд. "Дидо", 1860, том II, стр. 198.

[17] "Господин Сен-Жермен творил чудеса", письмо Берниса Шуазелю 6 июля 1758 г. "Частная переписка", т. II, стр. 91.

[19] "Частная переписка", т. II, стр. 60.

[20] К этому времени относится публикация господина де Сен-Жермена "Инструкции для обучения молодого человека военному искусству". Гренобль, изд. "Фор", 1759, формат in-16,66 с.

[21] По пути в армию Клод-Луи остановился в Дижоне и жил там роскошно. Губернатор этого города, граф Таванн, написал королю, чтобы узнать, каким должно быть его поведение в связи с этим обстоятельством. "В ответ ему было сказано, что он должен окружить господина де Сен-Жермена подобающим его рангу уважением и позволить ему жить так, как ему хочется". Данная записка содержится в "Голландском архиве, документах Бентинка" за 25 апреля 1760 г. и приводится в книге *И. Купер-Оукли* "Граф Сен-Жермен". Милан, 1912 (на англ. яз., русский перевод, Москва, изд. "Беловодье" 1995. (В дальнейшем страницы указаны по русскому изданию. — *Прим. пер.),* на стр. 179 как имеющая отношение к "графу" Сен-Жермену. В это время граф Сен-Жермен находился в Англии.

[22] *И. Купер-Оукли*, цитир. произв., стр. 39, где ошибочно цитируется статья из "Лондон Хроникл" от 5 июня 1760 г. как имеющая отношение к "графу" Сен-Жермену.

[23] "Частная переписка", т. II, стр. 161.

[24] По отношению к нему поступили нечестно и послали королю рассказ о битве, в котором его роль была передана неточно. См.: "Частная переписка", т. II, стр. 203.

[25] "Частная переписка", т. II, стр. 233.

[26] "Газет де Брюссель", 12 января 1761 г., Голландские иностранные дела, 506, лист 54. Тюрьма угрожала не ему, а "графу" Сен-Жермену по приказу Шуазеля.

[27] *И. Купер-Оукли*, цитир. произв., передает в сноске на стр. 40 следующую вырезку из "Газет де Пэи-Ба" за 12 января 1761 г.: "Гаага, 2 января. Письма из Парижа рассказывают, что когда господин де Сен-Жермен уехал оттуда сюда, не получив на это разрешение короля, он вернул ему свой красный бант. Известно только лишь то, что он договорился с датским королем". Мы имеем здесь типичный пример ошибки историка, ибо данная записка относится к Клоду-Луи де Сен-Жермену— тот вернул красный бант командора ордена Святого Людовика господину Кремилю с просьбой передать его маршалу Бель-Илю. См.: "Частная переписка", т. I, стр. 25. Он сделал это не из презрения или со зла, просто он полагал, что не следует держать этот орден при себе, раз он перешел на службу в другое государство. См.: *Аббат де Вери.* Дневник. Париж, изд. "Тайандье", 1928, т.1, стр. 362.

[28] По приезде в Арнхейм он сообщил господину Парису-Дювернэ, что господин д'Аффри, посол Франции в Гааге, сможет передавать их переписку. Этот же господин д'Аффри сыграл странную роль в жизни "графа" Сен-Жермена.

[29] "Воспоминания о моей эпохе", продиктованные ландграфом Карлом, князем Гессенским. Копенгаген, 1861 г. Князь Гессенский участвовал в этом походе.

[30] В своих "Воспоминаниях" (Париж, изд. "Тешнер", 1868, стр. 132–133) барон Глейшен говорит о князе Григории Орлове, которого, однако, маркграф не знал. Алексей Григорьевич Орлов (1735–1807), знаменитый своим шрамом на лице, проезжал через Нюрнберг (1770) после битвы при Тесме, где он отличился, победив турецкий флот. Екатерина II родила от него сына. Алексей был графом, а Григорий — князем.

[31] *Ф. Бюло.* Таинственные люди. Париж, изд. "Пуле-Маласси", 1861, т. II, стр. 344. Та же ошибка, что и у Глейшена.

[32] Господин Рейнгарт де Гемминден-Гуттенберг, министр в Анспахе, приписывает этот эпизод "графу" Сен-Жермену, что, на наш взгляд, явная путаница. Господину Гуттенбергу, родившемуся в 1759 г., было в то время около 10 лет. Для того ли, чтобы придать больше пикантности своему рассказу "О графе Сен-Жермене и его пребывании в Анспахе от свидетеля" (написанном в 1817 г., то есть спустя 50 лет), или по другой, неизвестной нам причине, он спутал оба персонажа. Посвященный князю Христиану Гессен-Дармштадскому, этот "отчет" помещен его автором в книге "Любопытные факты из прошлого и настоящего времени". Веймар, 1820, гл. VIII, стр. 279 и след.

[33] Благодаря господину Морепе, ему была присуждена пенсия

в 10 или 12 тысяч франков. См.: *Аббат де Вери*, цитир. произв., стр. 363.

[34] "Король передал ему сто тысяч экю для того, чтобы обустроить дом, купить мебель, и поселил его в Арсенале". "Частная переписка", т. I, стр. 68. Как ни странно, Казанова приписывает то же самое королю по отношению к "графу" Сен-Жермену.

[35] "Воспоминания", стр. 42.

[36] "Вскоре господина де Сен-Жермена поносили те. кто должен был ему рукоплескать, но которых сумели убедить в том, что протеже Тюрго и Мальзерба был никуда не годным шарлатаном". См.: *Ж. Дэнуартер.* Сатирическая комедия в XVIII веке. Париж, изд. "Дидье", 1885, стр. 202.

[37] Фельдмаршал Христиан, барон Вимпфена, один из друзей господина де Сен-Жермена, говорили даже— его правая рука, с которым он, однако, поругался в конце жизни, опубликовал в Лондоне в 1780 г. "Комментарии к воспоминаниям". Однако комментарии небесстрастные, порой даже несправедливые.

[38] В книге "Тайная история французского двора при Людовике XV", т. II, Лондон, изд. "Херст энд Блэкет", 1861, Др. Шаллик окончательно все запутал, только лишь два письма генерала Йорка графу Холдернессу (24 марта 1760 г.) касаются "графа", все остальные депеши Холдернесса на самом деле имеют отношение к генерал-лейтенанту, который, по его словам, "в Росбахе удружил Пруссии"?!!

В кн. "Еврейская Франция", Париж, изд. "Фламмарион". дата издания не указана, стр. 360, Э. Дрюмон также путает эта личности, когда он рассказывает о человеке, которого полицейский лейтенант Ленуар провожал с большими почестями. Речь может идти лишь о государственном министре Сен-Жермене, а не о "графе", поскольку Жан-Пьер Ленуар занимал свой пост в 1776 г.

Также утверждали, будто академик Шарль Баттье, почетный капеллан Реймса, работал с "графом" Сен-Жерменом. Это опять же ошибка, ибо аббат имел сношения лишь с Сен-Жерменом — военным министром. Действительно, по его приказу был опубликован "Элементарный курс для Военных школ", с которым сотрудничал аббат. См.: *А. Кайэ.* Учебник по психическим наукам, т. I, стр. 119.

Наконец, добавим, что несколько известных деятелей XVIII века носили то же имя, что и наш герой.

В 1720 г. художник английского происхождения господин де Сен-Жермен получил прозвище "миссиссипец", после того как он обогатился в акционерном обществе, созданном банкиром Лоу и

купил на эти деньги несколько замечательных бриллиантов.

В 1748 г. некий господин де Сен-Жермен был недолго директором Оперы, вместе с господином Трефонтэном.

В 1784 г. жил некий натуралист Ж.-Ж. де Сен-Жермен, автор "Учебника по растениям". В Париже, в предместье Сент-Оноре, он имел искусственные оранжерею и фруктовый сад, в котором цветы, деревья и фрукты были искусственные и раскрашены под настоящие.

[39] "Тайные документы из архивов берлинского штата". См.: *Густав Бертхолд Волц.* Граф Сен-Жермен (на немецком языке), Дрезден, изд. "Арец", 1923.

[40] Князь Гессенский, цитир. произв., стр. 133–134.

[41] "Император оставляет ей ее имущество и владения ее детей, пусть город сам будет ей тюрьмой". См*, Данжо.* Дневник. Париж, изд. "Фирмэн-Дидо", 1854–1860, т. И, стр. 107.

[42] Семья Гессен-Рейнфельдс имеет французские (VII в.), а также, со стороны одного из предков с материнской стороны, и венгерские корни (XIII в.), имея при этом родственные связи с английским королевским домом со стороны бабушки Шарлотты.

[43] *Э. Хорн.* Ференц Ракоци II, князь Трансильвании (1676–1735). Париж, изд. "Перрэн", 1906, стр. 84–85 и 92.

[44] Другого мнения придерживается Т. Франсуа Юдны, основываясь на факте, относящемся ко времени смерти Ракоци II. Он утверждает, что последний "добровольно покинул свое тело лишь для того, чтобы завладеть другим, уже для него уготованным, завладев которым, он назвался графом Сен-Жерменом".

См.: "Раннее христианство в Евангелиях двенадцати святых". Париж, изд. "Адьяр", 1926, стр. 28.

Вот как Э. Хорн передает этот факт: "Тело нашего хозяина было положено во дворец, где в течение трех дней служили панихиду. Любой человек имел доступ к телу. Однажды пришли 30 турок, несмотря ни на что, они не верили, что он умер. Они говорят, что кого-то нарядили в его платье, а сам он ушел". См. цитир. произв., стр. 418.

[45] Граф Тёкёи умер 13 ноября 1705 г. под Никомедией. в Турции. "Утверждают, что он объявил наследником всего своего состояния второго сына — Ракоци II". См.: "Ключ к княжескому кабинету". Кельн, журнал "Ле Сэнсер", 1705 г., декабрь, стр. 430. Таким образом, подтверждается факт смерти первого сына Ракоци II.

[46] Как утверждает С.А. Сыпестейн в кн. "Вольтер, Сен-Жермен, Калиостро-Мирабо в Нидерландах". Хравенхаген, 1869, старшего сына Ракоци II Леопольда звали князем Цевеберген (Zevenbergen),

то есть князем семи гор. Поскольку Э. Хорн ничего по этому поводу не говорит; ничто не подтверждает это мнение. Вместе с г. Хецехиелем мы считаем, что нужно читать Зибенбурген (Siebenburgen, Семигорье). то есть Трансильвания. См.: "Приключенческие рассказы" (на нем. яз.). Берлин, 1862, стр. 45.

47 *Э. Хорн*, цитир. произв., стр. 85.

48 См.: *Фр. Виттеманс.* История розенкрейцеров. Париж, изд. "Адьяр", 1925, стр. 143–144. Эта информация отражает последние исторические исследования.

49 *Тали К.* Ракоци (цитировано Э. Хорном).

50 См.: *Э. Хорн*, цитир. произв., стр. 84.

51 В кн. "Раннее христианство в Евангелиях двенадцати святых", Т. Фр. Юдны утверждает, что литературное достояние князя Ракоци осталось тайным и было опубликовано в Англии под псевдонимами. Эго утверждение ничем не доказано. Князь написал несколько произведений, которые не были опубликованы, а именно "Размышления о Священном Писании" и

"Исповеди". Что касается "Воспоминаний", которые ему приписывают, они были опубликованы аббатом Бреннером в V и VI томах его "Истории венгерских революций", Гаага, 1739.

Существует также "Политическое завещание князя Ракоции", "Гаага, изд. "Шеерлеер", 1751, в 2-х томах. В томе 36 книги Мишо Валкеннаер считает, что авторство лишь предположительное.

52 Э. *Хорн*, цитир. произв., стр. 404. В "Архивах иностр. дел Италии" за № 180 можно прочесть, что младший Ракоци жил с отцом в Родосто и звался герцогом Макомис (5 июня 1728 г.).

53 *Альфред де Кастой.* Продавцы чудес. Париж, изд. "Дэн-тю", 1864. Под этим псевдонимом скрывается Антуан Орифей, родившийся в Тулузе в 1821 г. Закончив Политехническую школу при Наполеоне III, он стал знаменитым фокусником.

54 *А. де Кастон*, цитир. произв., стр. 252–256.

45 "Воспоминания о военных кампаниях, проведенных с 1702-го по 1706 г. герцогом Вандомским в Италии". Посвящается ее высочеству герцогине Вандомской, написанные ее скромным, покорным и любящим слугой Клодом-Жераром Муссэ. Оригинальная рукопись из 124 страниц формата in folio. Мы благодарны господину Саффруа, книготорговцу, позволившему нам ознакомиться с этим документом.

56 Церковь в том виде, в котором стоит сейчас, была отстроена в 1712 г.

57 "Знатные семьи савойской монархии" (на итальянском яз.). Турин, изд. "Фонтана", 1841, т. I.

58 Руины замка Сен-Жермен находятся около Верреска, в долине Аосте, на вершине горы.

[59] Титул маркиза Сен-Жермен носили во Франции в XVIII веке следующие личности:

— в 1706 г. — маркиз Сен-Жермен де Горж, губернатор Лимузена.

— в 1730 г. — маркиз Сен-Жермен-Лангот, нормандского происхождения.

— в 1750 г. — маркиз Сен-Жермен-Бопре, губернатор Марша.

[60] *Вольтер.* Полное собрание. Париж, изд. "Дидо", 1877, т. X, № 313, письмо от 15 апреля 1760 г.

61 Там же, письмо от 1 мая 1760 г.

62 *Гораций Уолпол.* Письма сэру г. Манну. Лондон, изд. "Бентди", 1883. Анекдот напоминает то, что случилось со знаменитым бароном Нейхофом, исчезнувшим однажды с драгоценностями и одеждой жены. См.: Разговорный словарь, т. 13, стр. 451.; или то, что рассказывают о графе Отфор — брате маркизы Нел, который переехал в Смирну, после того как украл бриллианты в Париже. См.: *Нугарэ.* Секретные анекдоты XVIII века. Париж, 1808, т. II, стр. 393.

[63] *Граф Ламберг.* Мемуары светского человека. Корсика, 1774, стр. 81.

[64] *Е. Маркизэ.* Маркиз Мариньи (1727–1781). Париж, изд. "Эмиль-Поль", 1918, стр. 86.

[65] *Де Куршан.* Воспоминания маркизы Креки. Париж, изд. "Фурнье", 1836, т. II, стр. 269. Добавим, что в то же время кавалер д'Эон иногда писал нешифрованные письма, под которыми он подписывался Уиллиамом Вольфом. См.: "Воспоминания кавальера д'Эон" под редакцией Фр. Гайардэ, Брюссель. 1837, т. I. С другой стороны, в 1694 г. де Сен-Симон, будучи тогда военным в Страсбурге, встретился там со своим другом Вольфом, ректором в Хагено. Все это интересные совпадения. См.: "Воспоминания". Париж, изд. "Ашетт". 1872. т. 1. стр. 132.

[66] По кн.: Интермедия для искателей и любознательных. № 968,20 мая 1908 г., стр. 745.

[67] *П.Ж. Гролэ.* Путешествие в Голландию. Париж. 1833. стр. 333.

[68] *М. Капефиг.* Маркиза Помпадур. Париж, изд. "Эмно". 1858, стр. 276.

[69] *М. Маттер.* Сен-Мартен — неизвестный философ. Париж, изд. "Дидье", 1862, стр. 231.

[70] В Словаре пророчеств и чудес. Париж, 1854. т. II, стр. 846. аббат Леканю пишет: "Мы скорее поверим в оогемское происхождении графа, в то, что он стал несметно богатым после того, как ограбил какого-нибудь набоба или какую-нибудь пагоду. Он выучил различные языки Азии во время бурной молодости,

когда много странствовал". Истинно, воображение сбивает даже самые трезвые умы.

[71] *Элифас Леви.* История магии. Париж, изд. "Байер", 1860, стр. 419.

[72] *Де Люше*. Эссе о секте Иллюминатов. Париж, 1789, стр. 220.

[73] *Уна Бирш.* Тайные общества. Лондон, 1911.

[74] *Фридрга Бюло*. Таинственные персонажи. Перевод с немецкого В. Дюккетта, Париж, изд. "Пуле-Маласси", 1861, т. I, стр. 341. В работе *г. Борда* "Масонство во Франции", Париж, 1908, стр. 307, находим вариант этой гипотезы, речь идет уже не о Сан-Германо. а о Экс-ан-Провансе.

[75] *Т.П. Барнум.* Шутки мироздания. Париж, изд. "А. Фор", 1866, стр. 301.

[76] Воспоминания Госпожи дю Оссет, горничной госпожи де Помпадур, отредактированные Баррьером. Брюссель, изд. "Бодуэн", 1825, стр. 145.

[77] Воспоминания Госпожи де Жанлис. Париж, изд. "Дидо", 1928, т. I, стр. 28.

[78] *Карлос де Виллермонт.* Граф Шуазель. Париж, изд. "Де-кле", 1925, стр. 136.

[79] *Др. Шаллис*, цитир. произв., т. II.

[80] *Ламот-Лангон.* Граф Сен-Жермен и маркиза Помпадур. Париж, 1838, т. I, II.

[81] Отметим, что дочь маркизы, Александрина-Жанна Ленорман д'Этьоль, крещенная в церкви Святого Евстафия 18 августа 1744 г., умерла в монастыре Успения в Париже 14 июня 1754 г. Если учесть, что действие романа происходит в 1745 г., комментарии излишни.

[82] *Граф Ламберг*, цитир. произв., стр. 85. См. также настоящую книгу, стр. 89.

[83] Гипотеза Ламот-Лангона перекликается с работой Ж.Б. Гурьэ "Знаменитые личности на улицах Парижа". Париж, изд.

"Леруж", 1811. В первом томе, на стр. 244, по поводу Калиостро, автор пишет о том, что: "он был отпрыском второй линии наших королей, происходил по прямой от Шарля-Мартеля". Если Калиостро происходил от второй линии, почему бы графу Сен-Жермену не происходить от третьей?

[84] *Фердинанд Дени.* Историческая, аналитическая и критическая картина оккультных наук. Париж, изд. "Мэре и Фурнье", 1842, стр. 259.

[85] *Л. Уроксолъ*. Замечательные приключения и нераскрытые тайны (на английском языке). Лондон, изд. "Р. Бентли", 1863, т. I.

[86] *г. дю Оссетт*, цитир. произв., стр. 146.

[87] *Барон Глейшен,* цитир. произв., стр. 128–129.

[88] Филипп де Штош, немецкий археолог и нумизмат, родился в Кустине в 1691 г. и умер во Флоренции в 1757 г. Это был типичный для своего времени эрудит, искатель интриг и приключений. О нем ходили нехорошие слухи. Его хотели изгнать из Тоскани, и он избежал этой участи только после вмешательства Франца Лотарингского. Он был масоном, так же, как и сам барон Глейшен. См.: *Ф. Сбиголи.* Т. Крудели и первые масоны Флоренции (на итал. языке). Милан, 1884.

[89] *Граф Ламберг*, цитир. произв., стр. 81.

[90] *Сен-Симон*, цитир. произв., т. II, стр. 362–363.

[91] *Р.-М. Рильке.* Мальтийские тетради Лауридо Брижде. Париж, изд. "Эмиль-Поль", 1927, стр. 219.

[92] *Ф. Бюло*, цитир. произв., стр. 340.

[93] *Т.П. Барнум,* цитир. произв., стр. 306.

[94] В то же время в Голландии жил некий Жак Беллами (1757–1786), считавшийся национальным поэтом.

[95] *Ф. Бюло*, цитир. произв., стр. 340.

[96] *Т.П. Барнум,* цитир. произв., стр. 306.

[97] *Ф. Бюло*, цитир. произв., стр. 340.

[98] г. *Тушар-Ляфосс.* Хроники Слухового Окна. Париж, изд. "Барба", 1855, два тома в формате in-4, т. I, стр. 294.

[99] *Ж. Казанова.* Монологи мыслителя. Париж, изд. "Ж. Фор", 1926, стр. 34.

[100] *Др. Кохаузен.* Hermippus redivivus, или Торжество мудрости над старостью и смертью. Пер. с английского П.А. де ля Плаж, Брюссель — Париж, 1789, т. II, стр. 56–59. Согласно мнению Бовуара (см. его книгу "Иоганн-Генрих Кохаузен", Париж, изд. "Малуан", 1900), данная книга — имитация оригинальной работы немецкого врача Кохаузена, написанная шотландским историком Жаном Кэмпбеллом.

[101] *Ж. Колэн.* Людовик XV и якобиты. Париж, изд. "Шапело", 1901, стр. 144.

[102] *А. Пишо.* История Чарльза-Эдуарда. Париж, изд. "Ладвока", 1830, т. I, стр. 264.

[103] Титул регента Франции восходит к Столетней войне и был в то время еще в силе: король Англии провозглашал себя одновременно и королем Франции.

[104] Если бы Чарльз-Эдуард пошел на Лондон, он мог бы захватить город, но он повернул к Глазго и был разбит герцогом Кумберлэндом 16 апреля 1746 г. Чарльз-Эдуард уехал в Италии, где и умер 31 января 1788 г.

[105] "Лондонские иностранные дела", 420, т. 223.

[106] Основополагающий английский закон, согласно которому

задержанного гражданина по приказу короля обязаны допросить в течение первых суток и отпустить под залог до суда.

[107] "Лондонские иностранные дела", 420, т. 362.

[108] *г. Уолпол.* Письма, стр. 108–109.

[109] "Еженедельный журнал", или "Британский газетчик" господина Рида. 17 мая 1760 г.

[110] "Иностранные дела Англии". 420, фолиант 513.

[111] "Джентльменский журнал", 1745, стр. 605.

[112] "Иностранные дела Англии" 420, фолиант 513.

[113] *Эндрю Лэнг.* Тайны истории, перевод с анг. Теодора де Вызева. Париж, изд. "Перрэн", 1907, стр. 213.

[114] "Иностранные дела Англии", 420, фолиант 513.

[115] г. *Уолпол.* Письма. Стр. 108–109. В последствии г. Уолпол скажет о Ж.-Ж. Руссо, что тот, приехав в Лондон по его просьбе, "перенял шарлатанство графа Сен-Жермена для того, чтобы выглядеть оригинальным и заставить людей говорить о себе". См.: "Письма друзьям", Париж, изд, "Дидье", 1872, стр. 115.

[116] г. *Уолпол.* Письма. Стр. 108–109.

[117] "Иностранные дела Англии", 420, фолиант 513.

[118] "Архив Голландии", 18 апреля 1760 г.

[119] Граф Сен-Жермен подарил адмиралу шпагу. Адмирал долгое время переписывался с графом. Письмо от 3 апреля 1760 г. См.: *И. Купер-Оукли*, цитир. произд., стр. 198.

[120] "Архив Голландии", 4 апреля 1760 г.

[121] *Эндрю Мичелл.* Воспоминания и документы (на английском языке). Лондон,!850, т. II, стр. 146–155.

[122] *Альберт Субис.* История музыки. Британские острова, XVIII и XIX век. Париж, изд. "Либрэри де Библиофиль", 1906.

[123] г. *Уолпол.* Письма. Стр. 108–109.

[124] *Т.П. Барнум*, цитир. произв., стр. 302.

[125] "Лондон Хроникл", 3 июня 1760 г.

[126] "Лондон Хроникл", 21 июня 1760 г. Анекдот напоминает то, что Мерсье приписывает Рамо в кн. "Картины Парижа", Париж, изд. "Паньер", 1853, стр. 163. Находясь в гостях у некой дамы, музыкант вдруг встал со стула, забрал собачонку, которая лежала у нее на коленах, и выкинул ее с третьего этажа. Испуганная дама спросила: "Сударь, что же вы делаете?" — на что Рамо ответил, прохаживаясь с видом человека, ухо которого разорвало: "Она фальшиво лает".

[127] Князь Иосиф-Мария Лобковиц принадлежал к старшей ветви одного из самых великих и знатных родов Богемии. Он был потомственным казначеем короны.

[128] Говорят, что рукопись находится в библиотеке старого замка Рауница в Богемии, во владениях князя Фердинанда

Лобковица. См.: *И. Купер-Оукли*, цитир. произв., стр. 40.

[129] *Т.П. Барнум*, цитир. произв. стр. 303.

[130] И была исполнена певицей Фрази.

[131–132] Эдмонд Уолтер, английский поэт, родился 3 марта 1605 г. в Колесхилле (графство Хердфорда), умер 21 октября 1687 г. в Биконсфильде.

[133] Карл-Фридрих Абель, немецкий музыкант, родился в Гетене в 1725 г., умер в Лондоне в 1782 г.

[134] Как видно из перечисления, музыкальное наследие графа Сен-Жермена довольно обширно. Было бы очень интересно, если бы музыковеды исследовали, как его творчество соотносится с творчеством современных ему английских музыкантов.

[135] "Иностранные дела Англии", 419, фолиант 199.

[136] "Письма от Шампро из Женевы", 20 марта 1745 г., господину Монтэгю. "Переписка". Париж, изд. "Плон", 191, стр. 238.

[137] *Бомон-Васси.* Сведенборг, или Стокгольм в 1756 г. Париж, изд. "Госселэн", 1842, стр. 32.

[138] Сведенборг был в Лондоне в 1745 г. для того, чтобы сдать в печать третий том своего основополагающего труда о животном мире. См.: *Маттер.* Сведенборг. Париж, изд. "Дидье", 1863, стр. 106.

[159] *Госпожа дю Оссет.* Воспоминания, отредактированные Ф. Барьером. Брюссель, 1825, стр. 84.

[140] В письме, отправленном из Парижа, указано время: "в среду, в 9 часов утра". Иностран. дела Франции, 1360, лист 116.

[141] Цитировано частями Е. Маркизетом, цитир. произв., стр. 81–82.

[142] Нац. архив города Блуа, 01 1326, стр. 399.

[143] *Казанова.* Воспоминания. Париж, изд. "Гарнье", без указания даты, т. 111, стр. 362.: "Король подарил ему квартиру в Шамборе и сто тысяч ливров для постройки лаборатории. Химическое производство призвано было обогатить все французские фабрики". См. также: *Граф Ламберг*, цитир. произв., стр. 81.

[144] Нац. архив города Блуа, О1 1326, стр. 379.

[145] Нац. архив города Блуа, 01 1326, стр. 395.

[146] Иностр. дела Франции, 1360, лист 116.

[147] Маркиз Мариньи проживал либо на улице Сен-Тома-дю-Лувр, либо в своем особняке на набережной Анжу, д. 5.

[148] *Госпожа дю Оссет*, цитир. произв., стр. 145.

[149] *Госпожа дю Оссет,* цитир. произв., стр. 145. Известно, что у Людовика XV была удивительная память на генеалогию, и он наугад не говорил никогда. См.: *Л. Пэрэ*. Образы прошлого, XVIII

век. Париж, изд. "Кальман-Леви", 1900, стр. 245.

150 *Эдуард Мэниаль.* Казанова и его время. Париж, изд. "Меркюр де Франс", 1890. По этому вопросу мы обратились к Моришо-Бопрэ, хранителю музея Трианон, который любезно согласился сообщить нам следующее: "Если это г факт подтвердится, то такая лаборатория могла находиться лишь в подсобных помещениях Трианона, а не в самом здании". Хранитель добавил, что "исследования результатов не дали" (письмо от 4 апреля 1933 г.).

151 Николь Коллессон — дочь Франсуа Коллессона, мастера-кожевенника и Клодины Ролло, дочери торговца сукном из Витри-ле-Франсуа. Родилась в Витри 14 июля 1713 г., вышла замуж 15 февраля 1734 г. за Жака-Рене дю Оссета, шталмейстера, помещика в де Демен, который умер в 1743 г. В 1747 г. госпожа дю Оссет де Демен стала горничной госпожи Помпадур, с которой она была знакома в молодости.

152 О доверенном лице госпожи Помпадур — госпоже дю Оссет — можно прочесть интересную книгу *М.Г. Сэнтвилъ.* Госпожа дю Оссет де Демен. Париж, изд. "Буавэн", 1937. Строгая компоновка работы и обилие официальных документов придают ей большую ценность. Госпожа дю Оссет умерла 24 июля 1801 г. в возрасте 88 лет.

153 *Госпожа дю Оссет*, цитир. произв., стр.142–143.

154 *Барон Глейшен*, цитир. произв., стр. 123.

155 Согласно *Е. Маркизэ*, цитир. произв., стр. 80, "влияние, оказанное графом Сен-Жерменом на великих людей его времени, то, как он пробрался во французский двор, заинтересовал Помпадур, почти сумел развлечь Людовика XV, объясняется его умением пользоваться своими физическими данными — он был хорошо сохранившимся пятидесятилетним брюнетом, его отличными познаниями в истории, глубоким знанием человеческого легковерия, умением утверждать факты, те. своим психологизмом и умом, а не высокой масонской степенью, как это впоследствии утверждалось.

156 *Госпожа дю Оссет*, цитир. произв., стр. 143. Обратимся к "Воспоминаниям о Марии-Антуанетте" графини д'Адемар, Париж, 1836, т. 1, стр. 297. Этот же диалог выглядит так: "Старая докучливая графиня Горжи (вместо Жержи), которую, надо полагать, смерть забыла на этой земле, сказала как-то при мне графу Сен-Жермену: "Пятьдесят лет тому назад мой муж был послом в Венеции, и помню, что Ваше лицо выглядело точно таким же, как сейчас, даже, может быть, более возмужалым, ибо с тех пор Вы помолодели" — "Я всегда радовался тому, что могу ухаживать за дамами" — "Вас тогда называли маркизом

Балетти" — "А Ваша память все такая же свежая, как и была пятьдесят лет тому назад" — "Этим я обязана эликсиру, который Вы дали мне при первой нашей встрече. Вы, действительно, замечательный человек" — "Имел ли тот маркиз Балетти плохое реноме?" — "Наоборот, это был очень приятный в общении человек" — "Прекрасно, раз на него жалоб нет, я принимаю его в качестве своего дедушки". Ламот-Лангон, настоящий автор "Воспоминаний", добавил: "Знаю, что с тех пор искажали ответы графа графине Горжи. *Я* передал их здесь такими, какими я их услышал из его уст". Смешно наблюдать, как один памфлетист нападает на другого, в данном случае на Тушара-Ляфосса, автора "Хроники слухового окна", таких же фальшивых, что и написанные им "Воспоминания".

[157] Иностр. дела Италии, листы 177 по 185.

[158] *Барон Глейшен*, цитир. произв., стр. 126.

[159] Мишо. Всемирная биография. Париж, 1824, т. 37, стр. 28.

[160] *Де Люше.* Виконт Баржак. Дублин и Париж, 1796, т.1, стр. 38. Согласно *г. Дэнуартэр*, цитир. произв., стр. 219, "Лорд Гор был словоохотливым человеком, который, не задумываясь, мог преследовать ближнего. Тем не менее, несмотря на его "темные стороны", его общество искали, и его характер почитался более крепким и стойким, нежели можно было бы предположить на основе эпизодов из его странной жизни".

[161] Согласно *К. Каню.* Ересь в Революции. Париж, изд. "Ле Клер", 1870, стр. 45, "маркиз (так в тексте) Сен-Жермен был знаком с Давидом, присутствовал на свадьбе в Кане, охотился с Карлом Великим, пил с Лютером".

[162] Согласно *де Куршану*, цитир. произв., т. IV, стр. 115, "эликсир Сен-Жермена состоял всего лишь из питьевого золота и ароматических трав". Барон же *Глейшен,* цитир. произв., стр. 127, утверждал: "Я никогда не слышал, чтобы он говорил об универсальном лекарстве".

[163] Барон *Глейшен,* цитир. произв., т. IV, стр. 125–126. Первая версия этой веселой сказки вышла в "Лондон Хроникл", от 3 июня 1760 г., без имен. Затем она была повторена графом *Ламбергом*, цитир. произв., стр. 80, а также другими авторами, Ст. де Гуаита в кн. "Храм Сатаны", Париж, 1891, стр. 301, и Роже де Бовуар в кн. "Искательницы приключений и куртизанки", Париж, 1856, со всякими фантастичными деталями.

[164] *Господин дю Оссет*, цитир. произв., стр. 179—180

[165] *Господин дю Оссет*, цитир. произв., стр. 145.

[166] *Господин дю Оссет*, цитир. произв., стр. 143–144. В своей книге "Госпожа де Помпадур", Париж, изд. "Амио", 1858, стр. 268, М. Капефиг рассказывает: "Поговаривали, что граф владел

секретом, как сделать эти камни из пепла и пыли".

[167] Так тогда называли шталмейстера, возглавляющего малую королевскую конницу, в отличие от господина Большого, который возглавлял большую конницу. В то время наследственная должность принадлежала маркизу Берингену, мужу М. д'Отфор, дочери французского посла в Вене. Отец маркиза, Анри де Беринген, оставил большую коллекцию художественных и исторических рисунков, хранящуюся в отделении рисунков Национальной библиотеки в Париже.

[168] *Господин дю Оссет*, цитир. произв., стр. 188–189.

[169] Маркиз Сен-Жиль был послом Испании в Гааге с 1734 по 1746 г. Умер в Мадриде в 1754 г. "Иностр. дела Испании", 393.

[170] *Господин дю Оссет,* цитир. произв., стр. 190–200. *Герцог Сен-Симон.* Воспоминания. Т. VII, стр. 351, рассказывает аналогичную и вполне реальную историю. В 1715 г. человек, назвавший себя маркизом де Рюффе, выдал себя за сына герцога. Согласно господину дю Оссет, госпожа де Помпадур захотела сделать из рассказанной графом Сен-Жерменом истории комедию. Писатель *Ш.О. Севрэн* написал "Маркиз Монкад или буржуазная комедия", это одноактная комедия в прозе с куплетами. Париж, 1811.

[171] В рассказ графа закралась одна-единственная ошибка. Маркиз Монкад, которого он считал бездетным, имел дочь от брака с потомком графов Баньос, но об этом граф Сен-Жермен мог не знать. См.: *Сен-Симон*, цитир. произв., т. XII, стр. 169.

Жюль Жанэн включил этот анекдот в сборник сказок под названием "Синие Птицы", Париж, изд. "Ашетг", 1846, под титулом "Ложные признания" и утверждал, что это новая глава романа аббата Прево "Манон Леско".

[172] Согласно *господину Капефигу*, цитир. произв., стр. 268, "маркиза консультировалась с графом если не как с волшебником, у которого есть волшебная палочка, то по крайней мере как с высшим умом, из тех, кто, изучив людей и ситуации, знают будущее.

[173] *Барон Глейшен*, цитир. произв., стр. 127.

[174] *Кампинъ де Борд.* Казанова и маркиза д'Юрфе. Париж, изд. "Шампион", 1932, стр. 5.

[175] *Казанова.* Воспоминания. Париж, изд. "Фламмарион", без указания даты, т. III, стр. 293. Странно прочитать такое под пером этого авантюриста, ибо не он ли писал: "Моя страсть была — удивлять", цитир. произв., т. V, стр. 324. Нельзя относиться к этим воспоминаниям слишком серьезно, нужно постоянно разбираться, где в них правда и где ложь, поскольку на каждом шагу сталкиваемся с ошибками. Например, Казанова утверждает, что

встретился с графом Сен-Жерменом в 1757 г. и что господин д'Юрфе "ненавидела графа". Из настоящей работы видно, настолько это было так.

[176] *Казанова,* цитир. произв., т. III, стр. 292.

[177] *Ж. Санд.* Герцогиня Рудолыитадт. Париж, изд. "Леви", 1857, т. I, стр. 23.

[178] *Казанова*, цитир. произв., т. III, стр. 292.

[179] *Давид де Сен-Жорж* Ашиль-Франсуа де Ласкарис д'Юрфе, маркиз д'Юрфе Шастелэ (1759–1794). Дижон, изд. "Дарантьер", 1896, стр. 167–168.

[180] *Давид де Сен-Жорж*, цитир. произв., стр. 165. Можно назвать среди рукописей госпожи д'Юрфе первый французский перевод немецкой работы алхимика Фавра Aurea Catena Homeri (Золотая цепочка Гомера). Перевод был сделан специально по заказу маркизы неким Ситандром (?) в 1749 г. Драгоценная рукопись находится в библиотеке Уварова. Копия перевода упоминалась в каталоге Дюрбона ("Эзотерическая библиотека" № 675). Этот перевод считается точнее, чем перевод Дюфурнелья. опубликованный под названием "Разоблаченная природа". Париж, изд. "Эдме", 1772 г., два тома, in-8.

[181] *Давид де Сен-Жорж*, цитир. произв., стр. 165–166. Согласно Казанове, "Воспоминания", т. III, стр. 285, у маркизы д'Юрфе был "вот уже пятнадцать лет был анатор" (алхимический прибор). Такая глупость достойна пера этого автора.

[182] "Авантюрист, продажная душа, низкий и мелкий почерк которого доказывает вульгарность". См.: *Арусс.* Элементарная Графология. Париж, 1899, стр. 49.

[183] В кн.: "Мистическая переписка Ж. Казотта с Ляпортом и Путо", Париж, изд. "Леруж", год VI, стр. 99. можно прочесть следующее: "Маркиза д'Юрфе одна из первых гналась за мной, после того как вышла в свет моя научная книга "Влюбленный дьявол". С этими словами перекликаются и следующее замечание: "Знаю маркизу, которая потратила 50 тысяч дукатов для того, чтобы видеть дьявола". *Караччиопи.* Таинственная Вселенная. Авиньон, 1759, стр. 132.

[184] *Де Куршан,* цитир. произв., стр. 266–269.

[185] *Казанова*, цитир. произв., т. V, стр. 399.

[186] *Т.П. Барнум*, цитир. произв., стр. 302, утверждал, что старый портрет графа Сен-Жермена есть и в Фриерсфоре, в Саксонии (вместо Трисдорфа в Баварии) в апартаментах, в которых он жил однажды. Увы, в этот город приезжал генерал-лейтенант де Сен-Жермен (см. стр. 10).

[187] Петлицы, обшитые шнуром *(Примеч. пер.)*.

[188] См.: *Фирмен-Дидо* Портретная гравюра во Франции. 1875–

1877, т. И, № 2322.

189 *Жорж Кокюелъ.* Ля Пуплиньер и камерная музыка. Париж, изд. "Фишбахер", 1933, стр. 224.

190 *Казанова,* цитир. произв., т. III, стр. 387.

191 Нац. архив города Блуа, 1326, стр. 315.

|92 Нац. архив города Блуа, 1326, стр. 395.

193 Нац. архив города Блуа, 1326, стр. 392.

194 В одном журнале мы нашли следующее любопытное сообщение: "Граф собрал группу студентов в своей лаборатории в Шамборе, среди которых граф Глейшен, маркиза д'Юрфе и княгиня д'Анхалт, мать Екатерины Великой". "Теософи", № 8, 21 апреля 1938 г., стр. 179, статья подписана Джеффри Уестом. В одном каталоге мы нашли указание на рукопись под названием "Развитие минерального творения", на котором было следующее замечание: "Этот секрет был найден в кабинете графа де Сен-Жермен в Шамборе".

195 *Лефев.* Старинные дома в Париже. Париж, изд. "Рейнвальд", 1875, т. И, стр. 366.

196 Карл-Генрих Глейшен, родился в 1735 г. в Немерсдорфе близ Байрейта, умер в Регенсбурге 5 апреля 1807 г. После службы маркграфу Байрейта и маркграфу Дании он посвятил себя наукам. Его главными работами являются: "Метафизические Ереси" (на нем. яз.); франц. перевод под названием "Теософические Эссе". Париж, 1792, и "Воспоминания".

197 *Барон Глейшен,* цитир. произв., стр. 121. Несколькими строчками ниже барон утверждал, что граф Сен-Жермен ухаживал за дочерью вдовы Ламбер.

198 *Госпожа дю Деффан.* Переписка с герцогом Шуазель. Париж, изд. "Леви", 1887, т. I, стр. 232.

199 *Л. Кл. de Сен-Мартен.* Переписка. Париж, 1862, письмо L1.

200 *Барон Глейшен,* цитир. произв., стр. 123. Согласно Ламоту-Лангону, у графа Сен-Жермена "были два камердинера. Один служил у него уже пятьсот лет, другой был парижанином до мозга костей, знал и двор и город. Кроме них служили еще четыре лакея, одетые в ливреи цвета испанского табака, с синими манжетами и воротником в золотой обшивке. Он снимал карсту за пятьсот франков в месяц. Цитир. произв., т. I, стр. 207.

201 *Барон Глейшен*, цитир. произв., стр. 122. Согласно господину Капефигу. в книге "Госпожа де Помпадур", стр. 268, граф Сен-Жермен собрал замечательную коллекцию картин фламандской и особенно испанской школы. Он первым открыл другим ее достоинства. Он подарил Королевскому кабинету картины Веласкеса и Мурилло прекраснейших цветов.

202 Надо полагать, графу Сен-Жермену были известны

указания Ж. Кардана, данные им в VII томе его книги "Тонкости", и позволяющие придавать различным камням прозрачность алмаза.

[203] *Барон Глейшен*, цитир. произв., стр. 123.

[204] *Госпожа де Жанлис* Воспоминания. Париж, изд. "Фирмен-Дидо", 1928, т. I, стр. 3.

[205] *Госпожа де Жанлис.* Воспоминания, т. I, стр. 15.

[206] *Госпожа де Жанлис.* Воспоминания, т. I, стр. 19.

[207] *Госпожа де Жанлис.* Воспоминания, т. I, стр. 19.

[208] *Госпожа де Жанлис.* Воспоминания, т. I, стр. 25.

[209] *Госпожа де Жанлис.* Воспоминания, т. I, стр. 27. В журнале "Исторические листки", № 1, июль 1913, М.А. Маркизэ пишет: "Граф практиковал рациональную гигиену, неизвестную в его время, воздерживался в еде и в плотских наслаждениях, и таким образом сумел сохранить молодой вид до преклонного возраста".

[210] *Госпожа де Жанлис.* Воспоминания, т. I, стр. 27. В книге "Прошлое пиренеизма, записки библиофила", Париж, 1919, стр. 37. Луи Беральди пишет, что граф был "удивительно тонким, изысканным человеком, ярким собеседником, пользующимся огромным успехом".

[211] В своих "Воспоминаниях" барон Глейшен выражает мнение, что граф придерживался доктрины Лукреция, согласно которой божественное отрицается и восхваляются чувственные наслаждения.

[212] *Госпожа де Жанлис.* Воспоминания, т. I, стр. 26.

[213] *Госпожа де Жанлис.* Воспоминания, т. I, стр. 26. Один господин *Дюфор де Шеверни* в своих "Воспоминаниях". Париж, изд. "Плон", 1909, т. I, стр. 56, считает, что лицо у него было совершенно обыкновенным.

[214] *Госпожа де Креки*, цитир. произв., т. II, стр. 269.

[215] *Ламот-Лангон,* цитир. произв., т. 1, стр. 294–295.

[216] *Госпожа де Креки*, цитир. произв., т. II, стр. 267.

[217] *Барон Глейшен*, цитир. произв., стр. 128.

[218] *Госпожа де Креки*, цитир. произв., т. II, стр. 269.

[219] "Эрудиты и знатоки восточных языков протестировали познания графа Сен-Жермена. Первые нашли его ученее себя в языках Гомера и Вергилия. Он заговорил со вторыми на санскрите, китайском, арабском, чтобы доказать им, что жил в Азии и что восточные языки следует учить не в школах". *Аббат Леканю,* цитир. произв., т. II, стр. 834.

[220] *Госпожа де Жанлис.* Воспоминания, т. I, стр. 27.

[221] *Госпожа де Жанлис.* Воспоминания, т. I, стр. 27.

[222] *Госпожа де Жанлис.* Воспоминания, т. I, стр. 26.

[223] *Госпожа де Жанлис*. Воспоминания, т. I, стр. 27–28.

[224] *Госпожа de Жанлис.* Воспоминания, т. I, стр. 28–29.

[225] *Госпожа de Жанлис.* Воспоминания, т. I, стр. 26.

[226] В паркетном полу одной из столовых сохранился люк с подъемником, позволяющий поднять накрытые столы для "малых ужинов" Людовика XV, дабы освободить его от утомительного обслуживания лакеями.

[227] "Король слушал с явным интересом рассказы о путешествиях в Азии и в Африке, завораживающие анекдоты о русском, австрийском, оттоманском дворах. Казалось, граф больше знает о тайных делах каждого двора, чем королевские послы и атташе". *Ж. Капефиг,* цитир. произв., стр. 269. См. также его же "Герцогиня Круднер". Париж, изд. "Эмио", 1866, стр. 192–193.

[228] *Ламот-Лангон,* цитир. произв., т. I, стр. 300—306

[229] *Ламот-Лангон,* цитир. произв., т. I, стр. 306–310.

[230] *Ламот-Лангон.* Граф Сен-Жермен и графиня де Помпадур. Париж, 1838, т. II.

[231] Буквально "Парк с оленями", публичный дом-парк под Парижем, где господа устраивали своеобразную охоту, в коро-рой роль дичи играли молодые девушки. Благородные олени, давшие свое название парку, были статуями *(Примеч. пер.).*

[232] *Ж. Пешэ.* Воспоминания, извлеченные из архивов полиции. Париж, изд. "Левавассер", 1838, т. II, стр. 202. Эти Воспоминания на самом деле целиком написаны Ламот-Лангоном.

[233] Ж. *Пешэ,* цитир. произв., т. II, переиздание, Париж, 1933, глава IV, стр. 52–56.

[234] *Дюкло.* Тайные воспоминания времени царствования Людовика XIV, регентства и Людовика XV.

[235] *Госпожа дю Оссет,* цитир. произв., стр. 190–200.

[236] Голландский архив, 18 апреля 1760 г.

[237] *Дюфор de Шеверни,* цитир. произв., стр. 56.

[238] *Лун Бобэ* Семейные бумаги Ревентловов. Копенгаген, 1906.

[239] "У госпожи д'Анжвилье ничего красивого, кроме волос, никогда и не было. Они доставали до земли. Правда, и в этом ничего особенного не было, ибо она была очень маленького роста". См.: *Герцог Левис.* Воспоминания и портреты. Париж, 1815, стр. 89.

[240] *М. Кампан.* Воспоминания. Париж, изд. "Дидо", 1866, стр. 386.

[241] *П.Ж. Гролэ,* цитир. произв., стр. 333.

[242] *А. Дино.* Парижские галантные, вакхские и пр. общества. Париж, изд. "Башлен-Дефлорен", 1867, т. I, стр. 3.

[243] "Вурмб князю Фридриху-Августу", письмо от 19 мая

1777 г.

[244] Аббат Монфокон де Вилар выбрал для героя своей книги имя графа Габалиса в память Габалов, изначально живших в области Жеводана, иначе названных по латыни Gabalicus pagus. Аббат Вилар был родом из окрестностей Тулузы, область Жеводан была составной частью Тулузских владений между X и XI веками.

[245] Устав ордена Блаженства состоял из галантных правил, которых нужно было придерживаться. Женщины носили на груди крестик на зеленой ленточке — символе надежды. "Воспоминания баронессы д'Оберкирш", Париж, без указания даты, т. 1, стр. 220.

[246] *Госпожа дю Оссет,* цитир. произв., стр. 34.

[247] "Письмо Вольтеру" от 22 апреля 1760 г., см.: *П. Кальметт.* Шуазель и Вольтер. Париж, изд. "Плон", 1902, стр. 70.

[248] *А. Ланг*, цитир. произв., стр. 219.

[249] "Лондон Хроникл" от 31 июня 1760 г.

[250] *Барон Глейшен,* цитир. произв., стр. 129–130.

[251] Согласно господину Пьеру Лермье, господин Бель-Иль называл графа Сен-Жермена "своим сыном, усыновленным в старости". См. журнал "Ла Ревю де Франс", № 11, за 1 июня 1939 г., стр. 357.

[252] Шарль-Луи-Опост Фукэ, герцог Бель-Иль, родился в Вильфранше 22 сентября 1684 г., умер 26 января 1761 г.

[253] Барон Глейшен утверждал, будто граф Сен-Жермен "дал господину Бель-Иль планы и схемы знаменитых плоскодонных кораблей, на которых собирались снарядить экспедицию против Англии". Это совершенная ложь. Анализ депеш французского посла в Лондоне показал, что граф никогда не вмешивался в это дело. "Иностр. дела Англии", 442, листки 112,134, 143, 174.

[254] *П. Кальметт*, цитир. произв., стр. 104.

[255] *Шеврие.* Политическая жизнь маршала Бель-Иля. Гаага, изд. "Ван Дюрена", 1762 г., стр. 264.

[256] *А. Мало,* цитир. произв., стр. 125–126.

257 Голландский архив. Документы Бентинка, 9 марта 1760 г.

[258] Вот письмо Фридриха II Прусского бальи Фрулэ: "Надеюсь, дорогой бальи, что мое поручение не будет Вам неприятным. Вы можете ощутить его большое значение для всех воюющих сторон. Мир — вот о чем кричит Европа, но амбиции глухи. Берлин, Пруссия, т. 186, лист 163. Косвенный ответ на это письмо может прочесть в письме господина де Шуазеля Вольтеру: "Пусть Фридрих II не думает, что мы такие дураки и поверим в махинации Гааги. Лучшее, что мы можем делать, это казаться дураками, поскольку дурацкий вид — самое подходящее для побежденных". См.: *П. Кальметт*, цитир. произв., стр. 51.

[259] *Дютенс.* Воспоминания, т. I, стр. 149.

[260] Письмо господина де Шуазеля Вольтеру, 14 января 1760 г., см.: 77. *Кальметт*, цитир. произв., стр. 56.

[261] Правитель в Соединенных Провинциях *(Примеч. пер.)*.

[262] Герцог Брауншвейгский был назначен фельдмаршалом Республики в 1750 г., при князе Вильгельме IV. После смерти княгини Анны, матери князя одиннадцатилетнего Вильгельма V, он был назначен его опекуном.

[263] *Герцог Шуазель-Стенвиль.* Историческое исследование переговоров между Францией и Англией начиная с 26 марта 1761 г. по 20 сентября того же года, с приложениями. Париж, изд. "Королевская печать", 1761 г., стр. 9—13.

[264] *П. Кальметт*, цитир. произв., стр. 46. Было предложение устроить Конгресс. По этому поводу Вольтер написал прусскому королю: "Ваши министры в Бреде будут наверняка знать больше, чем я. Ни Шуазель, ни Кауниц, ни Питт своих секретов не раскрывают. Их знает один человек, некий Сен-Жермен, который когда-то поужинал в Тренте вместе со святыми отцами, участвующими в Соборе, и который через 50 лет будет все еще встречаться с Его Величеством. Это человек, который не умирает и знает все". Письмо от 15 апреля 1760 г. Полное собрание сочинений, Париж, изд. "Дидо". 1877 г., т. X, № 313. На что Фридрих II ответил 1 мая 1760 г.: "Этот граф — сказка для детей" (игра на словах comte — граф и conte — сказка.), № 339. Оба имели ввиду ходящие в Париже слухи о мистификаторе — милорде Горе.

[265] "Во время своих путешествий его привычки были спокойными и простыми. Больше, чем-либо, он дорожил небольшим карманным изданием работы Гарини "Il Pastor Fido", своей единственной библиотекой". *Т.П. Барнум*, цитир. произв., стр. 307. Нам эта информация кажется сомнительной, поскольку этот изящный, но аморальный роман, неоднократно осужденный, мало подходит нашему герою.

[266] Один из братьев Хоп был первым депутатом Амстердама, оба они были директорами Вест-Индской компании.

[267] Иностр. дела Голландии, 503, лист. 163.

[268] Иностр. дела Голландии. Документы Бентинка, 18 апреля 1760 г.

[269] Как известно, Гаага являлась дипломатической столицей Нидерландов, тогда как Амстердам — столица торговли.

[270] Иностр. дела Голландии. Документы Бентинка, 1760 г.

[271] В работах *Капона* Казанова в Париже. Париж, изд. "Шмидт", 1912 г., стр. 420, и *Ж. ле Грас.* Экстравагантная личность Казановы. Париж, изд. "Грассэ", 1922 г., стр. 105, тексты этого

письма приводятся разные.

[272] Иностр. дела Голландии, 502, лист 202.

[273] Согласно самому Казанове, "эта операция навредила Франции, и ожидали банкротство". Воспоминания, т. III, стр. 458. Тем не менее Ж. ле Грас пишет: "Казанова не претендует на грандиозный размах Сен-Жермена"(!!), цитир. произв., стр. 63.

[274] Иностр. дела Голландии, 502. Однако Казанова утверждает, что господин д'Аффри его принял: "Господин д'Аффри спросил, знаю ли я некоего графа Сен-Жермена, недавно приехавшего в Гаагу и добавил: "Я его никогда не принимал, несмотря на то что он приехал-де с поручением от короля по поводу стомиллионного займа. Когда ко мне обращаются за справкой об этом человеке, мне приходится говорить, что я его не знаю, ибо боюсь скомпрометировать себя. Как видите, мой ответ (не) может повлиять на исход его переговоров, но не моя в этом вина, а его. Почему же он мне не привез письма от господина де Шуазеля или от маркизы? Я думаю, что он — самозванец. В любом случае, через несколько дней я буду знать…" "Воспоминания", т. III, стр. 459.

[275] *Казанова*, цитир. произв., т. III, стр. 459–460.

[276] Иностр. дела Голландии. 503, листы 212 и 213. Казанова упорствует во лжи, добавив, что граф Сен-Жермен приехал в Гаагу для того, чтобы заложить алмазы французской короны, а он, Казанова, раскрыл этот план в шифрованном предсказании.

[277] Иностр. дела Голландии, 503, листы 212 и 213.

[278] Иностр. дела Голландии, 503, лист 217. Парис-Монтмартел был финансистом, Парис-Дювернэ — военным администратором, оба они во многом были повинны в дефиците казны, деньги из которой они раздавали по своему усмотрению.

[279] Документы Мичелля, кн. XV, изд. "Холдернесс Диспэчз". 1760. 6818, Plut. P.L. 168,1(12), 20 марта 1760.

[280] Британский Музей, 6818,24 марта 1760 г.

[281] Британский Музей, 6818,24 марта 1760 г.

[282] Голландский дипломат господин Вильгейм Бентинк ван Рун был другом герцога Ньюкастла. Его симпатия к Англии была известна в дипломатических кругах, и уже в 1752 г. посол Австрии в Париже граф Кауниц выражал свое недоверие к нему. См.: "Тайная корреспонденция между графом Кауницем и бароном фон Кохом", под редакцией Х. Шлиттера, Париж, изд. "Плон", 1899 г.

[283] Письмо господина Каудербаха графу Вакербарту, министру короля Польши Августу III. См.: *К Вебер.* Четыре столетия (на нем.), Лейпциг, 1857, т. I, стр. 306–323.

[284]Письмо господина Кауцербаха графу Вакербарту от 14

марта 1760 г. В этом письме мы нашли замечание, которое нам показалось маловероятным, поскольку слова этого автора нигде не находят подтверждения: "В его дом ломится народ, как будто он — некий диковинный зверь. А на самом деле это — милейший человек". Нам, следовательно, приходится принимать и другие его утверждения с опаской, тем более что граф Сен-Жермен проводил целые дни у своих знакомых и возвращался в гостиницу лишь на ночь.

[285] Иностр. дела Голландии, 503, лист 215. В архивах это письмо хранится только в виде копии.

[286] Решение суда нам неизвестно.

[287] Иностр. дела Голландии. Документы Бентинка, 11 марта 1760 г. Согласно тому же источнику, в письме от 21 марта 1760 г… граф Сен-Жермен сказал-де Бентинку, "что у него имеются письма Йорка Шуазелю, которые могут способствовать его падению, что все добрые люди во Франции — за мир и один Шуазель выступает за продолжение войны". В силу этого утверждения нам придется признать, что граф Сен-Жермен не разбирался в международной политике и что его опала — результат собственной несдержанности.

[288] Король передал Шуазелю "почтовую тайну", то есть право выбирать и открывать письма. Шуазель злоупотреблял этим.

[289] Иностр. дела Голландии, 503, лист 239, копия архивных материалов.

[290] Британский музей, 6818, 28 марта 1860 г. (описка: читать 1760 г. — *Примеч. пер.)*

[291] Граф Александр Головкин был послом России в Голландии. Его старший сын Иван, служивший у него секретарем, стал с 1758 г. французским шпионом в Англии. См.: "Искателям и любознательным в развлечение", № 256, 20 декабря 1902 г., стр. 900.

[292] Иностр. дела Голландии. Документы Бентинка, 26 марта 1760 г.

[293] Господин д'Аффри написал господину Шуазелю о Бентинке следующее: "У меня до сих пор не было с этим человеком никаких отношений и не вижу необходимости в том, чтобы начать.

Он не друг Франции, ему всего лишь нужно возобновить свой кредит в Гааге и Лондоне, ибо его все больше и больше влекло в эту сторону". Поскольку граф Сен-Жермен был его близким другом, замечания д'Аффри только подогрели ненависть Шуазеля к нему. Иностр. дела Голландии. 503. лист 245.

[294] Иностр. дела Голландии, Документы Бентинка, апрель 1760 г.

[295] Иностр. дела Голландии. Документы Бентинка, 26 марта 1760 г. Согласно документам из Британского музея, 6818, 28 марта 1760 г., граф Сен-Жермен отослал одного слугу в Париж с тремя письмами: одно — для маршала Бель-Иля, другое — для госпожи Помпадур, третье — для своего близкого друга, графа Клермона.

[296] Согласно господину д'Аффри и по его просьбе, его депеши были переправлены Бель-Илю, "дабы он прекратил переписку с человеком, поведение которот дезавуировано". Иностр. дела Голландии, 503, лист 306. Господин д'Аффри также вернул господину Бель-Илю те два письма, который тот написал графу Сен-Жермену. Там же.

[297] В работе *П. Кальметта,* цитир. произв., стр. 78, в письме господина Шуазеля Вольтеру от 8 мая 1760 г. мы нашли следующее: "Некоторое время назад, наученные недругами, или по собственной подозрительности, здешние послы Австрии и России стали меня в чем-то подозревать. Сначала я не обратил на это внимание, затем это повторилось еще и еще. Тогда я им сказал, вместе и по отдельности, что когда Его Величество захочет заключить мир, она не станет скрывать это от них, потому что если она может избрать то или иное решение для блага правления, она не сумеет обмануть. Поэтому король сообщил своим союзникам, что какие-то переговоры, способные восстановить общий мир, были начаты между Англией и Францией, что в данное время эти переговоры прекращены, но, тем не менее, несомненно, что король предпринимал такой шаг". Вот доказательство, что миссия графа Сен-Жермена относилась к тому, что можно называть "тайной короля".

[298] *Барон Глейшен,* цитир. произв., стр. 131. Рассказ мог дойти до барона только от господина Шуазеля, дружбой с которым он хвастался. Он, в конце концов, мог также все выдумать. Однако поведение Людовика XV точно подмечено в его "Дневнике", т. I, стр. 242; аббат Вери свидетельствует: "Поняв правоту этих замечаний, Людовик XV опустил голову, покраснев, и промолчал. Он всегда так делает, когда ему доказывают, что он не прав".

[299] Господин Ламберг, будучи не знаком с графом Сен-Жерменом, придумал сцену, где сам граф рассказывает: "Когда меня арестовали, я попросил, перед тем, как сдать шпагу, чтобы мне дали возможность поговорить с послом Франции господином д'Аффри при Их Высоких Особах. Меня отвезли туда, в моем же экипаже. Один офицер следил за мной. Господин посол меня принял, и казался удивленным меня здесь видеть, затем он сказал стражнику, чтобы тот удалился и предупредил бургомистров о том, что я нахожусь под защитой короля, и пока я останусь в

Голландии, я буду под покровительством его Величества". "Воспоминания светского человека", стр. 83.

[300] Иностр. дела Голландии, 503, лист 320. Господин д'Аффри получил это срочное сообщение через французского посла в Брюсселе, господина Мартэна де Лессепса.

[301] В книге "Таинственные личности" *Ф. Бюло*, т. 1, стр. 343, можно прочесть следующее: "Генеральные Штаты пожелали оказаться приятными королю Франции, — громко разрекламировали эту свою услугу — и послали многочисленный вооруженный отряд арестовать господина Сен-Жермена". Это не более как очередное ложное утверждение.

[302] Барон Тадей Рейшах был полноправным представителем Австрии в Гааге и остался на этом посту до октября 1782 г.

[303] У каждого крупного города Соединенных Провинций был свой представитель, которого именовали пенсионарием. Представитель Гааги, соответственно, назывался Великим пенсионарием. Что до Секретаря — это аналог министра иностранных дел.

[304] Иностр. дела Голландии, 503, лист 327.

[305] В то время Бельгию называли "католическими Нидерландами", она находилась под правлением Габсбургов *(Примеч. пер.)*.

[306] Иностр. дела Голландии, 503, лист 354. Этот документ представлен в виде копии.

[307] Иностр. дела Голландии. Документы Бентинка, 15 апреля 1760 г.

[308] Иностр. дела Голландии. Документы Бентинка, 15 апреля 1760 г.

[309] У графа Сен-Жермена были письма от Йорка, компрометирующие его гак, что последнему пришлось сдаваться. (Иностр. дела Голландии. Документы Бентинка, 31 марта 1760 г.) Например, в одном из них Йорк выражал графу Сен-Жермену желание встретиться с ним и объяснял ему, что он должен делать для того, чтобы они оба могли бы переговариваться, не рискуя быть дезавуированными, ни в личном, ни в общественном плане".

[310] Когда господин д'Аффри спросил у господина Йорка, почему тот себя так повел, Йорк ответил, что "пусть не подумают, что ему так хотелось оказать нам любезность". Иностр. дела Голландии, 304, отметка 47.

[311] Иностр. дела Голландии. Документы Бентинка, 15 апреля 1760 г.

[312] Иностр. дела Голландии, 503, лист 357.

[313] Порт Хеллевутслуис находится на Маасе, к югу от острова Воорна на Харнигвлите.

[314] Иностр. дела Голландии. Документы Бентинка, 16 апреля 1760 г.

[315] Иностр. дела Голландии, 503, лист 357. Согласно тогдашним путеводителям, граф Сен-Жермен поехал по дороге, направляющейся в Дельфт, оставил карету в Роттердаме и отправился в Хеллевутслуис на корабле, названном "паромная шлюпка".

[316] Иностр. дела Голландии, 503, лист 383.

[317] Иностр. дела Голландии, 304, отметка 8.

[318] Иностр. дела Голландии, 304, отметка 5.

[319] Иностр. дела Голландии. Документы Бентинка, листы 100–101, оригинальный текст на французском языке.

[320] в частном разговоре между Бентинком и д'Аффри, уже после отъезда графа, последний признал, что "граф был решительно замечательным человеком, несмотря на абсурдные слухи, которые распространили на его счет, тогда как ни в Лондоне, ни в Париже никаких злоумышленных инсинуаций против него сделано не было". Иностр. дела Голландии. Документы Бентинка, 18 апреля 1760 г.

[321] Бентинк был прав, когда он объявлял о том, что его уважение к графу осталось неизменным. Ведь во всем этом деле отвечать должен был Бель-Иль. Когда он отправил графа в Гаагу, он не знал, что 9 ноября 1759 г. было подписано секретное соглашение между Англией и Пруссией, согласно которому стороны "обязывались не заключать договоров о мире, о перемирии или о нейтралитете, равно как всякого рода договоров с державами, участвующими в данном конфликте, кроме как вместе и при обоюдном согласии, и с непременным взаимным включением друг друга в договор". См.: Исторический и политический Меркурий Нидерландов, Брюссель, № 6, февраль 1760 г., стр. 19–21. Когда данный договор был денонсирован, было слишком поздно, чтобы отозвать графа Сен-Жермена из Голландии, и он пострадал впоследствии этого просчета. С другой стороны, он же знал, что поручение должно было оставаться тайным, иначе его должны были дезавуировать и даже компрометировать.

[322] Английская служба регистрации. 27 апреля 1760 г. См.: //. *Купер-Оукли*, цитир. произв., стр. 199. Поскольку граф Сен-Жермен был в Англии в то время, когда это письмо пришло в Гаагу, он, наверно, никогда не узнал о воинственных настроениях своего поклонника.

[323] Корабль, курсирующий между Харвичем и Хеллевутслуисом, называется "Принц Оранский", на нем служили капитаны Исаак Крон и Хунтер. Иностр. дела Голландии, 505,

лист 133.

[324] Иностр. дела Голландии, 505, лист 17.

[325] В своих "Воспоминаниях", т. 5, стр. 80, Казанова пишет: "Герцог Шуазель отвергнул графа Сен-Жермена понарошку, чтобы иметь его в Лондоне в качестве шпиона. Однако лорд Галифакс на эту удочку не попался и нашел даже уловку грубой". Согласно Т.П. Барнуму, цитир. произв., стр. 366, "Шуазель написал Питту с просьбой арестовать этого человека как русского шпиона, но духи, которые были у него на услужении, во время его предупредили и он удрал на материк".

[326] Граф Сен-Жермен никогда не приезжал в Голландию для того, чтобы заключить мир, а лишь с целью возобновить переговоры, прерванные вследствие непреклонности Шуазеля.

[327] Документы Митчелля, 6 мая 1760 г.

[328] Документы Митчелля, 6 мая 1760 г.

[329] В "Воспоминаниях", т. V, стр. 77, Казановы можно прочесть следующее: "Государственный посланец, который приказал ему уезжать, убедил его в том, что английского министра провести не удалось, и он понял, зачем д'Аффри попросил от имени французского короля Генеральных Штатов выслать графа".

[330] Додо-Генрих, барон Книпхаузен, был с 1758 по 1776 г. полномочным послом Фридриха II в Лондоне. Он был другом родственника господина Бентинка. См.: "Краткая биография графа Бентинка и барона Книпхаузена" (на нем. языке). Олденбург, 1836.

[331] Лорда Холдернесса, друга графа Сен-Жермена, только что — в марте 1760 г. — заменил граф Бют на посту государственного секретаря, и герцог Ньюкастл ушел из политической жизни. Иностр. дела Англии, 443.

[332] Тайные берлинские архивы, 6 мая 1760 г. См.: *г. Д. Волц.* цитир. произв., стр. 192.

[333] *П.Ж. Гролэ* утверждает, цитир. произв., стр. 325. будто "граф Сен-Жермен надолго стал предметом всеобщего любопытства, ему удалось отвязаться от него, лишь удрав в северное государство, где след его простыл". Как мы увидим, все это было не так.

[334] *Барон Билфелъд.* Личные письма. Гаага, изд. "Гоос", 1763, т. II, стр. 402.

[335] Документы Митчелля, 6 мая 1760 г.

[336] Аналогичная заметка звучит так в "Брюссельской газете": "Граф Сен-Жермен был освобожден в Лондоне и приехал сюда (т. е. в Роттердам). Даже во время своего задержания он имел несколько бесед с несколькими членами Частного совета, что дает повод для новых предположений". Даже если этот текст

близок к действительности, он остается странным: возможно, редактор хотел намекнуть, что разговор между графом Сен-Жерменом и Книпхаузеном имел политическую подоплеку? Однако, как мы видели, это было не так.

337 Можно подумать, что статья была заказана графом Сен-Жерменом, или по крайней мере, что автор был знаком с ним.

338 Сам Фридрих II в письме племяннице — жене голландского штатгальтера Вильгейма V — опроверг столь тенденциозные утверждения: "Мне не нравятся люди, о которых рассказывают разные чудеса" (Постдам, 17 марта 1778 г.). В другом письме, адресованном своему посланнику в Дрездене, прусский король написал: "Граф Сен-Жермен меня интересует лишь из любопытства" (там же, 29 марта 1777 г.). И когда 25 июня того же года граф Сен-Жермен попросил об аудиенции, Фридрих 11 ответил лишь через господина д'Алвенслебена. Последнее замечание также проясняет сцену, рассказанную бароном Глейшеном (цитир. произв., стр. 133)" где мы видим графа, издевающегося над маркграфом Байрейта, отказывая показать ему письма Фридриха II, которые он держал в руке. Мы уверены, что граф не мог иметь подобных писем и что здесь речь идет о генерал-лейтенанте Клоде-Луи де Сен-Жермене.

339 Иностр. дела Голландии, 509, лист 301.

340 "Лондон Хроникл", 22 августа 1760 г.

341 Поскольку маршал умер 26 января 1761 г., этот факт должен иметь место в конце 1760 г.

342 *Казанова,* цитир. произв., т. V, стр. 79–80.

343 Иностр. дела Голландии, 509, лист 301.

344 Иностр. дела Голландии, 509, лист 503.

345 *Харденброк.* Воспоминания. См.: *И. Купер-Оукли*, цитир. произв., стр. 181.

346 Иностр. дела Голландии, 509, лист 327.

347 *Флассан.* Общая и разумная история французской дипломатии. Париж, 1811, т. IV, стр. 339.

348 Согласно Бутарику, "Неопубликованная тайная корреспонденция Людовика XV". Париж, изд. "Плон", 1866, т. 1, стр. 109., Екатерина опрашивала господина Бретейа, французского посла, и просила у него денег. Он ответил, что у него их нет, и, видя, что заговор вот-вот перейдет к действиям, уехал из России. Чуть позже он вернулся в эту страну. Остается вопрос: зачем Бретейю понадобилось копаться в архивах своего министерства в Париже, чтобы узнать, кто же такой граф Сен-Жермен, если он прекрасно мог об этом узнать в Петербурге? См.: *К. де Куршан*, цитир. произв., т. II, стр. 269.

349 По утверждению господина Пылаева, автора "Старинного

Петербурга". См.: *И. Купер-Оукли,* цитир. произв., стр. 24. Наши же собственные расследования ничего не дали.

[350] Справка предоставлена председателем "Международной Книги" в Санкт-Петербурге (1932).

[351] Граф Петр Ротари (1707–1764), ученик Антония Бале-стра и Анжело Тревизани, оставил несколько картин больших размеров на религиозную тематику (хранятся в музеях Мюнхена и Дрездена), а также некоторое число гравюр. Кажется, русский художник Рокотов сформировался под его влиянием. См.: *Сирет.* Исторический словарь художников. Париж, изд. "Лакруа", 1866.

[352] Картины графа Ротари украшают в Петергофском дворце кабинет Моды и Граций.

[353] *Граф Ламберг*, цитир. произв., стр. 50.

[354] Ноты, переплетенные в красную кожу, были подарены господином Пылаевым композитору Чайковскому. В семье Юсуповых должны были храниться и другие музыкальные рукописи графа Сен-Жермена. *И. Купер-Оукли,* цитир. произв., стр. 24.

[555] *Кавалер Коберон.* Дневник. Париж, изд. "Плон", 1901, т. II, стр. 193–195.

[356] Согласно Я. *Купер-Оукли*, цитир. произв., стр. 23, 3 марта 1762 г. граф Сен-Жермен находился во дворце в Архангельском (на расстоянии 737 км от Санкт-Петербурга) с княгиней Марией Голицыной.

[357] *Пьер Лермъе*. Таинственный граф Сен-Жермен. Париж, изд. "Кольбер", 1943, стр. 167–205; *Жан де Керделанд*. От Нострадамуса до Калиостро. Париж, изд. "Сельф", 1945, стр. 191–201.

[358] "Воспоминания княгини Дашковой". Цитируется по английскому изданию под ред. У. Брэдфорда, Лондон, изд. "Колбурн", 1840, т. I, стр. 62–63.

[359] Вся глава основана на "Архивах военного государственного секретариата в Брюсселе", тома 1053 по 1303.

[360] *А. Р. фон Арнет.* Граф Филипп Кобенцль и его воспоминания (на нем. яз.). Вена, 1835, стр. 84 и след.

[361] Карл-Иоан-Филипп, граф Кобенцль. родился в Вене 21 июля 1712 г. Он был сыном графа Иоанна-Каспара и его второй жены Екатерины — графини Риндсмаул. После окончания учебы в Лейдене он стал путешествовать. В 1734 г. женился на дочери генерала Палффи. Объездив всю Германию, вернулся в Вену, и 19 августа 1753 г. был назначен представителем Австрии в Брюсселе вместо маркиза Ботта-Адорно. "Каким бы титулом ни прикрывался, он всего лишь шпион, посаженный Карлом VI для того, чтобы присматривать за сестрой, и которого Мария-Тереза оставит при своем девере князе Карле Лотарингском". См.: *К де*

Виллльбона. Граф Кобенцль. Париж, изд. "Дэклэ", 1925, стр. 25.

[362] Венский архив. Корреспонденция Марии-Терезы, т. 271.

[363] *А.Р. фон Арнет,* цитир. произв., стр. 86.

[364] Кобенцль Кауницу, 28 апреля 1763 г.

[365] Эти два рассказа взяты нами из цитированной работы Арнета. Мы ни в коем случаем не хотим бросить тень на правдивость первого случая, тем не менее, он кажется невозможным, поскольку все картины Рафаэля зарегистрированы, и маловероятно, что какая-нибудь картина могла попасть в частное собрание. Что касается второго рассказа, отказ Кобенцля, после того как он принял картину Рафаэля, удивляет.

[366] "Он в совершенстве владел теми науками, о которых говорил. Если речь шла о музыке, он говорил о ней как маэстро, садился за рояль и исполнял собственные сочинения". *А.Р. фон Арнет*, цитир. произв.

[367] Кобенцль Кауницу, 8 апреля 1763 г.

[368] Речь, наверное, идет о "симильоре", о котором говорит Глейшен, цитир. произв., стр. 127.

[369] Кобенцль Кауницу, 8 апреля 1763 г.

[370] Кобенцль Кауницу, 8 апреля 1763 г.

[371] Барбара-Жозефина-Луиза Ступи, родившаяся 2 ноября 1706 г., вышла 30 сентября 1735 г. замуж за банкира Матиаса Неттина. Под ее влиянием "банк Неттин" стал первым банком Нидерландов. После смерти мужа, 28 июня 1749 г., она получила для старшего сына должность придворного казначея. Когда Кобенцль приехал в Брюссель, стала его другом и близким советником. С тех пор она стала настоящей хозяйкой экономических и финансовых интересов Нидерландов. 1 апреля 1758 г. она была произведена во дворянство. См.: *Ив де Фонтоббия* "Виконтесса Неттин", журнал "Л'Энсюрже", № 1, стр. 15–22.

[372] Кобенцль Кауницу, 8 апреля 1763 г.

[373] Казанова, наверное, вспомнил здесь о том наряде, в котором предстал Жан-Жак Руссо в Париже в декабре 1765 г по дороге в Лондон. См.: *Башомон.* Воспоминания. Париж, изд. "Гарнье", 1874, стр. 163.

[374] Опять ошибка Казановы, доказывающая его незнание европейских дворов: кем же тогда был господин Кауниц?

[375] И здесь Казанова ошибается, а может быть, откровенно врет. Маркиза д'Юрфе умерла 13 ноября 1775 г. Что до замечания, вложенного в уста графа Сен-Жермена, оно чудо как остроумное.

[376] Ламот-Лангон рассказывает аналогичную историю осуществленной графом Сен-Жерменом трансмутации в

"Воспоминаниях графини д'Адемар о Марии Антуанетте", т. 1, стр. 297: "Граф Вальбель [первый муж графини], сходил к нему [к графу] и нашел его думающим. Сен-Жермен попросил дать ему взаймы монету в 6 ливров: Вальбель достал монету и вручил графу. Тот положил ее на реторту и покрыл каким-то черным веществом, затем зажег огонь. Вальбель увидел, как монета изменила цвет, стала рыжей. Спустя несколько минут адепт вынул ее из огня, остудил, и вручил маркизу. Она была уже не из серебра, а из чистейшего золота. Трансмутация полностью удалась. Эту монету я хранил в секретере вплоть до 1786 г., когда ее украли вместе с другими иностранными и старинными французскими монетами…" Первый французский перевод "Воспоминаний" Казановы вышел в Париже между 1826-м и 1929 г., а "Воспоминания" Ламота-Лангона вышли в 1836 г. — плагиат налицо.

377 *Казанова*, цитир. произв., т. VI, стр. 76–79. Как бы мы ни относились к этой встрече, нам кажется, что она полностью выдумана. Что касается золотой монеты, Казанова подарил-де ее Уильяму Кейту, прозванному Милордом маршалом, губернатору Невшателя, с которым он встретился в Берлине в том же году.

378 *К. де Виллермон*, цитир. произв., стр. 136.

379 Королевская библиотека, Ms II 897, лист 47.

380 Согласно Иву де Фонтгобия, младший Неттин умер в 1768 г. в возрасте 20 лет.

381 Виконт Валкиерс де Троншиеи был государственным советником и директором лотереи.

382 Кобенцль Кауницу, 8 апреля 1763 г.

383 Кобенцль Кауницу, 8 апреля 1763 г.

384 Кобенцль Кауницу, 8 апреля 1763 г.

385 Кауниц Кобенцлю, 19 апреля 1763 г.

386 Кобенцль Кауницу, 8 апреля 1763 г.

387 Кауниц Кобенцлю, 19 апреля 1763 г.

388 Кобенцль Кауницу, 28 апреля 1763 г.

389 Кобенцль Кауницу, 27 мая 1763 г.

390 Кобенцль Кауницу, 21 июля 1763 г.

391 Жан-Жозеф маркиз Лаборд родился в Жакке (провинция Арагон, Испания) в 1724 г. и был первым промышленником, к которому правительство обратилось за финансовой помощью. Став банкиром двора, в 1763 г. он должен был организовать кредитную кассу. В 1794 г. он был казнен.

392 Анж-Лоран де Лалив де Жюлли (1725–1775) представлял послов и был членом Королевской академии художеств и скульптуры.

393 Кауниц Кобенцлю, 19 апреля 1763 г.

[394] Жан-Жакоб де Дорн, советник при дворе и референт по нидерландским делам при тайной канцелярии в Вене.

[395] Кобенцль Кауницу, 22 июля 1763 г.

[396] Кобенцль Кауницу, 25 июня 1763 г. Шлейшен, увидевший эти картины, был другого мнения. Цитир. произв., стр. 122.

[397] Кобенцль Кауницу, 25 июня 1763 г.

[398] Эта сумма была дана Сюрмону госпожой Неттин сознательно, что подтверждает ее племянник в "Воспоминаниях": "Он должен был довести до конца обустройство этого предприятия, и сумма была ему авансирована для этой цели". См.: *А. Р. вон Арнет*, цитир. произв.

[399] Кауниц Кобенцлю, 5 июля 1763 г. Данная памятка Сюрмону не была передана.

[400] В своем докладе Кауниц излагал следующее мнение: "В самом благоприятном случае, то есть если удалось бы полностью заполнить внешний рынок, данное предприятие было бы несправедливым с точки зрения морали и противоречило бы политике. Несправедливым потому, что оно разорило бы все частные красильни", Кауниц Марии-Терезе. 21 июля 1763 г.

[401] Кауниц утверждал, что 94 000 гульденов, заплаченные Сюрмону, последний незаслуженно вытребовал у госпожи Неттин, поскольку суммы для возвращения долга зависели-де от проблематичных доходов, что было неправдой: секреты изготовления не были вымышленными, они были реальностью, подкрепленной убедительными результатами, ибо Кобенцль признавался, со слов экспертов, что "крашеные ткани действительно чудесны". Кобенцль Кауницу, 21 июля 1763 г.

[402] Заводы так и просуществовали лишь на бумаге, как об этом свидетельствуют следующие строчки из письма Кобенцля Кауницу, 2 июля 1763 г. "Наш изготовитель тесемок и шелков Барбиери, наш изготовитель камлота Франколэ и наш изготовитель тканей Ж. Кинт умоляют нас ускорить открытие красильни". Значит, ничего не было сделано, а памятка была лишь пробным шаром, пущенным в венское правительство.

[403] Кауницу Мария-Тереза, 21 июля 1763 г.

[404] Мария-Тереза князю Карлу Лотарингскому, 24 июля 1763 г.

[405] *Ш. Маруа.* Граф Сен-Жермен в городе Турнэ. "Промышленное" мошенничество в 1763 г., в газете "Л'Эндепанданс Белж", 15 января 1935 г.

[406] Кобенцль Кауницу, 2 августа 1763 г.

[407] Кауниц Кобенцлю, 14 августа 1763 г. Эта "тайна" интересовала канцлера больше всех остальных: "даже, если речь идет только об этом, государственная казна могла бы приобрести

этот секрет, не нанося большого урона промышленности страны или ее торговле". Кауниц Марии-Терезе, 21 июля 1763 г.

[408] *М. де Виллермон*$_{y}$ цитир. произв., стр. 136, пишет, однако, следующее: "Уже прошло два месяца с того дня, как Сен-Жермен уехал в Турнэ, Кобенцль и вдова Неттин, обеспокоенные его молчанием, прислали к нему молодого Филиппа Кобенцля, ответственного за финансы. После нескольких дней, проведенных в наблюдениях за Сюрмоном, он доложил им, что деньги улетучились, а никакого производства не начато.

Прежде чем его заказчики успели что-либо еще предпринять, Сен-Жермен исчез". *Господин де Фонтоббия*, цитир. произв., стр. 19, добавляет: "Граф Сен-Жермен уехал с деньгами и не вернулся..."

[409] Маркграф Баден-Дурлаха Карл-Фридрих родился в Карлсруэ 22 ноября 1728 г. и умер И июня 1811 г. После учебы в Лозанне он посетил Францию, Италию, Англию. Голландию и вернулся в Карлсруэ только после того, как достиг совершеннолетия, в 1750 г. Своей политической и религиозной терпимостью он привлек к себе иностранцев.

[410] Кобенцль Кауницу, 23 августа 1763 г.

[411] Кауниц Кобенцлю, 3 сентября 1763 г.

[412] Кобенцль Кауницу, 2 октября 1763 г.

[413] "Лондон Хроникл", 3 июня 1760 г.

[414] *Граф Ламберг.* Воспоминания светского человека. Париж — Лондон — Амстердам, изд. "Кап Корс", 1774, второе издание, в 2-х томах. Произведение посвящено прусскому королю.

[415] Письмо Антона Лаватеру 20 августа 1778 г. Ответ графа Сен-Жермена был передан известному физиономисту Лаватеру доктором Антоном — адвокатом и синдиком Горлица, автором нескольких работ о тамплиерах.

[416] Максимилиан-Иосиф граф Ламберг родился 25 ноября 1729 г. в Брюнне (Моравия). Он был сыном Антона — губернатора города Линца и дочери маркиза де Приз — посла Франции в Нидерландах. Получив замечательное гуманитарное и научное образование, он объездил вместе с братом Леопольдом (которого Калиостро лечил в 1783 г.) Германию, Австрию, Голландию и Францию. Он начал карьеру с поста камергера императора Франца I. В 1757 г. он присоединился к графу Старембергу — послу Австрии во Франции, затем, спустя три года, в 1761 г. стал личным советником Вюртембергского герцога Карла-Евгения. В 1767 г. он — великий маршал князя-епископа Аугсбурга. После вынужденной отставки он объездил Италию, Корсику и берега Африки. Вернувшись в свой замок в Брюнне, он умер 23 июня 1792 г. Написал множество книг, некоторые из них мы цитируем.

См.: *Ш. Ад. Кантакузен.* О Максимилиане Ламберге. В журнале "Мерюор де Франс", № 885 от 1 мая 1935 г., стр. 503–518.

[417] Говорят, что граф славился тем, что умел "все представить в виде привлекательной и остроумной колкости".

[418] В письме Опицу Ламберг утверждал, будто видел графа Сен-Жермена у госпожи Талмон — княгини Яблонской, родственницы Марии Лещинской, жены Людовика XV: "Я провоцировал его остроумие и слушал его внимательно. Он показался мне очень ученым и забавным". См.: *Мэниапь.* Казанова и его время. Париж, 1911, стр. 268.

[419] "В Аугсбурге я проводил приятнейшие вечера у графа Макс. Ламберга. Больше всего в нем я любил его литературный талант". *Казанова*, цитир. произв., т. V, стр. 101.

[420] Так же, как и Казанова, Ламберг был масоном. Между 1777-м и 1778 г. в некоей ложе в Вене он присутствовал в качестве магистра шотландского ритуала на экспериментах над гомункулусами, которые проводил граф Кюфштейн. См.: "Сфинкс", май 1890 г., французский перевод Л. Левина в журнале "Л'Инициацион", март, стр. 202–229. Данные из: *К. Кизеветтер.* Одна из загадок прошедших времен.

[421] Согласно *Ван Супестейну*, цитир. произв., граф Сен-Жермен как-то доверительно сообщил Ламбергу, что он родился в городе Витри-ле-Франсуа. Однако же в "Воспоминаниях светского человека" эта информация не подтверждается.

[422] Персидский шах Надир, известный также как Тамас-Кули-Хан, родился в 1688 г. и был убит в 1747 г.

[423] *Граф Ламберг*, цитир. произв., стр. 80.

[424] *Граф Ламберг*, цитир. произв., стр. 80–81. По этому поводу можно рассказать историю, случившуюся со знаменитым врачом Бурхавеном. Некий китайский мандарин написал ему письмо, на котором указал: "Бурхавену, врачу в Европе", и письмо дошло до адресата.

[425] "Он пишет так же быстро, как и говорит".

[426] Неточная цитата из книги "О тщеславии"" глава IX.

[427] "Владеешь искусством фальсификаторов". Цицерон, Вторая филиппика Марку Антонию. На что граф Сен-Жермен мог бы ответить: "Stultorum infinitus est numerus" (бесконечно количество глупцов). Книга Соломона. Экклезиаст.

[428] *Граф Ламберг,* цитир. произв., стр. 83.

[429] Франциск Ї Лотарингский, император Германии (1708–1765) был постоянным покровителем гуманитарных и точных наук, увлекался алхимией.

[430] Граф *ю* Барр, французский майор.

[431] Немецкий химик Иоганн-Генрих Потт (1692–1777)

работал только над саксонским топазом.

[432] Немецкий химик Андреас-Сигизмунд Маргграф (1709–1780) также проводил опыты лишь над саксонским топазом и ляпис-лазурью.

[433] Французский химик Гийом-Франсуа Руэлль (1703–1770), единственный из трех, работал над алмазами. Его исследования, опубликованные в "Журнал де ла Медесин", т. XXXIX.

[434] Золотая Цепь Гомера — так называется (на латыни и по-французски) немецкий трактат по алхимии, изданный во Франкфурте в 1723 г., который был популярен в то время и в рукописи. Это продолжение Изумрудной Скрижали.

[435] Малый и Великий Альберт являются апокрифами, содержащими рецепты природной магии.

[436] Пикатрикс, которого Рабле называет Чертовым Аббатом был арабским врачом, приехавшим в Испанию около XIII века. Король Кастильи Альфонс X заказал перевод его работ около 1256 г. На основе латинского перевода был сделан французский, рукопись которого хранится в библиотеке "Арсеналь".

[437] *Граф Ламберг*, цитир. произв., стр. 85.

[438] "Во время поездки в Индию в 1755 г. граф обратился к знаниям индусских браминов и с их помощью решил проблему искусственной кристаллизации чистого угля, иначе говоря, проблему изготовления алмаза", См.: *Барнум*, цитир. произв., стр. 305.

[439] Отметим по этому поводу, что последним французским губернатором Бенгалии был в 1755 г. некий Пьер-Рено де Сен-Жермен, из знатной семьи Крезэ. См.: "На службе Индийской компании. Неопубликованные письма семьи Рено де Сен-Жермен из провинции Пуату в XVIII веке". Аннотировано г. Валл ее, Париж, изд. "Лароз", без указания даты.

[440] Нет в Индии города, называющегося "Баба". Это турецкое имя или название. Может быть, Ламберг хотел сказать о бенгальском набобе, Мир Джафер-али-Хане, который в 1757 г. имел какие-то сношения с лордом Клайвом. См.: *г. М. Меллерсон*. Лорд Клайв. Оксфорд, 1900 г., стр. 86.

[441] *Господин Ламберг*, цитир. произв., стр. 85.

[442] Джон-Стюарт, граф Бют (1713–1792). Именно он подписал мир в Фонтенбло в 1763 г., положивший конец морской войне между Францией и Англией. Он был другом сына Георга II, принца Уэллльского, умершего в 1751 г.

[443] *Господин Ламберг*, цитир. произв., стр. 86.

[444] Следует здесь напомнить мысль Ламот-Лангона в книге "Граф Сен-Жермен и маркиза Помпадур", а также слова П.Ж. Гролея в книге "Путешествие в Голландию", стр. 324, о наличии

между 1758-м и 1762 г. одной женщины в жизни Сен-Жермена. Автор, однако, ничего больше не уточняет.

[445] Трагедия Вольтера, написанная в 1732 г. по мотивам шекспировского "Отелло" *(Примеч. пер.)*.

[446] *Господин Ламберг*, цитир. произв., стр. 86. То же самое мы находим в рассказе *Ф. Граффера* "Маленькие Венские воспоминания" (на нем. яз.). Вена, 1846, т. II, стр. 136–162. Граф Сен-Жермен пишет полстраницы, с пером в каждой руке. Исходила эта идея от Фридриха II.

[447] См.: *Купер-Оукли*, цитир. произв., стр. 45.

[448] *Господин Ламберг*, цитир. произв., стр. 86. Одна из последних работ Ламберга называется "Фантастические дощечки, или Особая библиотека для некоторых стран или людей". Дессо, 1782 *г.* Под именем сэра Эрла изображен граф Сен-Жермен, себя же он назвал Сержисом. Это своеобразный парад различных тем, затронутых в живой беседе. Ламберг обещал дать позже интересные детали о жизни графа, но нам такая работа неизвестна. Однако М. Мэниал цитирует (в кн. "Казанова и его время") эпитафию, написанную Ламбергом о графе и найденную в его письмах господину Опицу:

Мой век длится CCC лет:
Для друзей мне — CC;
Если надо выпить, мне L лет;
С прекрасной Иридой мне всего XXV.
И сопротивляюсь я не всем ее чарам.
Для Фортуны я не был погремушкой,
Никогда она мной не играла,
Наоборот, я ею играл.

Может быть, граф и не сопротивлялся чарам Ириды; Ламберг же умер от того, что слишком уж преклонялся перед Венерой — хотя его друг Казанова это отрицал. См.: "Воспоминания", т. V, стр. 101.

[449] Дю Боек князю Фридриху-Августу, 12 апреля 1777 г. См.: *г. Б. Вольц,* цитир. произв., стр. 333.

[450] Дневник графа Лендорфа. т. 1, 2 мая 1777 г. См.: *г. Б Вольц,* цитир. произв., стр. 305.

[451] *г. Жанлис,* цитир. произв., стр. 29.

[452] *Барон Глейшен,* цитир. произв., стр. 132,

[453] Данная глава подготовлена на основе документов, хранящихся в Государственном берлинском архиве. См.: г. *Б. Вольц* Граф Сен-Жермен (на нем. яз.). Дрезден, 1923, стр. 304–337.

[454] *Граф Лендорф.* Дневник моей эпохи (на нем. яз.). Гота. 1921, т. I, май 1777 г.

[455] Дю Боск принцу Фридриху-Августу Брауншвейгскому. 2 апреля 1777 г.

[456] *Граф Лендорф*, цитир. произв., 2 мая 1777 г.

[457] Д'Алвенслебен королю Фридриху II, 10 марта 1777 г.

[458] *Князь Гессенский*, цитир. произв., стр. 135.

[459] Д'Алвенслебен королю Фридриху II, 25 июня 1777 г.

[460] *Граф Лендорф*, цитир. произв., 2 мая 1777 г.

[461] *Граф Лендорф*, цитир. произв., 2 мая 1777 г. Согласно князю Гессенскому следует писать Weldon, а не Welldone, цитир. произв., стр. 136.

[462] *Граф Лендорф*, цитир. произв., 2 мая 1777 г.

[463] *Граф Лендорф*, цитир. произв., 2 мая 1777 г.

[464] Согласно Ф.А. О'Бринну, граф Марколини предложил графу влиятельный пост в Дрездене, если тот согласится оказать большую услугу государству. Однако "чудодейственный человек" отказал. См.: Граф Камиль Марколини в книге "Биографический Эскиз" (на нем. яз.), Дрезден, 1877 г.

[465] Д'Алвенслебен королю Фридриху II, 28 марта 1777 г.

[466] Дю Боек принцу Фридриху-Августу Брауншвейгскому, 12 апреля 1777 г.

[467] *Граф Лендорф,* цитир. произв., 2 мая 1777 г. Для одних эликсир долголетия графа является смесью ароматов и золота (см.: Мишо, т. IV, в статье, посвященной Калиостро, для других чай долголетия являлся смесью сандалового дерева, александрийского листа и семян фенхеля (см.: г *Юфеланд.* В целях продления человеческой жизни. Лион, 1809, стр. 17). Виконт Лаплясс ("Тайна долголетия", Париж, изд. "Гийомен", 1873, стр. 164) и др. Леано ("Растения, лекарства и болезни", Варни-ле-Гран, 1891) считают; что этот чай, способный лечить самые серьезные случаи запоров, состоит из 25 г цветков бузины, 5 г семян фенхеля и укропа, кремортартара и 25 г александрийского листа (*Меньшиков*. Исследования человеческой природы. Париж, изд. "Масон", 1903, стр. 337). Речь идет всего лишь о заваренном александрийском листе, действующем как слабительное. Иногда в аптеках можно найти состоящий из бузины, семян укропа и фенхеля, а также кремортартара чай или соль Сен-Жермена.

[469] Д'Алвенслебен королю Фридриху II, 25 июня 1777 г.

[469] *К. де Вебер.* Четыре столетия. Лейпциг, 1857, стр. 318.

[470] Фридрих-Август Брауншвейгский, сын князя Карла, генерал-лейтенанта прусской армии.

[471] Дю Боск князю Фридриху-Августу Брауншвейгскому, 15

марта 1777 г.

[472] Король Прусский Фридрих II д'Алвенслебену, 29 марта 1777 г.

[473] Король Прусский Фридрих II д'Алвенслебену, 30 марта 1777 г.

[474] По поводу д'Алвенслебена граф Сен-Жермен применил однажды странное сравнение. Он сказал, что тог говорил, "будто он — восточная жемчужина".

[475] Граф Сен-Жермен не утверждал, что он — сын Ференца Ракоци II, он говорил лишь, что "зовется князем Ракоци". Говорил он и о двух братьях, но кто они, как их зовут? Даже справка Гессенского ландграфа неточна касательно точных титулов сыновей Ференца Ракоци II.

[476] Д'Алвенслебен королю Прусскому Фридриху IL 29 марта 1777 г.

[477] "Тайные способы, о которых он хочет умолчать, касаются превращения полудрагоценных камней в драгоценные". Д'Алвенслебен королю Прусскому Фридриху И, 25 июня 1777 г.

[478] Д'Алвенслебен королю Прусскому Фридриху II. 25 июня 1777 г.

[479] Князь Генрих Гессенский королю Фридриху II, 15 июля 1777 г.

[480] *Граф Лендорф*, цитир. произв., 2 мая 1777 г.

[481] Дю Боск князю Фридриху-Августу^ Брауншвейгскому, 15 марта 1777 г.

[482] Фрелих князю Фридриху-Августу Брауншвейгскому. 25 марта и 7 мая 1777 г.

[483] Давид ван Хоц (согласно Хефферу), или Иоанн Конрад Хоц (согласно Мишо), родился в Риштенвгле недалеко от Цюриха, в 1739-м или 1740 г., отец его был крестьянином н практикующим врачом. Хоц обучался в Цюрихской гимназии, стал военным, поступил на службу в Вюртемберг в 1758 г. и прослужил до 1765 г., стал капитаном кавалерии. Он не мог оказаться в России в 1762 г. В Петербург он приехал лишь в 1765 г. Служил он то в России, то в Австрии. Там он стал маршалом под именем Фридрих Хоц. Погиб в битве при Цюрихе в 1799 г.

[484] Дю Боск князю Фридриху-Августу Брауншвейгскому, 2 апреля 1777 г.

[485] Дю Боск князю Фридриху-Августу Брауншвейгскому, 12 апреля 1777 г. Ср. с указаниями, данными Уном Биршем.

[486] Дю Боск князю Фридриху-Августу Брауншвейгскому, 12 апреля 1777 г.

[487] Дю Боск князю Фридриху-Августу Брауншвейгскому, 15 марта 1777 г

[488] Иоанн-Родольф, барон Бишофсвердер, саксонский поданный, служил сначала при герцоге Курляндском, затем перешел в Пруссию и стал одним из любимцев короля Фридриха-Вильгельма II; умер в Маркатсе около Берлина в 1803 г.

[489] Де Бишофсвердер королю Фридриху-Августу, 25 марта 1777 г.

[490] Христиан-Иосиф-Карл, сын короля Польши и саксонского пфальцграфа Фридриха-Августа II, родился в 1733 г. и умер в 1796 г.

[491] Князь Карл Курляндский князю Фридриху-Августу, 22 апреля 1777 г.

[492] *И. Купер-Оукли*, цитир. произв., стр. 128–129. (королевская библиотека в Вольфенбюттеле).

[493] Четвертая ступень обряда Строгого послушания соответствует Шотландскому мастеру.

[494] Вурмб князю Фридриху-Августу Брауншвейгскому, 19 мая 1777 г.

[495] Иоанн-Георг Шрепфер родился в 1730 г., умер 8 октября 1774 г.

[496] *Ж.Ж. Муньер. О* влиянии философов на французскую революцию. Тюбинген, 1801, стр. 149.

[497] *Фридр. Бюло,* цитир. произв., стр. 363.

[498] *Граф Ламберг.* Лодка. Вена, 1782, стр. 100.

[499] *Ле Куте де Кантеле.* Секты и тайные общества. Париж, изд. "Дидье", 1863, стр. 151.

[500] *Ле Куте де Кантеле,* цитир. произв., стр. 151.

[501] *ф. Бюло,* цитир. произв., стр. 366. Согласно *Мунье,* цитир. произв., стр. 149, звали его "графом Штейнвилем", а по *Лаиот-Лангону*, цитир. произв., стр. 191, он "выдает себя за незаконнорожденного сына князя Конти".

[502] В книге *Ламот-Лангоиа,* цитир. произв., стр. 191–195, дю Боек стал де Роза, де Вурмб — де Вармом, а Бишофсвердер — Бизенопсвердером.

[503] Луи-Филипп Эгалитэ, герцог Шартрский, затем герцог Орлеанский, умер 6 ноября 1793 г. В 1771 г. он был избран великим магистром всех масонских лож Франции (Великий

Восток), а в 1772 г. Великим магистром шотландских лож (советы и капитулы).

[504] Карл Брауншвейгский умер в 1780 г., был избран на съезде в Кохло Великим магистром ложи Строгого Послушания.

[505] *Фр. Бюло,* цитир. произв., стр. 367–368.

[506] *Фр. Бюло,* цитир. произв., стр. 372.

[507] *Фр. Бюло,* цитир. произв., стр. 372.

[508] *Фр. Бюло*, цитир. произв., стр. 373.

[509] Никола-Филипп Ледрю, известный под именем Комус (1731–1807), был не только ловким фокусником, но и ученым физиком.

[510] *Граф Ламберг.* Лодка. Стр. 101.

[511] *Фр. Бюло,* цитир. произв., стр. 373–374. Почти аналогичная история случилась в Вене. В ней участвовали герцог Ришелье, сын великого канцлера, аббат Синзиндорф и капитан императорского алебардного полка граф Вестерлоо. Некий шарлатан убедил этих трех вельмож, что он сможет с помощью дьявола достать для каждого из них то, что им больше всего хочется. Решили вызывать духов в Венском карьере. Направились туда ночью. Было лето, и вызывания длились так долго, что день уже занимался, когда пришедшие рабочие услышали ужасные крики, они увидели собравшихся и человека, одетого в армянское платье, утопающего в собственной крови и издающего последний вздох. Это и был горе-колдун, которого господа отдали на заклание. *Дюкло.* Тайные воспоминания, т. И. стр. 269.

[512] Автор этой странной идеи не кто иной, как граф Мирабо, написавший в кн. "О Прусской монархии при Фридрихе Великом", Лондон, 1788, т. V, стр. 69: "После Шрепфера пришел Сен-Жермен". Идею подхватил *Ле Куте де Кантеле*, цитир. произв., стр. 151, сказавший: "Именно Шрепфер научил графа Сен-Жермена".

Ст. Рене де Талландъе покончил с этим утверждением словами: "Данное сравнение — неверно, ибо если первый только и думал о том, как бы заработать на суеверии своих современников, второй не отказывался предоставить для блага человечества свои познания в химии, минералогии, медицине, и в этом большая разница между другом князя Гессенского и самоубийцей из Лейпцига. См.: "Немецкий князь XVIII века", в журнале "Ревю де де Монд", январь — февраль 1866 г.

[513] Бишофсвердер князю Фридриху-Августу, 9 июля 1777 г.

[514] Бишофсвердер князю Фридриху-Августу, 16 сентября 1777 г. Согласно Хеферу, т. VI, "Бишофсвердер имел какое-то универсальное лекарство, которым пользовался, но, похоже, что оно не продлило бесконечно длительность его карьеры".

[515] Как мы помним, нашлись историки, которые утверждали, будто генерал-лейтенант Клод-Луи Сен-Жермен "сыграл на руку Пруссии при Росбахе". Неудивительно, что нашлись другие, готовые сказать, что граф Сен-Жермен послужил Пруссии *в* ущерб Франции. Так, например, для господина Ленотра он является шпионом прусского короля. См.: Пруссаки вчера и всегда. Париж, 1917, стр. 133–157. Для Жана Мура и Поля Лувэ он посланник оккультной власти, защищающей Пруссию. См.: Сен-Жермен — бессмертный розенкрейцер. Париж, изд. "Галлимар", 1934, стр. 169–221.

[516] Дю Боек князю Фридриху-Августу Брауншвейгскому, 2 августа 1777 г.

[517] Король Фрихрих II д'Алвенслебену, 30 июня 1777 г.

[518] Некоторые, хорошо информированные авторы утверждали, что графу "оказывали хороший прием при дворе короля, где он развлекал всех своим умом и своими познаниями" (см.: *А. де Катон,* цитир. произв., стр. 261), и даже, что он был "лучшим другом короля". См.: *Жан л 'Еклэрер*, цитир. произв., стр. 316.

[519] *Д. Тиебо* Воспоминания о двадцати годах, проведенных в Берлине. Париж, изд. "Дидо", 1860, т. II, стр. 300.

[520] *Д. Тиебо*, цитир. произв., т. II, стр. 360.

[521] Барон Книпхаузен, прусский гражданин, был профессиональным дипломатом. После того как он был поверенным в делах при царе Петре Первом, который с ним познакомился во время своего пребывании в Голландии в 1717 г., он был послом в Париже с 1753 по 1756 г., затем в Лондоне с 1758 по 1776 г. Он был женат на вдове барона Ондорфа, сестре бывшего адъютанта Фридриха И, едва не казненного в 1730 г. по вине своего хозаяина.

[522] *Д. Тиебо*, цитир. произв., т. II, стр. 301.

[523] *Д. Тиебо*, цитир. произв., т. II, стр. 301.

[524] *Д. Тиебо,* цитир. произв., т. II, стр. 301.

[525] *Д. Тиебо*, цитир. произв., т. I, стр. 94.

[526] *Д. Тиебо,* цитир. произв., т. I, стр. 238.

[527] *Д. Тиебо,* цитир. произв., т. I, стр. 281.

[528] "Поскольку госпожа дю Труссель страдала болезнью, которую в Берлине считали неизличимой, она стала лечиться у графа Сен-Жермена. Она излечилась — графу удалось избавить ее от камня величиной с куриное яйцо". Знаменитый швейцарский врач Ж.-Г. Циммерманн рассказывает эту мистическую историю в книге "Записки о Фридрихе Великом" (на нем. яз.), Лейпциг, 1790, т. II, стр. 119. К концу жизни этот врач стал мизантропом, что объясняет его мнение о графе, с которым он даже не был знаком.

[529] *Д. Тиебо*, цитир. произв., т. II, стр. 301.

[530] *Д. Тиебо,* цитир. произв., т. II, стр. 301.

[531] *Д. Тиебо*, цитир. произв., т. II, стр. 301–302.

[532] *Д. Тиебо.* цитир. произв., т. II, стр. 302–303. Размышления Понса Сен-Мориса достаточно любопытны, чтобы быть приведены здесь, даже если, согласно Д. Тиебо, это всего лишь предположена По крайней мере, способ переводить деньги остроумен. и можно подумать, что нашли "золотоносную жилу" графа Сен-Жермена, которую безуспешно искал Шуазель.

[533] Антуан-Жозеф Пернети родился в Руан-ан-Форез 13 февраля 1716 г. После избрания религиозной стези он был призван в аббатство Сен-Жермен-де-Пре. В 1766 г., после того как он высказался за реорганизацию ордена (этот запрос был представлен королю Людовику XV герцогом Орлеанским 13 июля 1765 г. См.: *Башомон.* Тайные воспоминания. Париж, изд. "Гарнье", 1874), ему пришлось покинуть капитул. Можно сказать, что Пернети приехал в Берлин по ошибке. В молодости король Пруссии прочел "Письма о физиогномиях" некоего аббата Пернети. И вот ко двору приехал в качестве генерального управляющего по финансам Пруссии некий Пернети, бывший начальник лионской таможни. Фридрих II не забыл ни работу, ни автора "Писем" и спросил у него, родственник ли он аббата Пернетти. Тот ответил, что это его брат, и таким образом, сам того не желая, создал путаницу: как оказалось, аббат Жак Пернети, автор "Писем", родившийся в Лионе, воспитавший господина Булоня, впоследствии советника и интенданта финансов Франции, был "двоюродным братом" Дома Пернети. Таким образом, его брат, бывший бенедиктинец, занял по ошибке пост, который ему не предназначался.

[534] "Тайна тайн, или Разоблаченные египетские и греческие сказки". Без указания даты (ок. 1614 г.).

[535] Мы сравнивали обе работы и можем утверждать, что это не подлежит сомнению. Кстати, сам Дом Пернети это признавал: "Я прочитал внимательно несколько трактатов Майера, и они мне во многом помогли, и тот, который называется Arcana Arcanissima, послужил для моей работы канвой, по крайней мере, структурно, ибо я не всегда следовал его мыслям".

[536] Париж, изд. "Бош", 1758, два тома.

[537] *Д. Тиебо*, цитир. произв., т. II, стр. 299, сумбурное и бесформенное.

[538] Дом Пернети впоследствии занялся Сведенборгом и перевел две работы шведского философа. Вернувшись в Лион в 1783 г., он привез из Берлина группу Иллюминатов, которые, согласно данным некоего Артиста, практиковали вызывание

духов. Судя по всему, этот Артиста принадлежал Северной школе — своеобразной теургической организации, основанной на так называемых проявлениях активного и мыслящего Начала. Дом Пернети умер в Авиньоне 16 октября 1796 г.

[539] Маркграф Карл, князь Гессенский, родился в Касселе 19 декабря 1744 г. Является сыном Фридриха, князя Гессенского, ставшего впоследствии ланграфом Фридрихом II и Марии, дочери Георга II — короля Англии. Он провел часть своей жизни при дворе датского короля Христиана VII и женился на одной из его дочерей, затем был приближенным прусского короля Фридриха II. Они часто обсуждали религиозные проблемы, к этому времени (1772) король уделял этой теме большое внимание, и именно по этой причине "берлинские философы публично отвернулись от него". См.: *Князь Гессенский*, цитир. произв., стр. 108.

[540] Все с Богом. "Реформа Масонства" (изд. "Шмалкен", 1821). С.Д. Жербер опубликовал письмо князя Гессенского, где он высказывался за реформу лютеранства. Его символ веры состоял в мистической интерпретации Библии, настолько же далекой от протестанского рационализма, как и от католического абсолютизма. Он провозглашал приход прекрасной тысячелетней эпохи перед концом мира. С этим предсказанием князь Гессенский связывал и оригинальную интерпретацию классики античной астрономии, "Зодиакальный камень храма Дендеры" (Копенгаген, 1824).

[541] См. также разочарованное замечание *НУ. Уроксолла* "Воспоминания о берлинском, дрезденском, варшавском и венском дворах в 1777, 1778 и 1779 гг." (на ант. яз). Лондон, 1799, т. II, стр. 278.

[542] Письмо Дрессера барона Усселу, 25 октября 1778 г., в журнале "Латомия", Лейпциг, 1908 г., стр. 404 и след.

[543] *Князь Гессенский*, цитир. произв., стр. 132.

[544] *Князь Гессенский*, цитир. произв., стр. 132.

[545] *Князь Гессенский*, цитир. произв., стр. 132.

[546] *Князь Гессенский*, цитир. произв., стр. 132–133.

[547] *Князь Гессенский*, цитир. произв., стр. 133.

[548] Фердинанд, герцог Брауншвейгский-Люнебургский (1721–1792). Славно послужив, прославившись в победе при Миндене, он получил отставку и посвятил себя искусствам и масонству.

[549] Письмо написано в Мидделфорт, Дания, датировано 2 ноября 1779 г. См.:, *г. В. Вольц*, цитир. произв., стр. 360. Согласно М. ле Форестье, герцог Брауншвейгский общался с Сен-Жерменом на следующие темы: как войти в прямое сношение с Богом и, таким образом, научиться не только управлять природными силами, но и общаться с духами. См.: "Баварские Иллюминаты",

изд. "Ашетг", 1917, стр. 357. Ландграф Гессенский Филлипс Баршфелд высказывал ту же мысль: "Предполагают; что он общается с привидениями и сверхъестественными существами, которые приходят по его зову". См.: *А. Аксаков*. Психические исследования (на нем. яз.). Лейпциг, 1785, т. XII, стр. 430.

[550] Письмо графа Варнстедта, 24 ноября 1779 г. См.: *Вольц*, цитир. произв., стр. 361.

[551] Ср. с тем, что говорил граф Сен-Жермен у госпожи дю Труссель в Берлине. Ответ соответствует духу герметизма.

[552] По поводу отношений между графом Сен-Жерменом и князем Гессенским М. Ле Форестье говорит: "Хитрому шарлатану не составило труд а польностью запутать человека, отсутствие научных знаний и стремление к мистицизму которого превращали его в легкую добычу проискам самозванцев", см.: цитир. произв., стр. 358. Утверждение непроверяемое, смелое и основанное, скорее всего, на предрассудке.

[553] *Князь Гессенский*, цитир. произв., стр. 133.

[554] *Князь Гессенский*, цитир. произв., стр. 134.

[555] Надо полагать, что в этом объяснение слов Мирабо "он изобрел чай, перед которым отступали все болезни". См.: "О прусской монархии", стр. 69. Барон Книгге думает иначе: "чай был таким сильным слабительным, что можно было отправиться на тот свет". "Доклады о новейшей истории масонов в девяти вопросах" (на нем. яз.), Берлин. 1786. стр. 135.

[556] *Князь Гессенский*, цитир. произв., стр. 134.

[557] *Князь Гессенский*, цитир. произв., стр. 135. В книге *аббата Лекню* "Словарь предсказаний и чудес". Париж, 1854, т. II, стр. 249, можно читать следующую глупость: "Граф ушел на покой в Голыпейне(?), где в течение нескольких лет он наслаждался бессмертностью, выдавая себя за бога, и требуя от окружающих легковерных людей, чтобы они исполняли для него такой экстравагантный культ, что трудно сказать, что было самое удивительное: глупость тех, кто ему верил, или наглость этого шарлатана, осмелившегося установить такой закон".

[558] *Князь Гессенский*, цитир. произв., стр. 136.

[559] П.В. Отте, бывший советник канцелярии, умер в 1766 г. С тех пор здание красильни пустовало.

[560] Эккернфёрде — маленький порт на берегу Балтийского моря находится примерно в 20 км от Шлезвига.

[561] *Князь Гессенский*, цитир. произв., стр. 134. Тем не менее Глейшен утверждал: "Граф Сен-Жермен вовлек князя Гессенского в неудачные манипуляции", цитир. произв., стр. 133–134.

[562] *Алиса Жоли*. "Лионский мистик". "Протат", 1938, стр. 159. Жан-Батист Виллермоз (1730–1824) сыграл огромную роль в

масонском деле, основав множество лож.

563 Письмо Карла Гессенского Виллермозу, 20 мая 1781 г. См.: *А. Жоли,* цитир. произв., стр. 159.

564 Письмо Виллермоза Карлу Гессенскому, 15 июня 1781 г. См.: *А. Жоли*, цитир. произв., стр. 159.

565 Письмо Карла Гессенского Виллермозу, 7 февраля 1782 г. См.: *А. Жоли*, цитир. произв., стр. 159. Мы подозреваем, что в провале дела виновен посторонний человек, барон Плессен, который, должно быть, предупредил Ж.В. Виллермоза против графа Сен-Жермена, выдвинув в качестве аргумента то, что он не принадлежит их организации. Карл-Адолф Плессен, датчанин по происхождению, принадлежал ритуалу Строгого послушания.

566 *Князь Гессенский*, цитир. произв., стр. 135.

567 С.Ж. Маршалл де Биберштейн был великим мастером седьмой привинции шотландского ритуала (в Германии, с Эльбы до Одера). Полагают, что он основал ложу в Дрездене в 1738 г. и другую в Наумбурге в 1749 г., названную "Три Молота". Умер в 1750 г. См.: *Р.Ф. Гулд.* История масонства (на англ. яз.). Лондон, 1886, т. III, стр. 100.

568 Повторяю то, что мне рассказывали.

569 Карл Готтхелф, барон Хунд (1722–1776) сменил Маршала де Биберштейна. После того как он сжег все важные документы, которыми владел, Маршал передал Хунду лишь список великих мастеров и красную книгу, матрикулу, ордена. На основе этих документов барон Хунд основал ритуал Строгого послушания. См.: *Гулд,* цитир. произв., стр. 101.

570 Письмо Карла Гессенского Виллермозу, Ханау, 28 мая 1784 г См.: *Ж. Борд,* цитир. произв., стр. 316.

571 *Князь Гессенский,* цитир. произв., стр. 135.

572 Там же.

573 *Князь Гессенский*, цитир. произв., стр. 136. Согласно князю Гессенскому, графу Сен-Жермену было 88 лет, когда он приехал в Шлезвиг в 1779 г. Затем он добавляет: "Ему было 92 или 93, когда он умер в 1784 г.", см.: цитир. произв., стр. 133. Таким образом, граф родился либо в 1691, либо в 1692 г.

574 Письмо князя Гессенского Христиану Гессенскому-Дармштадскому, 18 апреля 1825 г. См.: *г. В. Вольц*, цитир. произв., стр. 160. Согласно Жанлис, цитир. произв., т. I, стр. 29, "При смерти граф Сен-Жермен проявил великий страх" его рассудок помутился. Он совсем сошел с ума месяца за два до самой смерти: все в нем указывало на ужасный беспорядок взволнованного рассудка".

На ту же тему барон Глейшен (цитир. произв., стр. 134.) говорит так: "На последнем году жизни графа обслуживали

только женщины, ухаживали за ним как за новым Соломоном, и, почти полностью обессилев, он угас на их руках".

В своих "Объяснениях" Геммингген пишет, что граф Сен-Жермен умер в 1780 г. (!) от сердечных приступов, ог которых у него отнялась речь. См.: *г. В. Вольц*, цитир. произв., стр. 360.

[575] Похороны стоили 12 рейхталеров и 12 марок.

[576] Место было оплачено на тридцать лет. Говорят, что князь Гессенский велел перезахоронить тело на кладбище Фридрихсберг в Шлезвиге.

[577] См.: *Ж. Б. Вольц,* цитир. произв., стр. 364–365.

[578] *Князь Гессенский*, цитир. произв., стр. 135.

[579] *Барон Глейшен*, цитир. произв., стр. 134. Мы узнали, что королева Мария-Луиза Датская получила в наследство все документы своего дедушки, князя Гессенского, умершего в 1836 г., в том числе все то, что имело отношение к графу Сен-Жермену. Затем все эти бумаги, должно быть, перешли по завещанию от королевы к ее шурину, князю Гансу, брату короля Христиана IX, который в свою очередь подарил их великой ложе Копенгагена. Среди этих документов якобы находилась записка, которую граф тогда не показал князю. С другой стороны, нас уверяли, будто перед смертью князь Ганс уничтожил все документы, которыми он владел (частная переписка).

[580] *Князь Гессенский*, цитир. произв., стр. 134.

[581] "Для нас он остается ученым мужем, изворотливым, строгим, вежливым человеком, проявлявшим манию величия в начале жизни, ставшим философом в конце". А. Маркизе. "Листки истории", № 1, июль 1913 г., стр. 19.

[582] Отметим любопытное сходство между произведением Е. Бюлвера-Литтона "Занони" и "легендой" о графе Сен-Жермене.

[583] *Ж. Мовиион*. История Фердинанда — герцога Браншвейга-Люнебурга. Лейпциг, 1794, т. 11, стр. 481.

[584] *Л'Эспри де Журно*, т. VI, стр. 386.

[585] Данное объявление вышло затем 22 января 1785 г. в женевской газете "Ле Меркюр Политик" № 4 на стр. 154, со ссылкой на депешу из Франкфурта от 9 января 1785, в которой граф Сен-Жермен назван "знаменитым чудотворцем". См. *Преп. Фиард* Философские письма о магии. Париж, 1803 г., стр. 75.

[586] Маркиза д'Юрфе умерла в 1775 г. Граф де ля Валльер отчасти закупил ее кабинет в 1777 г. После его смерти, в 1782 г., библиотека и все картины были проданы. Таким образом, Н. Тома ознакомился с портретом и выгравировал его.

[587] В 1783 господин Николя-Кристьерн де Ти, граф де Милли, был членом ложи "Девять Сестер". Гравер Н. Тома посвятил ему свою работу в знак уважения. Смерть графа де Милли произошла

вследствие его исследований над тайными снадобьями. См.: *Л. Амиаблъ.* Ложа "Девять Сестер". Париж, изд. "Алкан", 1897, стр. 153–157.

588 Утверждалось, что граф Сен-Жермен предложил универсальное лекарство для лечения всех болезней. См.: *Д-р Поле.* Антимагнетизм. Лондон, 1784, стр. 97.

589 Поговаривали, что "синьор Гуальди" был никем иным, как немцем Фредериком Вальтером, жившем в Венеции около 1680 г. См.: *г. В. Вольц*, цитир. соч., стр. 345.

590 См.: г. *В. Вольц*, цитир. соч., стр. 343–349.

591 Описание путешествия по Германии и Швейцарии в 1781 г. Берлин и Штеттин, 1786, т. VII, приложение, стр. 109.

592 *Де Корберон.* Дневник, опубликованный Л. г. Лабанд. Париж, изд. "Плон", 1901, т. II, стр. 151.

593 В доме де Люше был обычай выкупать анекдот у того, кто его придумывал… "Сколько Вы за него потребуете?.. Столько-то". *Шамфор.* Сочинения. Париж, 1857, стр. 89.

594 См.: Ж *Денуарестер*, цитир. соч., стр. 218.

595 Ж *Денуарестер*, цитир. соч., стр. 218, в сноске.

596 Правдивые мемуары о жизни графа Калиостро, Берлин, 1785. "Данный визит Калиостро к Сен-Жермену — лишь легенда и клевета". См.: *Луи Бералъди*, цитир. произв., стр. 58.

597 Р***, "Разоблаченный шарлатан", Франкфурт-на-Майне, 1786, стр. 83.

598 Преп. Леканю в цитированном выше произведении на стр. 393 утверждает, что Калиостро уехал из г. Миттау, направляясь в Россию через Гольштейн! А Ле Куте ле Канделе (цитир. соч., стр. 171) пишет: "Граф Сен-Жермен обосновался в Гамбурге, где имел несколько встреч с Калиостро в начале его карьеры".

599 Возможным источником версии об обучении Калиостро графом Сен-Жерменом в Германии была встреча Калиостро со Скиффортом в Лейпциге и его посещение собраний братства Строгого послушания во Франкфурте-на-Майне. См.: д-р *Марк Хавен,* Калиостро. Париж, изд. "Дорбон", дата издания не указана, стр. 30–31.

600 "Калиостро последовал за знаменитым графом Сен-Жерменом; последний сам последовал за Грейтрэйксом. за Леверетом и за Симоном Морэном, который объявлял себя сыном Бога в 1662 г.". См.: Ж *Ф. Манюелъ.* Письмо королевского охранника. Лондон, 1786, стр. 24. Известно, что Грейтрэйкс был ирландским чудотворцем (1628–1700), что ясновидец Симон Морэн был сожжен на площади Грев 14 марта 1663 г., но нам не известно, кто такой Леверет.

601 "Правдивые мемуары…", стр. 8–9.

[602] "Лжекамердинер графа Сен-Жермена тайно исчез после того, как украл у своего хозяина рецепт волшебного порошка: до графа донесли, что этот человек обосновался там-то и пользует этим порошком больных. Тем, кто жалел графа из-за неприятностей, которые ему придется претерпеть в связи с неправильным употреблением его снадобья, он ответил: "Ничего подобного, я сделаю так, что оно не будет иметь никакой силы в руках этого негодяя".

[603] "Правдивые мемуары…", стр. 9—10.

[604] Мысль о чревовещательстве графа Сен-Жермена повторяется в работе физика *Робертсона* "Развлекательные мемуары". Париж, 1830, т. II, стр. 403: "Давно не было слышно о чревовещателях в Париже. Уже успели позабыть о графе Сен-Жермене, талант которого преп. де ля Шапель воспел в своей книге "Энгастримиф" (Лондон, 1772 г.)". Это ошибка: в этой работе речь идет о господине Сен-Жиле — бакалейщике из Сен-Жермен ан-Лэ.

[605] "Правдивые мемуары…", стр. 11–12. Вот современная интерпретация этой сцены, данная *Петером Вилдингом* в книге "Знаменитые авантюристы XVII века", Париж, изд. "Сорреа", 1938, стр. 265. "Сен-Жермен принял Калиостро в большом зале, носящем название "Прибежище бродячих душ". Одет он был, как мадонна эпохи Возрождения, и покрыт иероглифами. Он сидел на алтаре, перед ним стояли подсвечники, а рядом — его помощники, он произнес приветственную речь, которая заканчивалась пространной похвалой лицемерию". По версии этого автора граф Сен-Жермен — потомок арабской принцессы и джина!

[606] Это о чудесных исцелениях, произошедших на могиле дьякона Парижа.

[607] "Правдивые мемуары…", стр. 16–17.

[608] Р***, цитир. произв., стр. 34.

[609] "Правдивые мемуары…", стр. 24.

[610] *Гримм.* Литературная газета. Париж, изд. "Дидье", 1854, стр. 302.

[611] *Граф де Ламберг.* Критические, моральные и политические письма. Амстердам, 1786, т. 1, стр. 3.

[612] "Правдивые мемуары…", стр. 86.

[613] Маркиз Марши Беллгард был Великим мастером савойской ложи "Три Творила" и Великим мастером всех лож Сардинии.

[614] "Правдивые мемуары…", стр. 86–87.

[615] *Вольтер,* Сочинения. Т. 69, стр. 273–274, письмо от 1 мая 1775 г.

[616] "Правдивые мемуары…", стр. 87.

[617] "Этот шутник был на службе у двора во время Семилетней войны в качестве шпиона в английской армии". *Барон Глейшен,* цитир. произв., стр. 125.

[618] "Эссе о секте Иллюминатов", 1789. Несмотря на то что де Люше был масоном, его работа очень слабо документирована. Хотя Ст. де Гуаита и написал (в кн. "Храм Сатаны". Париж, изд. "Шамюель", 1891, стр. 297–299) об этом авторе: "Это ясновидец… он обладает острейшей интуицией… и раскрывает тайны посвящений", то следует признать за преп. Барруелем большую проницательность, когда он пишет: "Эта работа написана лишь для того, чтобы обмануть публику, делая вид, что тайны секты раскрыты, когда ничего о ней не сказано, а внимание читателя отводится на другие темы (цитир. произв., т. V. стр. 30). Согласно масону высокой степени посвящения А. Буа-ло, "господин де Люше открыл дверь всем несуразностям, которые с тех пор высказывали об этих страшных посвященных, и, как следствие, о масонах, поскольку было угодно путать тех и других" ("Записки о масонстве" в "Аннал Масонник". Париж, изд. "Кайо", 1807, т. III, стр. 138).

[619] "Эссе о секте Иллюминатов", стр. 144–145.

[620] "Эссе о секте Иллюминатов", стр. 141–142.

[621] Р***, цитир. произв., стр. 16–17.

[622] "Философские стихи о человеке". "Человек" — стихотворение из трех песен, затем "О горькости удовольствий", "О природе человека", сонет "О Сотворении мира", написанный знаменитым графом Сен-Жерменом, и философский обзор природы и любви. Новое издание. Париж, изд. "Мерсье". 1795, стр. 93–94.

[623] "Философские стихи о человеке", стр. 93–94. В примечаниях даны следующие варианты последних стихов:

> Я измерил самого Бога, он позвал мою душу —
> прах упал, я обожал, все в чести;

либо:

> Я измерил Бессмертного, он позвал мою душу —
> прах упал, я больше ничего не знал;

либо:

> Я снова стал Богом и догадался об этом.

[624] *Каде де Гассикур.* Гробница Жака де Моле. Париж, изд. "Десен", 1797, стр. 45–46.

[625] Там же, стр. 90. В последствии Кавальер де Гассикур отказался от написанного, стал масоном, "оратором", затем "венераблем" ложи "Пчелы" в Париже в 1805 г.

[626] *Арто де Монтор.* История убийства Густава III. Париж, изд. "Форжет", 1797, стр. 103–104.

[627] Преп. Аугустин де Баррюэль (1741–1820) был рядовым членом ордена иезуитов в тот момент, когда его упразднили (1763). Он переехал в Англию, и вернулся во Францию только после подписания Конкордата (1801). Когда в 1796 г. были опубликованы два первых тома его "Воспоминаний о якобинстве", Ж. А. Старк и его друзья из клерикальной ветви ритуала Строгого послушания собрали всевозможные свидетельства, рукописные или печатные материалы и отправили их английской королевской почтой Баррюэлю в Лондон: из этих источников он черпал информацию для наилучших фрагментов остальных томов (т. III по V). См.: *Ж. Блюм.* Ж.А. Старк. Париж, изд. "Алкан", 1921, стр. 162–163.

[628] *Андре-Мартэн-Декан.* Маркиз Рене де Жирарден. Париж, изд. "Перрэн", 1912, стр. 179.

[629] *Преподобный Баррюэль*, цитир. произв., т. V., стр. 36–37 и сноска.

[630] *Андре-Мартэн-Декан*, цитир. произв., стр. 235.

[631] Там же, стр. 178.

[632] *Абрахам.* Зеркало правды. Париж, изд. "Коллен", 1806, стр. 17.

[633] Там же.

[634] *Преп. Баррюэль,* цитир. произв., т. II, стр. 159.

[635] В доме 37 на улице Сурдиэр проводились встречи XII класса ложи "Объединенных друзей", то есть Филалетов, под председательством Савалетта де Ланж. См.: *Ж Борд,* цитир. произв., стр. 342–355.

[636] С.А. Раготски (умер в 1828 г.) был "венераблем" ложи "Золотой Короны" в Стендале, около Мариенбурга, которая зависела от большой национальной ложи в Берлине. Он является автором следующих книг "Беседы о масонской мысли". Берлин, 1792, и "Свободная мысль в масонстве" (оба на нем. яз.). Берлин, 1793.

[637] *Ж.Б. Мийэ-Сен-Пьер.* Исследования о последнем колдуне и о последней школе магии. Гавр, 1859.

[638] Таинственный Зодиак, или Предсказания Этейя. Париж,

1772, стр. II, правила.

[639] *Этейя.* Отрывки о высших науках. Амстердам, 1785, стр. 145.

[640] Данное "Краткое изложение…" было впоследствии переименовано в "Маленький Этейя", место и даты издания не указаны, 8 с. формата in-16.

[641] *Этейя.* "Маленькое предисловие", стр. 9.

[642] *Этейя.* Отрывки, стр. 116.

[643] *Этейя*. О том, как воссоздавать себя с помощью карт, названных Таро, вторая тетрадь. Париж, 1783, стр. 137. Этейя утверждает, что этот Алексей, пьемонтский мудрец, называл себя внуком Алексея Пьемонтского. Однако человек, известный под этим именем, Жироламо Русчелли, жил с 1520 по 1566 г.

[644] Как многие коллекционеры, Этейя подписывал титульный лист книг, составляющих его библиотеку. В изданном в Париже в 1866 г. каталоге библиотеки П. Деска, из Лиона, издание под номером 229bis, мы нашли экземпляр книги Понтуса де Триара "Мантика или речь об истинном гадании с помощью

Астрологии", Лион, изд. "де Турн", 1558 г., in-4, в кожаном переплете с золотым обрезом, с такой особенностью.

[645] *Этейя.* Маленькое предисловие, стр. 9.

[646] *Этейя.* Маленькое предисловие, стр. 11.

[647] *Этейя.* Маленькое предисловие, стр. 13–14.

[648] *Этейя*. О том, как воссоздавать себя… вгорая тетрадь, стр. 86.

[649] *Этейя.* Философия высших наук. Париж, 1785, стр. 105.

[650] *Этейя.* Этейя, или Единственный верный способ гадать на картах. Амстердам, 1770, где автор предлагает работать с перевернутыми картами.

[651] Данная работа — вариант Таро с использованием 365 дней года, с тремя ответа на каждый день (прошедшее, настоящее, будущее) и позволяющее просчитать будущее.

[652] *Этейя.* О том, как воссоздавать себя… третья тетрадь, стр. 7.

[653] Примечательное совпадение: именно в 1783 г. Курт де Гебелэн опубликовал VII том своей работы — "Первозданный мир", где он утверждает, что Таро — египетская книга.

[654] *Этейя.* О том, как воссоздавать себя… вторая тетрадь, стр. 186. "У Лорана и Косма [Руждиери] учился знаменитый граф Сен-Жермен… последний алхимик, который лучше всех других объяснил эту науку. Но он ничего не написал". *О: де Бальзак.* О Катерине Медичи. Париж, изд. "Кальман-Леви", дата издания не указана, посвящено столетию писателя.

[655] *Этейя.* Фрагменты… стр. 190.

[656] *Этейя.* Семь нюансов герметического философского творения. Дата и место издания не указаны (1786), стр. 17.

[657] *Этейя.* Письмо господину Гебелэну. Место издания не указано, 1784.

[658] *Этейя.* Семь нюансов… стр. 17.

[659] *Этейя*. Философия… стр. 157. Во втором томе "Истории современной философии герметизма" (Гаага, 1742) аббата Ленглета-Дюфренуа Этейя нашел упоминание о том, что Филалета называли "американским философом", и поскольку он отождествляет своего учителя с тем алхимиком, Этейя решил, что Сен-Жермен стал жителем Америки.

[660] *Этейя.* Теоретический и Практический курс Книги Тота. Без места издания, 1790.

[661] *Этейя.* О новой школе магии. Без места издания, 1790.

[662] *Тори.* История Великого Востока. Париж, 1812, стр. 28.

[663] См.: Ж. *Б. Мийе-Сен-Пьер*$_{y}$ цитир. произв., стр.45.

[664] Улица Шантр начиналась от улицы Оратория и заканчивалась у дома № 205 по улице Сен-Оноре.

[665] См.: Каталог *ЛХаузера,* Лондон, 1934. № 527. Оригинал рукописи имеет треугольную форму (237mm x 237mm x 235 mm), 22 страницы, она написана на пергаменте, с переплетом из телячьей кожи, золотым обрезом. В каталоге Дорбона эзотерических книг, "Biblioteca esoterica", Париж, дата издания не указана, мы находим под № 2840 современную копию с переводом на французский. В № 52 журнала "Покров Изиды" за апрель 1924 г., стр. 230–232, некий Tidianeuq (перестановка букв фамилии Quenaidit) дает интерпретацию "алфавита графа Сен-Жермена".

[666] Так сказано в сноске к № 2840 каталога Дорбон.

[667] № 2400 в каталоге библиотеки в Труа. Рукопись в формате in-4, 98 страниц, веленевая бумага, с искуным почерком, 12 больших иллюстраций в двойной рамке и 24 тщательно нарисованных виньетки, заголовки и заставки и 7 прочих фигур, составленных из древнееврейских, философских и магических знаков. К тому же начальные буквы абзацев раскрашены и позолочены. В 1933 г. доктором Максвеллем, из Бордо, была сделана фотокопия в шести экземплярах. В том же году вышла в Лос-Анджелесе книга: "A parallel french and english text of the most Holy Trinosophia of the comte de Saint Germain, with introductory material and commentaiy by Manly Hall", в которой содержатся черно-белые репродукции, 12 больших иллюстраций и 7 таблиц с иероглифами.

[668] В работе Кенар нам попадался еще один Филотом, псевдоним автора "Физического объяснения басни, или Введения

в премудрость философов", Париж, 1724. У нас нет никаких возможностей узнать, имеем ли мы дело с одним и тем же человеком.

669 Нам сдается, что книга была оформлена в то же время, что и работа препеподобного Террассона "Сетос, история и жизнь, как об этом рассказывают монументы Древнего Египта". Париж, 1731, в трех томах формата in-12, и в которой описаны превращения и испытания четырех элементов.

670 *Грийо де Живри*. Музей Колдунов. Париж, 1929, стр. 324. Действие якобы начинается в тюремной камере Инквизиции, в Неаполе. Но дело в том, что Неаполитанское государство, поругавшись со Святым престолом, не имело суда Инквизиции.

671 Однако все бумаги, книги и рукописи, принадлежавшие Калиостро, были сожжены палачом 3 мая 1791 г.

672 Массена прибыл в Рим в феврале 1798 г.

673 Текст "Пресвященной Тринософии" был полностью опубликован в специальном номере журнала "Ле Вуаль д'Изис" (Покров Изиды), посвященном герметизму, в апреле 1932 г., стр. 269–288. До этого "неполный и искаженный текст" был опубликован в V томе "Аннал Масонник". Париж, изд. "Кайо", 1807, а также в номерах за ноябрь и декабрь 1893, "Инициаци-он" Папюса.

674 *ЖЖ. Мунъе.* О влиянии, приписываемом философам. Париж, 1801, стр. 150–151.

675 *А. Буало*, цитир. произв., стр. 44.

676 *Ф. Тастевен.* История французской колонии в Москве. Париж, изд. "Шампион", 1908.

677 г. *Ленорман.* Предсказанные воспоминания гадалки. Париж, 1814, стр. 383–586.

678 Сноска Ф. Барьера в "Воспоминаниях госпожи дю Оссет", Париж, 1846. Автор, должно быть, спутал графа Сен-Жермена с Шрепфером.

679 *Казанова*, цитир. произв., стр. 292.

680 *Алекс-Андре Жакоб,* он же *А. Эрдан.* Мистическая Франция. Париж, 1855, т. I, стр. 209. Ф. г. Коссэн (1779–1843) был мистиком, основателем "христианского братства" в Париже. Он перевел *Экартхаузен.* Туман над кладбищем. Париж, 1819.

Мотив о Сен-Жермене и представляется завязкой всей драмы. Вот что говорит Томский в самом начале повести:

"… бабушка моя ездила в Париж и была там в большой моде…. С нею был коротко знаком человек, очень замечательный. Вы слышали о графе Сен-Жермен, о котором рассказывают так много чудесного. Вы знаете, что он выдавал себя за вечного жида, за изобретателя жизненного эликсира и философского камня, и

прочая. Над ним смеялись, как над шарлатаном, а Казанова в своих "Записках" говорит, что он был шпион; впрочем, Сен-Жермен, несмотря на свою таинственность, имел очень почтенную наружность и был в обществе человек очень любезный. Бабушка до сих пор любит его без памяти и сердится, если говорят о нем с неуважением. Бабушка знала, что Сен-Жермен мог располагать большими деньгами. Она решилась к нему прибегнуть. Написала ему записку и просила немедленно к ней приехать[…]

"Я могу вам услужить этой суммой, — сказал он, — но знаю, что вы не будете спокойны, пока со мной не расплатитесь, а я бы не желал вводить вас в новые хлопоты. Есть другое средство: вы можете отыграться […]." И тут он отрыл ей тайну, за которую всякий из нас дорого бы дал". *А.С. Пушкин*. Пиковая дама, гл.1. Роман написан в 1833 г. *(Примеч. пер.)*.

682 *Ламот-Лангон.* Воспоминания госпожи графини д'Адемар, придворной дамы, о Марии-Антуанетте и о дворе в Версале. Париж, изд. "Маме", 1836,4 тома.

683 Ламот-Лангон также использовал роман Жюля Жанэна "Барнав", изданный в 1831 г., где содержатся рассказы о Французской революции.

684 Кузен де Куршан имеет информацию от старой графини Мэм, дочери бывшего Хранителя Печати, Фейдо де Бру, и невестки президента Ламуаньон. "Воспоминания" вышли сначала в "Л'Ероп Литтерэр" под названием "Воспоминания госпожи де Куаньи". Но сын последней воспрепятствовал публикации, и воспоминания стали "госпожи де Креки". Несправедливо полагать, что все здесь ложно, однако и неосторожно считать, что все в них — правда.

645 В кн. "Исследования и биографические зарисовки" (Париж, 1877), Р. де Круа говорит, что Кузен де Куршан рассматривался старыми женщинами как друг Сен-Жермена, зато, согласно Е. Маркизэ: "Друг — это громко сказано, вернее сказать — его ученик, его наследник". См.: "Ромье и Куршан". Париж, изд. "Шамньон", 1913, стр. 55.

686 *Ламот-Лангон,* цитир. произв., т. И, стр. 29.

687 *Кенар.* Литературные обманы. Париж, 1869, столб. 616–631.

688 Девица де Понт-Шавиньон, вдова господина де Вальбелья, придворная дама королевы Марии-Антуанетты, была очень богатой особой. В 1782 г. она вышла замуж за графа д'Адемара, долго известном как военный по фамилии де Монфалкон. В 1776 г., когда маршал де Муши его усыновил, Шерэн, специалист по генеалогии, установил и закрепил на пергаменте, что де

Монфалкон является потомком древней семьи д'Адемар, исчезнувшей в XVI веке. См.: "Воспоминания маркиза де Валфонс, написанные его племянником". Париж, изд. "Дантю", 1860. Что касается графини д'Адемар, ей было 22 года в 1782 г. и она не могла быть знакома с графом Сен-Жерменом, который жил в Париже с 1758 по конец 1759 г.

689 Самое интересное то, что если мы ничего не знаем о пребывании графа де Сен-Жермена в Париже в 1775 г., зато точно известно, что генерал-лейтенант Клод-Луи де Сен-Жермен, получив звание государственного секретаря по военным делам, действительно вернулся в Париж в конце 1775 г.

690 В отличие от своих предшественников Ламот-Лангон делает из Сен-Жермена не эмиссара Иллюминатов, а сторонника королевской власти.

691 Людовик XV подозревал герцога де Ришелье в авторстве эпиграммы, где госпожа де Помпадур была представлена в нелестном свете, и последний добыл оригинал, написанный и отредактированный рукой Морепа, ценой огромных денег Все это происходило в апреле 1749 г.!

692 Единственное "поручение" графа, о котором остались исторические свидетельства — его миссия в Голландии, которая была выполнена скорее по просьбе маршала де Бель-Иля, нежели по приказу Людовика XV.

693 Все имеющиеся документы сходятся на том, что граф Сен-Жермен имел сношения с Людовиком XV в течение одного года, не больше.

694 В V главе второй части мы подчеркнули враждебное отношение герцога Шуазеля к графу Сен-Жермену, но нам неизвестны какие-либо документы, позволяющие приписать графу де Морепа такое же поведение.

695 *Ламот-Лангон*, цитир. произв., т. II, стр. 54–72.

696 "Ни к кому так не выражалась преданность, никто так не вызывал ненависть, ни один персонаж не был таким загадочным, даже для близко знающих его людей, даже для тех, кому довелось быть его судьями". *Си.: Др. МаркХавен.* Калиостро. Париж. Изд. "Дорбон", без даты, стр. 2.

697 Персонаж из романа Шатобриана "Аталия и Рене" *{Примеч. пер.)*.

698 Убийство шведского короля случилось 15 марта 1792 г.

699 Клод-Луи де Сен-Жермена. См. первую главу этой книги *(Примем. пер.)*.

700 *Ламот-Лангон*, цитир. произв., т. IV, стр. 254–261.

701 Мария-Антуанетта была казнена 16 октября 1793 г… через полтора года после Людовика XVI (казнен 21 января 1793 г.)

(Примеч. пер.).

[702] 9 ноября 1799 г., переворот Бонапарта: конец Директории, начало Консулата *(Примеч. пер.)*.

[703] 21 марта 1804 г. Он обвинялся в заговоре против Наполеона в пользу восстановления династии Бурбонов *(Примеч. пер.)*.

[704] Краткий период царствования Людовика XVIII, перед возвращением Наполеона с о. Эльба. В январе 1815 г. церемонии в память убиенного короля Людовика XVI спровоцировали беспорядки в Париже *(Примеч. пер.)*.

[705] 14 февраля 1820 г. Граф де Бэрри был племянником короля Людовика XVIII. Его убил ударом кинжала, перед Оперным театром, рабочий-бонапартист *(Прим. пер.)*.

[706] *Ламот-Лангон*, цитир. произв., т. IV, стр. 260.

[707] *Ламот-Лангон*, цитир. произв., т. II, стр. 299.

[708] *А. Башет*, цитир. произв., стр. 444.

[700] *Мишо*, цитир. произв., т. LVIII, стр. 529. В книге Дорбона "Библиотека эзотерики" мы нашли, под номером 2618, указание на рукопись Ленэна, автора "Каббалистической науки". Речь идет о книге "Арканы, или Тайны герметической философии", в конце которой находятся 10 страниц "Замечаний и рассказов о графе Сен-Жермене, великом адепте, алхимике, каббалисте, и т. п., собранных в воспоминаниях современников", за которыми стояли стихи "посвященные графу Сен-Жермену", Амьен, 1832. На десяти страницах находится копия "Хроник слухового окна" Тушара-Лафосса, изд. "Барба". Что до стихов, вот они в первозданном виде:

О граф Сен-Жермен, старейший из людей,
В тебе я вижу полубога.
Твои прекраснейшие таланты, твои глубокие знания
Удивляют всех великих, поражают всех и вся.
Природа раскрывает тебе свои секреты,
Роковая судьба тебе диктует свои вердикты,
Нет для тебя ничего тайного, твои слова — пророчества,
Твои прекрасные тайны творят чудеса,
Твоего голоса слушаются небесные духи,
Ты ими повелеваешь, они выполняют твои решения.
Ни один смертный не знает твоего древнего рождения,
Адепт же лишь догадывается о нем.

[710] В XXXIII главе первого тома исторического романа "Барнав" (Париж, изд. библиофилов, 1878.) Жюль Жанен представляет немецкого ученого на ужине с Мирабо и госпожей

Гимар, рассказывающего, в конце ужина, со всеми подробностями, ночь любви королевы Клеопатры, о которой Плутарх лишь бегло упомянул.

711 *Е. Эттингер.* Граф Сен-Жермен. Лейпциг, 1844. Анекдот цитирован А. Маркизигом в "Исторических Листках", № 1, июль 1913 г. Добавим, что в это же время некий публицист, Дени Ледюк, рожден в Сен-Жермен-ан-Лэ, принял название города в качестве фамилии и назвался Сен-Жермен-Ледюк. С другой стороны, в конце правления Луи-Филнппа приняли некоего майора Фразеа за графа Сен-Жермена. См.: *А. Ланг*. Мистерии истории (пер. с англ.). Париж, изд. "Перрэн", 1907.

712 Зная, что Казанова был в Голландии лишь в 1758-м и 1760 г., сколько же было Р. Грэфферу в то время, если этот рассказ написан в 1843 г. его братом с его слов. См.: *Фр. Грэффер*. Маленькие венские мемуары. Вена, 1846, т. III, стр. 89

713 Фр. Грэффер, должно быть, читал работу *Этейи* Философия высших наук.

714 *И. Купер-Оукли*, цитир. произв., стр. 122, свидетельствует, что Вена была местом средоточия розенкрейцеров, их лаборатория находилась в Ландштрассе за больницей.

715 Из имеющихся у нас данных немыслимо предположить какую-либо фамильярность между графом Сен-Жерменом и Казановой.

716 Речь идет о брате Казановы, художнике Жак-Франсуа, умершем в Брюле в 1805 г.

717 Битва при Медлинге произошла в 1813 г., а Екатерина II умерла в 1796 г.

718 Франсуа Казанова действительно был связан с Екатериной II, рисовал для нее батальные сцены. "Философ" же Казанова находился в 1790 г. в Дюксе, в Богеме, где действительно дружил с бароном Максимилиан-Жозефом де Линденом.

См.: Ж *ле Грас и Р. Вез.* "Старость Казановы" в журнале "Де Евр Либр", № 102, декабрь 1929 г., стр. 262.

719 Несомненно, рассказ взят из книги графа Ламберга "Воспоминания светского человека".

720 Ф. *Грэффер*, цитир. произв., т. И, стр. 136–162. Что касается "невидимости" графа, она явно взята из книги Ламот-Лангона "Воспоминания о Марии-Антуанетте".

721 Господин де Роан стал кардиналом в 1778 г. Его дядя, коадъютором которого он был, стал им в 1761 г.

722 *Коплен де Планси.* Словарь оккультных наук. Париж, изд. "Минь", 1846, т. II, стр. 456–457. Источник анекдота находится в книге Ламот-Лангона "Воспоминания о Марии-Антуанетте", стр. 299–300. "Однажды вечером господин де Сен-Жермен рассказал

анекдот, в котором, как обычно, он играл главную роль. Забыв детали, он обратился к своему камердинеру:

— Так ли все было, Роже?

— Господин граф забыл, что я всего лишь пятьсот лет нахожусь у него на службе, я не мог быть свидетелем этого, наверно, там был мой предшественник".

723 *Преп. Леканю*, цитир. произв., т. II, стр. 847–848.

724 *Роже де Бовуар*. Авантюристки и куртизанки. Париж, 1859.

725 *Ле Куте де Кантеле*, цитир. произв., стр. 151. Отметим, что на стр. 171 той же работы мы нашли дословный повтор фразы Ф. Барьера о том, что граф использовал фокусы. Из этого мы заключаем, что так называемые рукописи принца Гессенского были сфабрикованы после его смерти в 1836 г.

720 *Э. Капендю.* Граф Сен-Жермен.

727 *Т. П. Барнум.* Шутки Вселенной. Париж, 1865, стр. 303–305.

728 *Ван Сипестейн*, цит. произв., стр. 96. Данное утверждение нам кажется спорным, и вот почему. После публикации в 1772 г. работы Л. Кл. де Сен-Мартена "Об Ошибках и о Правде", большое количество лож действительно восприняло это произведение как откровение, и число обожателей Сен-Мартена (т. н. мартинисты) было велико. Однако, нельзя понять каким образом, находясь в Голландии между 1760-м и 1761 г., граф Сен-Жермен мог основать ложу последователей Сен-Мартена, которому было в ту пору 18 лет и он еще ничего не написал.

729 Лаватер узнал о графе Сен-Жермене лишь из письма Антона.

730 Граф де Герц был с 1761-й по 1775 г. учителем Карла-Августа и Константина, двух молодых герцогов Саксен-Веймар в 1775 г. Карл-Август стал великим герцогом, и от услуг Герца отказались. В 1778 г. он был назначен главным камердинером дома великой герцогини, жены Карла-Августа. В том же году де Герц перешел на службу к прусскому королю Фридриху И, где он и остался. Отметим, что в письме" предваряющем памфлет "Разоблаченный шарлатан" (Франкфурт-на-Майне, 1786). Мирабо пишет о том, что граф де Герц в бытность свою послом Пруссии в России в 1784 г. получил от консула Пруссии в Ка-диске информацию о том, что Калиосгро, находящийся в то время в Петербурге, не оплатил векселей на сумму 5000 рублей после того, как он прошел через испанский порт. Следует обратить внимание на данное совпадение.

731 Гете родился в 1749 г. во Франкфурте, его называли "франкфуртским школьником". Став доктором юридических наук, он был приглашен во двор герцога Веймарского. Спустя год,

несмотря на зависть местных чиновников, рассматривающих его повышение как результат протекции, он стал советником, с правом голоса на Тайном совете. Судя по книге "Воспоминания Гете", граф Герц был весьма доволен им.

732 Тут ошибка: граф Сен-Жермен и ландграф встретятся впервые в конце 1778 г. в Алтоне. К тому же с 1776-го по 1778 г. ландграф был на военной службе у прусского короля.

733 "Строгое послушание" характеризуется тем, что считает себя продолжателем дела ордена тамплиеров в другой форме.

734 Ландграф Карл Гессенский пришел в "Строгое послушание" лишь в 1779 г., в качестве коадъютора герцога Судермании, баронета ордена. См.: *Р. ле Форестье*, цитир. произв., стр. 185.

735 *А.В. Дер Эльбе.* Беглые картинки года. В журнале "Дер Гартенлаубе". Веймар, 1884, № 38–39. Поскольку не указано, из каких архивов извлечены данные письма, приходится сильно сомневаться в их подлинности.

736 Вот что произошло: назначение Гете тайным советником произвело скандал в маленьком веймарском дворе. Министр Фриш, президент Совета, попытался воспрепятствовать этому и подал в отставку. Но поскольку герцог не изменил своего решения, Фриш забрал свое заявление. См.: *Е. Род.* Эссе о Гете. Париж, 1898, стр. 156.

737 Э. *Дрюмон.* Еврейская Франция. Париж, дата издания не указана (1885), т. 1, стр. 260–261.

738 "Черные лохмотья", автор ***, Париж, дата издания не указана (1889). Под тремя звездочками прячется Жюль-Станислас Дуанель, он же Жан Котска, основатель церкви гностиков.

739 *Ж. Дуанелъ,* цитир, произ., стр. 77–80.

740 Мы тщетно искали среди написанного Вейсгауптом и все, что касается баварских Иллюминатов, нечто, подтверждающее данное утверждение. Скорее всего, Дуанель воспользовался приведенным выше рассказом о встрече Сен-Жермена и Калиостро, написанным де Люше.

741 *Ст. de Гуаита.* Храм Сатаны. Париж, изд. "Шамюель", 1891, стр. 302. Со своей стороны, в своем "Методическом Трактате оккультной науки" (Париж, изд. "Дорбон", дата издания не указана, т. 11, стр. 994), Папюс утверждает: "В 1740 г. движение тамплиеров с центром в Германии послало таинственного человека, известного под именем графа Сен-Жермена, для того чтобы подготовить Францию к великой победе Гнозиса над Королевской и Папской властями".

742 Париж, изд. "Лоран-Бопрэ", 1815, стр. 90–91.

743 Э. *Коломбо.* Переулки, салоны и кабарэ. Париж, изд.

"Дантю", 1892, т. II, стр. 225–226. Аналогичный ответ можно прочитать и у *Ст. de Гуаита* в "Храме сатаны", на стр. 301: "Эту мелодию я записал в 2008 г. до Р.Х. в городе Ерехе, когда я приударял за халдейской принцессой"

744 *Э. Бержера.* Помпадур. Париж, изд. "Оллендорф", 1901, действие первое. Время действия пьесы — 1753 г.!

745 *А. д'Алмерас.* Калиостро. Париж, изд. "Лесэн и Уде", 1904, стр. 125–126.

746 *Эмма Хардинге Бриттен.* В Стране духов (пер. с франи. с предисловием Папюса). Париж, в журнале "Инициацион", 1903, стр. 97.

747 *Др. А. Фабр.* Фамильные сундуки. Париж, 1905, стр. 60.

748 *К. Фаррер.* Дом живых людей. Париж., изд. "Фламмарион", 1910.

749 *О. Бельяр.* Колдуны. Париж, изд. "Лемерр", 1920, стр. 186–187.

750 *Р. М. Рильке.* Мальтийские тетради Лауридс Бридж (пер. с франц.). Париж, изд. "Эмиль-Поль", 1927, стр. 219–224. Отметим лишь, что граф Магнус, отец графа Кристиана Бахе, не мог быть знаком с графом Сен-Жерменом, ибо родился в 1790 г.

751 *Мекк.* Метапсихизм и оккультизм. Париж, изд. "Бодело", 1928, стр. 46–48.

752 "Ле Лотюс Бле" (Голубой Лотос), № 3, май 1899 г., стр. 89.

753 *М. Магр.* Чародеи и Иллюминаты. Париж, изд. "Фаскель", 1930, стр. 245.

754 *Дж. Папини.* Гог. Флоренция, изд. "Валлочини", 1931, стр. 239 и след.

755 *Седир.* Рассказы о розенкрейцерах и об их доктрине. Руан, 1932, стр. 105.

756 *Робер Шовело.* "Аймата, дочь Таити" и "Три факира бдят". Париж, изд. "Бодиньер", 1934, два тома. Первый роман был опубликован в журнале "Меркюр де Франс", № 851 по 855, с 1 декабря 1933 г. по 1 февраля 1934 под названием "Остров Тражан". Имя "граф Кассандра", данное автором графу в "Трех факирах", заимствован из "Воспоминаний о Марии-Антуанетте" Ламот-Лангона.

757 *Р. Мажери.* Пистолеты Арсона, или Лик судьбы. Новелла, опубликована в журнале "Мерюор де Франс", № 916.15 августа 1936 г., стр. 24–48.

758 *П. Жеро.* Тайные общества Парижа. Париж, изд. "Эмиль Поль", 1938, стр. 34.

759 Укажем четыре последние работы:

— посмертная книга Пьера Лермье "Таинственный граф Сен-Жермен, розенкрейцер и дипломат". Париж, изд. "Кольбер", 1943.

До сих пор это самая лучшая книга по этой теме. Автор достаточно точно понимает персонаж, тем не менее несколько глав опираются на непроверенный материал;

— шутливая книга Анри Ришара "Бессмертные полубоги". Париж, Авиньон, изд. "Ле Ливр Нуво", 1944, в которой Сен-Жермен обладает не эликсиром долголетия, а прибором, производящим "интегрирующие" вибрации, поддерживающие жизненную силу;

— биографический очерк Жана де Керделана в книге "От Нострадамуса до Калиостро" (Париж, изд. "Сельф", 1945), в котором Сен-Жермен предстает перед нами как "девственный искатель приключений, умеющий по своему желанию производить золото и драгоценные камни, любящий на словах подчеркивать таинственный характер своих приключений";

— наконец, в "Исторических загадках" Леона Треша (аббатство Сен-Вандриль, изд. "де Фонтенел") представлен поверхностный анализ "ста жизней Сен-Жермена", но данные почерпнуты только лишь из легенд.

760 *Е.П. Блаватская.* Разоблаченная Изида. Москва, изд. Российского теософического общества, 1992, стр. 516.

761 Если граф Сен-Жермен и оправился в Англию в 1760 г., так только для того, чтобы избежать преследования герцога Шуазеля после того, как по просьбе маршала Бель-Иля он участвовал в мирных переговорах (см. часть 1, гл. VI).

762 В "Тайной доктрине", т. II, стр. 734, в сноске, Е.П.Б. (принятая у теософов аббревиатура для обозначения имени Е.П. Блаватской. — *Ред.)* упоминает о том, что цитируемые выдержки взяты ею из рукописи, приписываемой Сен-Жермену. В данных выдержках речь идет о числах и об их значении. В "Разоблаченной Изиде" Е.П.Б. говорит о "розенкрейцерской шифрованной рукописи", которой владел граф Сен-Жермен и которая являлась единственной копией каббалистической рукописи, хранящейся в Ватикане. "Она содержит самое пространное изложение (каббалистической) доктрины, в том числе ее особый вариант, принятый люцеерианцами и прочими гностиками". См.: *И. Купер-Оукли.* Случаи из жизни Сен-Жермена. В журнале "Ле Лотюс Бле", декабрь, 1899. № 10.

763 "Теософикл Ревью", 21 апреля 1889 г., № 2, стр. 6–7. Город Амритса, в Пенджабе, в Индостане — город сиккских воинов. Храм расположен посередине священного озера Amrista saras (Фонтан бессмертия). Е.П.Б. посетила этот город в 1880 г. вместе с г. С. Олкоттом. См.: г. С. *Олкотт.* Правдивая история Теософического общества. Париж, изд. "Адьар", 1906, т. И. стр. 211. Согласно Е.П.Б., именно в Амристе имело место первое

собрание членов Т.О. с представителями тысячи и одной секты Индии, которые "все более или менее сочувствовали идеям братства, провозглашенным нашим Теософическим обществом. См.: "В пещерах и дебрях Индостана". Париж, изд. "Адьар", 1936, стр. 82.

764 Е.П.Б. Теософический словарь. Лондон, 1892.

765 "Ле Лотюс Бле", ноябрь 1894 г., стр. 444–445. Графиня Вахмейстер сообщила также, что Е.П.Б. возобновит свою миссию в 1975 г.

766 *В.К Джадж.* "Эпоха Учителей". В журнале "Ле Лотюс Бле", январь 1895 г., № 11, стр. 527.

767 Как пишет Е.П.Б., "настоящий посвящений адепт сохраняет свое адептство, хотя бы он бесчисленное количество раз воплощался для нашего иллюзорного мира… В течение своих жизней адепт не теряет своего адептства, хотя он не может подняться в нем на более высокую ступень", "Тайная Доктрина", т. III, стр. 295. Как тогда объяснить тот факт, что граф Сен-Жермен, которого сначала рассматривали как простого посланника "Великой Белой Ложи", оказался впоследствии повышенным до чина вечно живого "Учителя"? См.: *Генон.* Теософизм. Париж, 1921, стр. 200.

768 *г. С. Олкотт* Феномены Е.П.Б. "Ле Лотюс Бле", август 1895 г., стр. 269.

769 Несмотря на все наши поиски, нам не удалось найти источник этой, на наш взгляд, маловероятной версии.

770 Под пером Ж. Ленотра данное утверждение выглядело так: "Восьмидесятилетний старик утверждал, что в детстве он слышал его игру на скрипке в Страсбурге, примерно в 1690 г."

771 Восхищались не только волшебством его игры и ее несравненной легкостью; его внешний вид также привлекал внимание. В нем хотели видеть нечто от демона, и о нем запустили самые невероятные слухи. См.: *Хуфер*, цитир. произв., т. XXXIX, стр. 39.

772 Анекдот взят из "Воспоминаний светского человека" *Ламберга*, цитир. произв., стр. 83. В данной статье указана ссылка на книгу Кеннетга Макези, "Королевская масонская энциклопедия" (на англ. яз.), Лондон, 1877 г.

773 Первое обращение автора к неизвестным до 1895 г. "Воспоминаниям о Марии-Антуанетте" Ламот-Лангона. Мы полагаем, что автором статьи "Жан л'Эклэрер" (Жан-разведчик) была И. Купер-Оукли.

774 А это место заимствовано у Т.П. Барнума в книге "Шутки Вселенной".

775 В 1772 г. князь Григорий Орлов был отправлен

Екатериной И в Москву, чтобы усмирить бунт и волнения, возникшие после эпидемии чумы.

[776] По данным Ф. Виттермана в книге "История розенкрейцеров". Париж, изд. "Адьар", 1925, стр. 148., "между 1750-м и 1760 г. в замке гессенского ланграфа Вильгельма III, Сен-Жермен произвел покровителя масонства в Бельгии князя Карла-Александра Лотарингского, бывшего в то время генеральным губернатором австрийских Нидерландов, в ранг кавальера Розенкрейцеров". В то время пфальцграфом гессенским был Фридрих II Гессенский, отец Карла Гессенского, друга графа Сен-Жермена. Никаких доказательств того, что князь Лотарингский был масоном, нет. 19 апреля 1761 г. он был назначен Великим мастером Тевтонского ордена Марии-Терезы.

[777] См.: Е.П.Б. в журнале "Теософист", т. II, май 1881 г., № 8.

[778] Вероятно, это искажение слов Вольтера в его письме Фридриху П: "Это человек, который никогда не умирает".

[779] "Некоторые восприняли это утверждение дословно и сочли, что Е.П.Б. была перевоплощением Сен-Жермена. См.: *Р. Генон*, цитир. произв., стр. 200.

[780] *Жан л 'Эклерер*. Тайна графа Сен-Жермена. В журнале "Ле Лотюс Бле", сентябрь 1895 г., № 7, стр. 314–319.

[781] *г. С. Олкотт.* Очевидные случаи одержания. Жжурнал "Ле Лотюс Бле", апрель 1898 г., № 2, стр. 72.

[782] "Ле Лотюс Бле", февраль 1899 г., № 12, стр. 426.

[783] "Ле Лотюс Бле", март 1899 г… № 1, стр. 1.

[784] "Случаи из жизни графа Сен-Жермена" вышли первоначально в журнале "Теософикл Ревью" с ноября 1897-го по ноябрь 1898 г. Французский перевод публиковался с мая по декабрь 1899 г. в "Ле Лотюс Бле".

[785] "Ле Лотюс Бле", май 1899 г., № 3. стр. 87–89.

[786] Графиня д'Адемар, придворная дама при дворце в Версале, умерла в 1822 г. В 1884 г. граф и графиня д'Адемар — из тех аристократических семей, которых революция разорила, вернулись из Америки во Францию. В Америке граф много путешествовал, бывал в том числе и у мормонов. Графиня была американкой. В середине 1884 г., на обратном пути из Индии, Е.П.Б. гостила несколько дней у графини д'Адемар. Эта очаровательная светская дама предоставила свои салоны в Париже для собрания членов Теософского общества. В 1869 г., будучи юридически наследницей авторских прав на "Тайную доктрину", она основала журнал "Теософикл ревью". Однако через год она была вынуждена по семейным обстоятельствам уехать из Франции и прекратить публикацию журнала.

В 1902 г., когда граф д'Адемар вернулся во Францию, госпожа

Купер-Оукли утверждала, что он "до сих пор не доставал документы ("Воспоминания…) из своих сундунков, где они хранились вот уже много месяцев. Наконец в 1911 г. графиня д'Адемар известила госпожу Купер-Оукли, "что у нее в Америке есть документы о Сен-Жермене".

[787] Первое издание вышло в Милане в 1912 г. в издательстве "Ars Regia". Второе — в Лондоне в 1927 г., в издательстве "The Theosophical Publishing House". Дополнительная часть в виде семи приложений, состоит из выдержек посланий послов, из архивных документов, достоверность которых не подлежит сомнению. В предисловии Купер-Оукли утверждается, что она "знает, где хранятся некоторые архивы о самом важном и интересном деле в жизни Сен-Жермена, но она не получила разрешения провести там нужные расследования". Возможно, речь идет об Амристе? Какой путешественник привезет это сокровище? Скажем лишь, что А. Безант провела целый год вблизи Амристы в 1906, за год до того, как она стала председателем Теосовского общества. См.: "Ле Лотюс Бле", октябрь 1906 г., № 8, стр. 269. Госпожа Купер-Оукли умерла 3 марта 1914 г., в Будапеште, "в столь любимой ею стране, на родине своего Учителя". См.: "Ле Лотюс Бле", май 1914 г., № 3, стр. 122–123.

[788] *Л. Ревель.* Мистицизм и мистики. "Ле Лотюс Бле", октябрь 1901 г., № 8, стр. 262. "Революция не дала усилиям графа Сен-Жермена — светлого посланца Великого Братства достичь цели". См. *Т. Паскаль.* Великие Учителя человечества. "Ле Лотюс Бле", 27 мая 1902 г., № 3, стр. 87.

[789] "Ле Лотюс Бле", март 1906 г., № 1, стр. 13–14.

[790] "Ле Лотюс Бле", март 1906 г., № 1, стр. 14.

[791] "Ле Лотюс Бле", март 1906 г., № 1, стр. 22–23.

[792] А. Безант, введение в книгу И. Купер-Оукли, цитир. произв., стр. 4. Австрийская семья, о которой идет речь, до сих пор носит фамилию Зимски. См.: *А. Безант.* Таинства. "Ле Лотюс Бле" от 27 декабря 1913 г., № 10, стр. 304.

[793] По мнению Мориса Магра, "граф Сен-Жермен утверждал, что способен остановить человеческие часы во время сна. Таким образом, он почти полностью избавлялся от физической траты энергии, которая происходит за счет дыхания и сердцебиения". См.: "Иллюминаты и Волшебники". Париж, изд. "Фаскель", 1930, стр. 233. Здесь же можно процитировать теософа Д.А. Курм о долголетии графа: "… его могучие способности позволяли ему экономить максимально естественную прану". См.: "Ле Лотюс Бле", март 1914 г., № 1, стр. 35.

[794] А. Безант, введение в книгу *И. Купер-Оукли*, цитир. произв., стр. 4.

[795] Церковь монастыря Мальтийского ордена, названная церковью Святой Марии Авентины или церковь del Priorato, содержит только захоронения различных мальтийских рыцарей. См.: *К Бадекер.* Италия. Часть вторая, стр. 261.

[796] "Ле Лотюс Бле", февраль 1912 г., стр. 428–429. "Данная среда (Т.О.) заботится меньше об исторической правде, чем об интуитивном познании и о чудесных откровениях". См.: *М. Магр*. Иллюминаты и Волшебники. Стр. 226.

[797] Госпожа Безант имеет приблизительное представление о титуле Ракоци, поскольку она называет его графом, а не князем. См.: "Развитие Т.О." в "Ле Лотюс Бле", октябрь 1912 г., № 8, стр. 240.

[798] Под таким именем мы знаем лишь французского летописца Робера Монаха, аббата церкви Святого Реми в Реймсе, умершего в 1122 г.

[799] С. Жинарайадаса обнаружил, что венгерский герой Хунайи Янош, названный Белым Рыцарем Валахии, был воплощением Христиана Розенкрейца. См.: "Ле Лотюс Бле", март 1913 г., № 3, стр. 19–21.

[800] *А. Безант.* Учителя. Париж, изд. "Адьар", 1917, стр. 86–87. В "Бюллетэн де Полэр" мы обнаружили, что граф Сен-Жермен, как утверждает "оракул астральной силы", после того как ему не удалось создать Братство в эпоху Революции, "был вынужден бежать на Восток. Перед смертью он передал другим божественную миссию, которой был наделен" См. статью Ж.С. "Настоящее лицо графа Сен-Жермена", апрель 1931 г.,№ 12, стр. 10.

[801] *А. Безант* и *С.У. Ледбитер*. Человек: откуда он, куца он идет. Париж, изд. "Адьар", 1917, стр. 7. По Е.П.Б., богиня Венера является факелоносителем нашей земли, в физическом и в мистическом смысле. См.: "Тайная Доктрина", т. II, стр. 41.

[802] По данным журнала The Nineteenth Century, январь 1908 г., "прошел слух о том, что он [граф] построил небольшое пристанище недалеко от г. Экс, где, сидя на золотом алтаре в позе Будды, он предавался интенсивному созерцанию". Такая информация, как нам кажется, является воспоминанием того, что памфлетист де Люше приписывал графу Сен-Жермену.

[803] *С.У. Ледбитер.* Учителя и путь. Париж, изд. "Адьар", 1921, стр. 10. Это сообщение подтверждено Ж. Трарье д'Эгмон, который знавал одного из тех, кто видел графа "живьем", и он добавляет: "Очень жаль, что это могло быть сочтено вымыслом". См.: "Тирс и Крест". Париж, изд. "Адьар", 1937, стр. 147.

[804] Возможно, по этой причине "Бывший азиат", автор статьи "Адепты и политика", в журнале "Теософия", февраль 1938 г., № 6,

стр. 124, путает С.Л. де Сен-Жермена, военного министра при Людовике XVI, и графа Сен-Жермена.

805 "Ясновидящий, видящий или утверждающий, что видит ясновидением собрание Агарты в пустынном месте в Гималаях, якобы увидел несколько раз графа Сен-Жермена со своими украшениями, одетого в разноцветные формы, каждый раз разные". См.: *М. Магр.* Невидимая красота. Париж, изд. "Фаскель", 1937, стр. 116.

806 *С.У. Ледбитер.* Учителя и путь. Стр. 37–38.

807 *С. У. Ледбитер.* Учителя и путь. Стр. 250–251.

808 По Е.П.Б., Акаша, или первичная сущность, является необходимым элементом всякой магической церемонии. См. "Теософический словарь".

809 Изд. "Сен-Жермен Пресс", Чикаго, США.

810 Журнал "Лондон Форум", сентябрь 1935 г., стр. 197–199. То же самое можно сказать и об утверждении Мэнли Холла, что публикуемый им портрет графа Сен-Жермен является репродукцией картины, хранящейся в Лувре в Париже. См.: "Феникс", Лос-Анджелес, Калифорния, 1935. Единственным известным портретом является гравюра, сделанная Н. Тома по картине" имевшейся в кабинете госпожи д'Юрфе и хранящейся в отделе графики Национальной библиотеки в Париже.

811 "Кайе де да Фратерните Полэр" ("Тетради полярного братства), июль — октябрь 1936 г"№ 34, стр. 19–21. Продолжение вышло в этом же журнале в январе — феврале 1938 г.

812 *Паль Шакорнак.* Элифас Леви. Париж, 1926, стр. 242–245.

813 *М. Магр*. Сверхъестественные вмешательства. Париж, изд. "Фаскель", 1939, стр. 163–165.

814 *Госпожа де Жанлис.* цитир. произв., т. 1, стр. 28.

815 *Госпожа дю Оссет*, цитир. произв., стр. 107.

816 *Барон Глейшен*, цитир. произв., стр. 128.

817 Воспоминания Харденброка в книге *И. Купер-Оукли*, цитир. произв., стр. 181.

818 *Сен-Симон.* Воспоминания. Париж, изд. "Ашет", 1872, т. II, стр. 264. Титул "Принц Испанский" был дан Дону Карлосу, сыну донны Хуаны ла Лока (т. е. "сумасшедшей") и Филиппа II, Кортесами Валладолида в 1513 г. с такой мотивировкой: "Если когда-нибудь королева вновь обретет здоровье и рассудок, принц, ее сын, уйдет из правительства и отдаст ей бразды правления. На письмах, королевских цидульках и прочих актах пишется сначала ее имя, а затем имя сына, который иного титула, как Принц Испанский, иметь не будет". См.: *А.Виолет* История испанских Бурбонов. Париж, изд. "Моро", 1843, стр. 363.

819 Граф де Каудербах графу Вакербат-Салмур. Гаага, 4

апреля 1760 г., в книге *г. В. де Воль*, цитир. произв., стр. 212.

820 *Де Люше*. Виконт Баржак, или Воспоминания, могущие стать историей этого столетия. Париж, 1784, т.1, стр. 52–53.

821 Воспоминания Харденброка, цитир. произв., стр. 242. См. также письмо Сен-Жермена господину де Мариньи.

822 *Барон Глейшен*, цитир. произв., стр. 128–129.

823 См.: стр. 23.

824 *П.Ж. Гролэу* цитир. произв., стр. 333 в сноске.

825 *Е. Флорез.* Воспоминания о королеве-католичке (на испанс. яз.). Мадрид, 1790, т. 11, стр. 988–990.

826 *П. Кальметт*. Шуазель и Вольтер. Париж, изд. "Плон", 1902, стр. 43.

827 *С. Санлени* и *Гирона.* Наследство Карла II. Барселона, 1933, два тома.

828 Одна их самих высоких должностей в государстве, соответствует должности великого испанского адмирала.

829 *Фердинанд Дуро.* Последний кастильский амиранте (на испанс. яз). Мадрид, 1903, стр. 4.

830 фредерико Транстамаре передал своим сыновьям и имя Энрикез, в память брата. См.: *Сен-Симон,* цитир. произв., т. II, стр. 190.

831 Фердинанд-Энрикез Кабрера, пятый кастильский амиранте, был возведен в чин герцога Риосеко Карлом V в 1520 г.

832 Фамилия Кабрера — старинная аррагонская фамилия, явно королевского происхождения.

833 *Ф. Дуро*, цитир. произв., стр. 104.

834 Элеонора Толедская, дочь Фердинанда-Алвареса Толедского, знаменитого герцога Альба, вице-короля Неаполя, вышла замуж за Козимо I Медичи в 1539 г.

835 Говорят, что один из предков Амиранте, будучи спутником Писсаро, завоевателя Перу, соединился с дочерью Инки, которая передала потомству если не имя, то свои наследственные права. См.: Ф. *Комб.* Княгиня Юрсен. Париж, изд. "Дидье", 1858, стр. 108.

836 *Алварес Сиенфуегос.* Героическая жизнь великого Сан-Франциско де Борха. Посвящается амиранте. Мадрид, 1726, см.: Ф. *Дуро,* цитир. произв.

837 *Люсиен Перэ.* Римская княгиня в XVIII в. Париж, изд. "К. Леви", 1896, стр. 338.

838 Герцог Медина-Сели был из второй линии носителей этого титула, исходящей от незаконорожденного сына Гастона-Феба, графа Фуа, женившегося на наследнице де ла Серда.

839 Генеральный архив Симанкаса, тайное отделение, книга 2422.

[840] Как известно, во время переговоров по поводу передачи Казаля Франции важную роль сыграл агент Мантуи — не кто иной, как знаменитый Магтиоли; в нем многие историки видят настоящего Железную Маску.

[841] Была учреждена медаль в честь этого военного подвига графа Мелгара.

[842] Основатель династии был Луитпольд, герцог Баварский, убитый в битве против венгров в 907 г.

[843] Поскольку пфальцграф Карл Баварский умер в 1685 г. без наследника, его крупное наследство перешло к герцогу Филиппу-Вильгельму, к великому огорчению сестры покойного, жены брата Людовика XIV, которую прозвали "Палатинянкой" (пфальцграфиней).

[844] *Ж. де Банье* Немецкая княгиня — королева Испании. Журнал "Le Bulletin de la société de sience…". № 11, январь — июнь 1933 г., стр. 112.

[845] Нейбург, столица одноименного герцогства, находится на правом берегу Дуная, в шести километрах от Ингольшгадта.

[846] *Э. Дюсере.* Королева Мария-Анна Нейбургская в Байонне. В цитируемом бюллетене, стр. 171.

[847] Император Германии Леопольд 1 женился в третьем браке на Элеоноре-Магдалине, старшей сестре Марии-Анны, тогда как ее старший брат женился на эрцгерцогине Марии-Анне-Жозефе, невестке императора. Вторая сестра Марии-Анны, Мария-Жозефа-Елизавета, была отдана замуж за короля Португалии Педро II. Другой ее брат Александр-Сигизмунд был епископом Аугсбурга.

[848] Орден рыцарей Святой Марии Тевтонской, или Немецкой, возник в начале XII века. После взятия Акры мусульманами орден базировался в Венеции, затем в Мариенбурге (крепость стала называться "крепостью Богоматери", поскольку она была покровительницей рыцарей), затем в Кенигсберге, затем, наконец, в Мергентхейме. Орден выжил в Германии, несмотря на различные невзгоды в годы Реформации (поскольку высшие должности должны были занимать знатные люди католического вероисповедания). Покровителями ордена являются Богородица, св. Георгий и св. Елизавета. Орден включает два класса — рыцарей и священников, которые все должны владеть немецким языком.

[849] Маркиз дел Карпио, дядюшка герцога Альбского, женился на племяннице графа Мелгара и умер в Париже в должности посла Испании.

[850] *П.Ж. Гролэ*, цитир. произв., стр. 233.

[851] В своем "Дневнике" за 5 сентября 1696 г. (т. V) Данжо цитирует странное сообщение: "Говорят, будто испанская

королева умерла. Будто она была беременна, ребенка извлекли, это был мальчик, который был жив и был крещен". Однако 10 сентября информация опровергается: "Королева не умерла, не была отравлена, даже не была беременна".

852 "Корреспонденция Герцогини Орлеанской, матери Регента". Париж, изд. "Шарпентье", т. 1, стр. 40.

853 *Ф. Дуро*, цитир. произв., стр. 43–44.

"Воспоминания" Сен-Филилпа. Париж, 1756, т. I, стр. 210. "Испанию он знает великолепно, и расскажет о ней лучше другого, если страсть не помешает ему. Он очень умен". *А. Жоффруа.* Неопубликованные письма княгини Юрсен. Париж, изд. "Дидье", 1859, стр. 125.

855 Медина-Сели восходили к Альфонсу X Кастильскому, прозванному Астрологом, через его старшего сына, ставшего зятем Людовика Святого (король Франции Людовик IX, прозванный Святым).

854 Первая жена графа Мелгара была сестрой герцога Медина-Сели и умерла в начале 1697 г.

857 Дедушка графа Оропеза был троюродным братом герцога Браганса Хуана, вступившего на португальский престол в 1640 г.

858 Людовик XIV иначе действовать и не мог, ибо если наследство переходило в руки австрийского дома, европейскому равновесию и французскому могуществу пришел бы конец.

859 Карла II так и назвали "околдованным королем": "Вызванный демон подтвердил, что болезнь короля вызвана колдовством — зелье, выработанное из человеческого мозга, смешанного с какао, высушило нервы и испортило кровь. Чтобы вылечиться от дьявольских чар, ему нужно было ежедневно выпивать чашку святого масла". См.: *П. де Сен-Виктор.* Испанский двор при Карле II. Париж, изд. "Калман-Леви", 1925, стр. 250.

860 В своем романе "Кастильский Амиранте" (Париж, изд. "Пуген", 1836), герцогиня д'Абрантес воспользовалась тем обстоятельством, что Амиранте снискал себе расположение двух королев и процитировала фразу из письма маркиза Лувиль герцогу Бовилье — о том, что у Амиранте был королевский полет.

861 В своих "Воспоминаниях" (т. II, стр. 88) Сен-Симон подчеркивал особый характер привязанности Амиранте к королеве.

862 Амиранте был прекрасен, его выделяли среди придворных как самого красивого мужчину при испанском дворе.

863 *Н. Рэнальс.* Испанское наследство: Людовик XIV и Вильгельм III. Париж, изд. "Плон", 1883, два тома.

864 "Рассказ Карла Раззини" (1695), см.: *Э. Дюсере*, цитир. произв. В Версале находится портрет испанской королевы, кисти

художника королевы Роберта Генса, который, вероятно, приехал вместе с ней в Байонну из Испании и умер там в 1728 г.

865 См.: *Санллери и Жирона,* цитир. произв.

866 Перед самой смертью король поступил странно: ему захотелось посетить своих умерших предков. Он отправился в Эскориал, и в пантеоне, в подземной часовне, попросил открыть все гробницы по порядку.

867 Исповедник короля, отец де ла Торрес, впоследствии заявил, что, умирая, король сказал, что его заставили подписать завещание, на которое он бы никогда не согласился" если мог бы действовать по совести. См.: *Сандраз де Куртиль*. Воспоминания маркиза Д***. Кельн, изд. "П. Марго", 1707, стр. 375.

868 *Капефиг*. Людовик XIV. Париж, 1844, т. II, стр. 137.

869 Гранды недолюбливали Филиппа V. Когда один из них подписывал какое-то соглашение у нотариуса, он написал: "Дон Альфонсо… такой же знатный, что и король и даже больше". Когда его спросили, зачем он это написал, он ответил: "Король — француз, а я — кастильянец. Уже этим я — более знатного происхождения, чем он". См.: *Аббат Деляпорт.* Французский путешественник. Париж, 1772, т. XVI.

870 Согласно "Политической и любовной истории кардинала Портокарреро" (место издания не указано, 1710 г.), королева отказала ему, и в отместку он встал на сторону французов против австрийки.

871 *Сандраз де Куртил*, цитир. произв., стр. 375.

872 При этом отметим, что в одной из статей завещания Карла II и в примечании, подписанном 5 октября, было указано, что наследник престола должен был оставить вдовствующей королеве правление над Нидерландами и теми итальянскими городами, которые она выберет, и только в том случае, если она предпочтет остаться в каком-нибудь испанском городе, предоставить его ей в полное владение и правление.

873 "Большинство грандов сопровождали Амиранте, когда тот уехал, достаточно долго". Княгиня Юрсен госпоже де Торси, 10 января 1703 г. См.: Госпожа Юрсен и испанское наследство. Париж, изд. "Шампион", 1903 г.

874 Отец Алварес Сиенфуегос (1657–1739) был ближайшим другом Амиранте. Сначала он преподавал философию в Компостелле и теологию в Саламанке. После смерти своего духовного сына, он уехал в Германию, где императоры Иосиф I и Карл VI доверяли ему дипломатические поручения при дворах Мадрида, Лиссабона, Лондона и Гааги. Карл VI возвел его в должность кардинала, назначил его своим полномочным представителем в Риме, затем епископом Катани и

архиепископом Монреаля в Сицилии.

875 "Увез с собой вещей более чем на три миллиона". *Аббат Милло*. Воспоминания герцога Ноай. Париж, 1777, т. III.

876 У Амиранте лежали большие суммы в банках Венеции, Генуи и Амстердама. См.: *С.Ф. Дуро*, цитир. произв., стр. 127. У Амиранте было как минимум 100 000 экю земельной ренты в Испании и Сицилии. См.:*Данжор,* цитир. произв., г. 9, август 1703 г.

877 *Сен-Силюн,* цитир. произв., т. II, стр. 381. Из всех писавших воспоминания, Сен-Симон — единственный, кто говорит о незаконнорожденном сыне Амиранте: все остальные дружно говорят о его племяннике Паскуале Хонрикесе, сыне маркиза Алканнизеса, брага Амиранте. Кстати, племянник позже покинет его и даст показания против него.

878 Исповедник королевы, жены Филиппа V, сказал, что Амиранте брал с собой племянника для того, чтобы передать его англичанам, обещавшим отвезти его в Мексику в качестве наследника последних Инков, по материнской линии. Княгиня Юрсен госпоже де Торси, 25 октября 1703 г., цитир. произв.

879 *Аббат Мимо,* цитир. произв., т. III, стр. 415.

880 Согласно маркизу Виллафранка, именно кардинал Портокарреро "погубил Амиранте, преследуя его". Княгиня Юрсен госпоже де Торси, 25 ноября 1702 г., цитир. произв.

881 Амиранте присовокупил к открытому письму и ехидный памфлет, в котором он высмеивал приход на испанский престол Бурбонов, желавших покорить весь мир. *Е. Сило.* История Испании. Т. IV, стр. 207.

882 *Ж.Р. de Мисси.* Общественная и тайная история мадридского двора. Кельн, 1719, стр. 60.

883 "Ключ кабинета испанских князей". Люксембург, 1704, т. I, стр. 5.

884 В опубликованном в марте 1706 г. прошении Мануэль Ариас напишет следующее: "Даже если допустить, что права Филиппа V могут в каком-то отношении казаться сомнительными, Испания должна радоваться, что находится под таким князем". См.: "Ключ кабинета…", т. IV, стр. 157.

885 "Вне всякого сомнения, среди испанских грандов существует своеобразная конфедерация. Они все избегают казаться близкими к Франции и допускают как нечто возможное приход эрцгерцога на испанский престол". Княгиня Юрсен госпоже де Торси. 25 ноября 1702 г., цитир. произв.

886 Согласно Данжо, покушение на Филиппа V и королеву должно было случиться 11 июня 1705 г. во дворце Буен Ретиро в Мадриде, их должны были увезти в Лиссабон, но попытка не

удалась.

887 Например, в "Новостях ордена Выпивки" (написанных Фр. Моржие, дата издания не указана, наверное, 1703–1705 гг.) можно прочитать следующую колкость: "Из Лиссабона 20 февраля 1705 г. На бале-маскараде Амиранте танцевал испанские фолии, что в его репертуаре" (фолия — дословно "танец сумасшедших").

888 "Ключ кабинета…", т. II, стр. 396.

889 "Воспоминания Сен-Филиппа", т. II, стр. 349.

800 Единственный известный портрет Амиранте принадлежит кисти испанского художника Клодио Коелле, находящийся в Эскориале, перед алтарем Святой Просвиры, и служит занавесью, как на сцене.

891 "Воспоминания маршала Бервика". Париж, 1780, т. I, стр. 340. После того как эрцгерцог вошел в Мадрид и был признан королем Испании под именем Карла III, вернувшийся в свое епископство в Толедо кардинал Портокарреро повел себя странно: "В тот день, когда город дал присягу на верность этому князю, кардинал ничего не упустил для выражения радости: он велел устраивать иллюминации, пел Te Deum в храме, публично и торжественно благословил знамя эрцгерцога и все это проделывал с таким старанием, что даже враги удивились. После этого странного переворота, он связался с людьми, о которых полагал, что они чувствуют так же, как и он, и помирился со вдовствующей королевой, которую сам же сослал в Толедо". "Воспоминания Сен-Филиппа", т. II, стр. 65–66.

892 *А. де Курсы.* Испания после Утрехского мира. Париж, изд. "Плон", 1891, стр. 279.

891 В Толедо, в храме, в часовне Св. Иоанна, в сокровищнице, можно увидеть четыре серебряных глобуса, над которыми возвышаются фигуры из того же металла, высотой в три фута, изображающие четыре стороны света. Каждая фигура украшена драгоценными камнями, добытыми в той части света" которую она изображает. Мария-Анна сделала храму этот подарок во время своего пребывания в этом городе н заказала мессы за свой упокой.

894 *Сен-Симон,* цитир. произв., т. III, стр. 293.

895 См.: "Ключ кабинета…", т. V, стр. 318.

896 "Княгиня Юрсен и испанское наследство", 16 сентября 1706 г.

897 *А. де Курси,* цитир. произв., стр. 285.

898 "Княгиня де Юрсен сумела избавиться от всех министров, друг за другом, и осталась единственной главой государства", *Сен-Симон,* цитир. произв., т. IX, стр. 342.

899 Елизавета Фарнезе была дочерью Софии-Доротеи

Нейбургской и князя Эдоардо, старшего сына и потенциального наследника царствующего герцога Пармы Рейнуче Фарнезе. Когда Эдоардо умер, его брат Франциск занял престол и женился на его вдове. Кроме того, испанская королева была родственницей последнего из Медичи, Джио-Гастона, поскольку тот женился на вдове князя Филиппа Нейбургского. брата ее матери, а также вдовствующей королевы Испании Марии-Анны. Поскольку сестра Джио-Гастоне — Анна Медичи вышла замуж за пфальцграфа Вильгельма Нейбургского, другого брата вдовствующей королевы. Овдовев в 1716 г., Анна обосновалась во Флоренции, где и умерла в 1743 г. Добавим, что король Сардинии, Карл-Иммануил III Савойский, также был женат, в первом браке, на княгине Нейбургской, умершей в 1722 г.

[900] Письмо от Сент-Аньана Торси, 5 января 1715 г.

[901] *А. де Курси,* цитир. произв., стр. 372.

[902] *Е. Дюсере*, цитир. произв., стр. 339. Около 1718 г. она построила дворец Маррас, где, однако же, никогда не жила, предпочитая находящийся недалеко дворец Св. Михаила.

[903] Тем не менее позже в Байонне рассказывали, не придавая этим слухам особого значения, что королева тайно любила молодого кавалера Ларретеги, и от этой тайной связи родилась дочь. Однажды карета Марии-Анны застряла среди других на мосту Майур, и старший брат Ларретеги, оказавшийся тут, громко закричал "Дорогу моей невестке!" Его арестовали и препроводили в замок Иф. См.: *А. де Курси*, цитир. произв., стр. 201.

[904] *Е. Дюсере*, цитир. произв., стр. 151.

[905] *Е. Дюсере*, цитир. произв., стр. 178.

[906] 10 августа 1722 г. умерла одна из ее сестер, Ядвига-Елизавета-Амалия, отданная замуж в 1691 г. за князя Якова Собесского, старшего сына знаменитого польского короля. Мария-Шарлотта, одна из их дочерей, выходила замуж последовательно за обоих сыновей герцога Шарля-Годефруа Бульонского: за князя Фредерика-Мориса-Казимира, князя Тюреннского и за Шарля-Годефруа, герцога Бульонского. Вторая дочь — Мария-Клементина, была отдана замуж за князя Якова-Эдуарда Стюарта, прозванного рыцарем Святого Георгия, и стала матерью Претендента Карла-Эдуарда, о котором мы говорили в первой главе второй части. Если принять родство Сен-Жермена с Марией-Анной Нейбургской, то наш персонаж принадлежит таким образом к кругу Стюартов в изгнании, и мог участвовать в бунте якобитов в 1746 г. Тогда становится понятно, почему же герцог Буйонский так хотел с ним познакомиться.

[907] *Виктор Гюго.* Рюи Блас: драма в 5 действиях. Лейпциг,

изд. "Брокгауз", 1838. "Вся эта история — сказка", — сказал в 1872 г. Фр. Сарсэ, когда пьесу поставили в театре "Одеон" в Париже.

908 По поводу фамилии Сен-Жермен можно указать, что в Испании существует титул герцога Сан-Герман. Фамилия и титул принадлежали Франциску де Сотавила, бывшему вице-королю Сардинии, затем Каталонии. После победы над Шомбергом в Беллегарде в 1674 г., Сан-Герман оказался очень влиятельной фигурой при испанском дворе, и вместе с Оропезой и графом Мелгаром стал одним из тех вельмож, которые правили Испанией при Карле II. Поскольку он умер, не оставив детей, фамилия Сен-Жермен стала ничьей. Может быть, она была дана сыну графа Мелгара в память друга его предполагаемого отца?

909 *Князь Гессенский*, цитир. произв., стр. 134. Согласно С. Кантю, "маркиз Сен-Жермен имел мощную поддержку в лице последнего великого герцога Тосканского, которого он возвел в ранг посвященных". См.: "Еретики Италии". Париж, 1870, т. V, стр. 53.

910 *Барон Глейшен*, цитир. произв., стр. 133.

911 Жизнь Джио-Гастона (на итал. яз.). Флоренция, 1886, стр. 6.

912 Путеводитель по городу Флоренция. Флоренция, 1830. стр. 479.

913 *Барон Глейшен*, цитир. произв., стр. 128.

914 *Ф. Хеффер.* История химии. Париж, изд. "Фирмэн-Дидо", 1869, т. II, стр. 358.

915 Козимо III первым проводил опыты над природой алмаза с помощью горящего зеркала, в присутствии д'Аверани, своего сына и его учителя — физика Таргиони. См.: *Макер.* Химический словарь. Париж, 1778, т. I, стр. 491. Ср. с историей алмаза Людовика XV, рассказанной Оссет.

916 Эта дата не совпадает с той, что указывает князь Гессенский, однако, как мы помним, он не всегда отличается точностью.

917 *А. де Боффарул.* История Каталонии.

918 Для каталонцев Монсеррат является святым местом, священной горой, символом их верований и тем тайным местом, куда они приносят свои радости и горести. В храме стоит черная статуя Богородицы, в которой признают одно из тех изображений, высеченных в пустынном районе близ Фив, где собирались первые христиане.

Не в память ли пребывания графа Сен-Жермена в Монсеррате Казанова называет его "Катапани", или для того, чтобы напомнить нам, что его отец был вице-королем Каталонии?

[919] *Ж. де Мариана* и *Хао.* Общая история Испании. Париж, 1723, т. IV, стр. 225. Архив монастыря Монсеррат был сожжен в 1811 г. по приказу генерала Леччи — итальянца на службе у Наполеона. Добавим, что граф Сифуентес был одним из благотворителей монастыря.

[920] *Казанова.* Монолог мыслителя. Париж, изд. "Форт", 1926, стр. 35.

[921] Когда ландграф Гессенский говорит о двух братьях Сен-Жермена, происходящих из так называемой линии Ракоци, он скрывает существование двух братьев Марии-Анны Нейбургской, покровителями которых были соответственно св. Георгий и св. Елизавета. Однако первое имя он изменил на св. Карла.

[922] Приведем странное наблюдение. В начале своих путешествий наш герой отправляется в Германию, где имеет большие земли, но лишь в 1741 г. Почему? Потому что его предполагаемая мать умерла в 1740 г., а также и император Карл VI (бывший эрцгерцог Карл) и отец Сиенфуегос, почивший в 1739 г. Только эти трое знали о его корнях. После их смерти никто не знал, кем он являлся. Отныне он и стал графом Сен-Жерменом.

[923] *Князь Гессенский*, цитир. произв., стр. 135.

[924] В рамках данной работы мы не можем излагать теорию космических циклов. Просим читателя обратиться к работе Рене Генона "Кризис современного мира", глава первая, и статье того же автора "Несколько замечаний о доктрине космических циклов", опубликованной в журнале "Этюд Традисонель" в октябре 1938 г.

[925] Евангелие от Иоанна, 21, 22.

[926] См.: *Марсель Гранэ*. Китайская мысль. Париж, 1934, книга IV, глава III: "Рецепты святости".

[927] См.: *П. Брунтон.* Таинственная Индия. Париж, изд. "Пайо", 1937; и *Ж. Маркес-Ривъер.* Секретная Индия и ее магия. Париж, изд. "Евр. Франсез", 1937.

[928] *А. Прео*. Калки, десятый аватар Вишну. Журнал "Ле Вуаль д'Изис", июль 1931 г., стр. 435.

[929] См.: *А. Давид-Неель.* Сверхчеловеческая жизнь Гесса-ра Лингского. Париж, изд. "Адьар", 1931, стр. 24; *Р. Блейштейнер*. Желтая Церковь. Париж, изд. "Пайо", 1937, стр. 72: *Ж. Маркес-Ривъер.* Буддизм в Тибете. Париж, 1936, стр. 181.

[930] См.: *А. Давид-Неель,* цитир. произв. и "Магия любви и Черная магия". Париж, изд. "Адьар", 1932, русский перевод в журнале "Наука и религия", 1992, № 3, 6—12 и 1993, № 6—12.

[931] "В ожидании его возвращения, шиитское сообщество считает себя под руководством невидимого имама, и каждый

должен присягать ему в верности. Таким образом, в 1910 г., персидский парламент начал свою работу в присутствии спрятанного имама". *А. Массе.* Ислам, стр. 153. О традициях, связанных с Мадхи в суннитском и шиитском исламе. См.: "Высказывания Ибн Калдуна" (пер. с франц. Слана), т. II, глава "Ожидаемый фатимид".

[932] См.: *Муэддин ибн Араби.* Категории посвящения (пер. с араб, на франц. Абула-Хади). Журнал "Этюд Традисонель", февраль 1936 г.

[933] См.: *Коран*, сура 28, Пещера, 59–81; а также *А.ККоомарасвами.* Хвайа Хадир и фонтан жизни. Журнал "Этюд Традисонель", август — сентябрь 1938 г

[934] *Я. Массиньон.* Страсть Эль-Халлажда. Париж, 1922, т. I, стр. 324.

[935] *Л. Массиньон*, цитир. произв., т. II, стр. 537.

[936] *И. Е. Миитэ.* Тайна рыцарства. Париж, изд. "Босс", 1928, стр. 41.

[937] *Леру де Леней.* Книга легенд.

[938] *У. Тхамс.* Сказания и легенды разных стран; *Ж. Эвола.* Легенда о Граале и тайна империи. Журнал "Этюд Традисонель", ноябрь — декабрь 1939 г.

[939] Переданным А. Цэтом в книге "Священный Грааль".

[940] *Мастер Эккарт.* Проповеди и Трактаты: перевод на французский П. Пети. Париж, изд. "Галлимар", 1942, стр. 8.

[941] *Поль Люка.* Путешествие в Грецию, Малую Азию, Македонию и Африку. Париж, 1712.

[942] *Седир.* История розенкрейцеров. Изд. "Бихорель", 1932, стр. 357.

[943] *Седир*, цитир. произв., стр. 85–86.

944 Разумеется, речь идет о "продолжении" жизни тела, а не о "телесном бессмертии" подобно тому, что предлагала некая псевдошкола посвящения. К вопросу о долголетии: см. главу XLII книги Рене Генона "О посвящении", вышедшую после окончания работы над этой рукописью.

[945] Псевдопосвящение, которое вечно стремится имитировать настоящее посвящение, и здесь постаралось. Часто, с помощью особо мрачных технологий, ничего общего с духовным совершенствованием не имеющих, некоторые колдуны пытались продлить жизнь тела, и, может быть, это кому-то и удавалось. См.: *А. Давид-Неель.* Магия любви и черная магия. Глава V и VI.

[946] Очевидным образом слово "перевоплощение" здесь не подходит, поскольку перевоплощение является не простым возвращением психических элементов, а возвращением того же существа в какую-нибудь телесную оболочку, что невозможно

(см.: *Р. Генон* Ошибка спиритов). А. Давид-Неель подчеркивает, что речь идет здесь о народной интерпретации.

947 *А. Давид-Неель* Мистики и маги Тибета. Москва, "Дягилев Центр", ЦДЛ, 1991, стр. 81.

948 "Мистики и маги Тибета", стр. 83–84. "Предыдущие жизни", о которых идет здесь речь, не "воплощения", а дочеловеческие состояния того существа, которое в данное время пребывает в человеческом виде.

949 "Мистики и маги Тибета", стр. 85–86.

950 Среди особенностей розенкрейцеров следует отметить "дар к языкам", которым, как кажется, обладал граф Сен-Жермен.

951 *Рене Генон.* Роза и Крест, розенкрейцеры. Журнал "Ле Вуаль д'Изис", апрель — май 1931 г., стр. 278–279.

952 См. работу Рене Генона с аналогичным названием.

953 "Изначальное", или "райское" состояние, в котором человек виртуально достигает бессмертия, характеризуется "простотой", которая символизирует слияние всех потенций человека. Простота называется состоянием "детства" (balya) в индусской традиции и в Евангелии (Матфей, 11: 25. Лука, 10: 21). См. об этом у *Рене Генон.* Эль-Факру. Журнал "Ле Вуаль д'Изис", 1930, стр. 714.

954 Наиболее известным является случай "суфлеров", которые, буквально восприняв основанную на минералах символику герметистов, пустились в беспорядочное экспериментирование. Другой пример — попытки сотворения гомонкулуса колдунами Возрождения как карикатуру на создание зародыша бессмертия и "рождения нового человека".

955 Так же, как и Космополита, и Филалета, графа Сен-Жермена можно рассматривать как "благородного путешественника", который, так же как и таоисткие "Пхал" или исламские Са'ихун, "путешествует по разным странам с внешней целью встретить людей (Аллаха). Внутренняя ценность этих путешествий состоит в том, что они постигают высшие "макамат" (уровни посвящения) и состояния вдохновения, исходящие из благородного источника всякого знания". См.: *Мохиддин ибн Араби.* Категории посвящения: перевод Абдула Хади. В журнале "Этюд Традисонель", февраль 1936 г. О "Пхап" читайте *Матгиои.* Рациональный путь: второе изд., 1941, стр. 168–169.

956 "Письмо Блессинга госпоже де Рош", цитируемое Марком Хавеном в книге "Неизвестный Учитель". Париж, изд. "Дорбон", дата издания не указана, стр. 28. Что касается Калиостро, нам представляется небезынтересным напомнить некоторые из прерогатив, которыми он хвастался, поскольку некоторые из них также характеризуют и графа Сен-Жермена: "Я не принадлежу

никакому времени или месту, мое духовное я живет вечной жизнью, и если я мысленно окунусь вверх по течению времени, я мышлением достигну образа жизни, отличного от того, который вы знаете, я стану тем, кем мне хочется быть.

Я сознательно являюсь частью абсолюта, меняю свои действия в зависимости от среды, в которой нахожусь. Мое имя — имя моей должности, и я его выбираю, так же, как я выбираю свою должность, ибо я свободен. Я тот, кто есть. Что до места и часа, при которых мое материальное тело образовалось на этой земле, примерно сорок лет тому назад, что до семьи, которую я выбрал в этой цели, я знать о них не хочу… Я не из плоти рожден, не благодаря воле человека, я рожден из духа. Мое имя, то, которое я выбрал для того, чтобы жить среди вас, вот имя, которое я признаю. То, которое мне дали при рождении, то, которое мне давали в юности, те имена, под которыми я был известен в другие времена и в других местах, — я их оставил, как я бы бросил вышедшее из моды, ставшее ненужным платье. Вот я — я благородный, я путешественник". ("Реферат об обвиняемом графе Калиостро против генерального прокурора": место издания не указано, 1786, стр. 12 и след., воспроизведено в кн. *Марка Хавна,* цитир. произв., стр. 282–284.

957 Можно также задать себе вопрос (и это никак не будет идти вразрез с предыдущей гипотезой), в каком соотношении находятся имя Сен-Жермена и символическая Германия розенкрейцеров. По мнению Михаеля Майера, это не "известная под этим названием географическая страна, а символическая земля, в которой содержатся зародыши роз и лилий, место, где эти цветы растут непрерывно, философский сад, куда чужим вход заказан" ("Themis Aurea", глава III, цитир. в работе Поля Шакоорнака "Мишель Майер, медик, философ, герметист, Ученик розенкрейцеров", изд. в журнале "Ле Вуаль д'Изис", 1932, стр. 388). Возможно также сближение имени графа Сен-Жермена с названием Священной Римской германской империи, которая являла собой в течение нескольких веков прообраз христианского мира и теоретический анализ которой дал Данте в книге "О монархии". В таком контексте следует вспомнить, что глава некоторых розенкрейцерских организаций носит титул императора.

959 Как бы странно ни показалось то, что графом Сен-Жерменом могли оказаться несколько человек последовательно или даже одновременно, они, тем не менее, могли иметь одно и то же лицо. Самое лучшее, что остается — это процитировать здесь то, что писал об этом вот уже тридцать лет назад авторитетный человек: "… Существует в Индии целая категория

странных людей, у которых на руке опознательный знак в виде рога антилопы и которые к тому же внешне выглядят абсолютно одинаково. Никто не знает, как зовут этих людей, и никому не придет в голову спросить об этом, ибо все знают, что они освободились от внешних ограничений имени и формы — этих двух элементов обычной индивидуальности. Их общая внешность запечатлена на скульптурах древнейших памятников Индии, и, что самое странное, мы встречали этот тип людей даже в Европе, среди довольно значительных представителей одной оккультной власти".

[959] Для краткости называют "Филалетом" работу, приписанную этому автору, носящую название Introitus Apertus ad occlusum Regis Palatium и датированную 1645 г. Это одна из наиболее замечательных работ по герметизму.

[960] Заметим, что слово germanus также означает "настоящий", "правдивый".

[961] См.: *Валентина Андреае.* Химическая свадьба Христиана Розенкрейца в 1459 г… Париж, 1616.

[962] См.: *Рене Генона.* Кельн или Страсбург? Журнал "Ле Вуаль д'Изис", 1927, январь.

[963] *Поль Шакорнак.* Париж, 1900, стр. 25.

[964] То, на что мы здесь намекаем, имеет много общего с двенадцатью последними характерными сентенциями документа, известного под названием "Предсказания святого Малахия", имеющие чисто духовный, намного более глубокий смысл, нежели тот, который обычно предполагают.